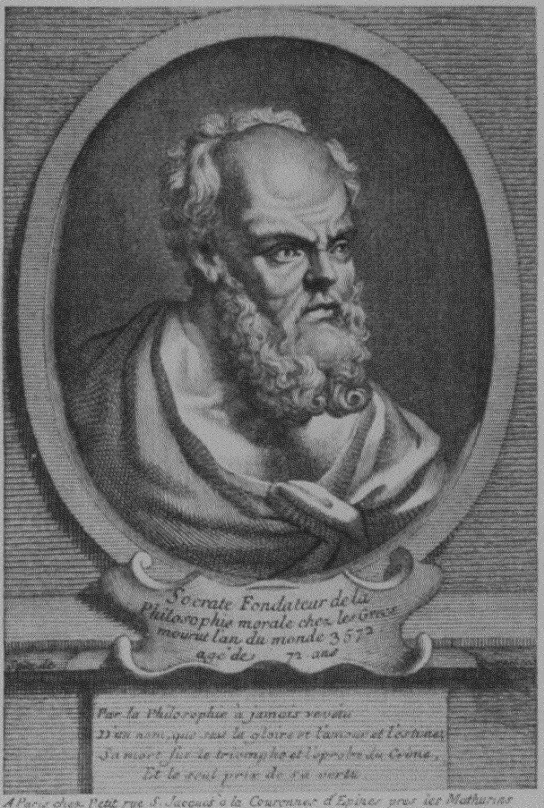


A Paris chez Petit rue S. Jacques à la Couronne d'Epines proche les Mathurins

С. А. Жебелев

СОКРАТ

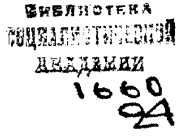
Р. С. Ф. С. Р.
Государственное Издательство
Берлин 1923

1B

Alle Rechte, einschließlich des Uebersetzungsrechtes, vorbehalten

Copyright 1923 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin

Напечатано Государственным Издательством по договору с Издательством З. И. Гржебина



Сократ

Биографический очерк

Сократ.

Биографический очерк С. А. Жебелева.

I.

На Афинском акрополе стояла бронзовая группа работы Мирона, знаменитого греческого скульптора первой половины V века до Р Хр. Группа эта изображала богиню Афину и сатира (или силена) Марсия*) в тот момент, когда он нашел брошенную Афиной флейту и в радостном изумлении не знает, схватить ли ему флейту, или оставить ее лежать. С неподражаемым мастерством противопоставил художник спокойную позу богини возбужденному состоянию сатира, миловидную голову Афины — безобразному, хотя и добродушному, выражению лица Марсия. Несмотря на контраст обеих фигур, составляющих группу, она, как художественное произведение, представляет собою одно гармоническое законченное целое.

И образ Сократа, если рассматривать его с внутренней и внешней стороны, представляет разительный контраст, но взятый в целом, может служить примером удивительной гармонии. Алкивиад, нахо-

*) Афина, Сатир — читай об'яснения в «Словаре мифологии».

дившийся одно время под сильным влиянием Сократа и бывший восторженным его поклонником, в таких словах отзывается о том впечатлении, которое производили беседы Сократа: «Когда я слушаю его», говорит Алкивиад, «сердце мое стучит гораздо сильнее, чем у корибантов (жрецов Великой Матери богов, в диком воодушевлении отправлявших служение ей), и слезы льются от его речей. Вижу, что и многие другие испытают то же самое. Когда я слушал Перикла и других хороших ораторов, я находил, что они хорошо говорят, но ничего подобного не испытывал, и душа моя не приходила в смущение и не возмущалась против моей рабской природы. А этот Марсий приводил меня зачастую в такое состояние, что мне казалось недостойным жить таким, каков я есть». Называя Сократа Марсием, Алкивиад, очевидно, имеет в виду фигуру этого сатира, изваянную Мироном, и сопоставляет внешний облик Сократа с обликом Марсия. И другие современники Сократа находили, что он похож на сатира. Это обстоятельство повело к тому, что в искусстве Сократа изображали в обычном, несколько облагороженном, типе сатиров, придавая чертам его лица выражение какой-то комической маски: крепкая приземистая фигура с отвисшим животом, коротким, толстым затылком, плоским широким носом, глазами на-выкате, смотревшими «по-бычьи», большим толстогубым ртом, большой лысиной. И лишь громадный нависший лоб свидетельствовал о том, что этот «сатир» обладал большим умом. Таков был внешний облик Сократа, символом которого может служить фигура Марсия в группе Мирона.

Символом внутреннего облика Сократа должна служить другая фигура той же группы — Афина, божественное воплощение мудрости. В новое время все, кто писал о Сократе, пытались, каждый по-своему, подвести его под тот или иной тип, старались охарактеризовать его внутренний образ: теоретик-мыслитель, социальный реформатор, философ-популяризатор, благородный друг человечества, критик-рационалист, мечтатель-утопист, мистик, свободомыслящий атеист и т. д. Одни восторгались личностью Сократа, другие — совсем его не ценили, готовы были даже его ненавидеть. Для одних Сократ — умный софист, для других — мелочный, скучный моралист, для третьих — политический реакционер, оказавший гибельное влияние на свободное развитие человеческого духа, для четвертых — дерзновенный революционер, ниспровергающий установившиеся порядки, но бессильный заменить их чем-либо новым и т. д.

Во всех этих подходах к выяснению личности Сократа есть своя доля правды, но столько же и неправды, и, во всяком случае, все предложенные характеристики Сократа не исчерпывают до конца сущности его природы. Как всякий гениальный творец, Сократ совмещает в себе ряд противоположностей, но приводит их к высшему единству. Если угодно, он в одно и то же время и революционер, и реакционер, хотя и далекий от того, чтобы действовать агитационно, или вступить на практическую почву реформы; он старается сохранить установленное, но, вместе с тем, прокладывает пути к новому Он — глубоко религиозный человек, крепко держится за старую религию и,

однако, ей же наносит смертельный удар. Он признает лишь ту мораль, которая считается с пользою отдельного человека, но эта польза, вместе с тем, есть общее благо. Он обращается со своей проповедью к отдельным людям, но эти люди мыслятся им только как члены всего государства Он исследует и критикует каждое представление, и в результате получается незыблемое установление общих понятий. Он является самым могучим защитником силы разума, неутомимого мышления и одновременно одушевлен самою горячей любовью к своим собратьям, к своей родине. Высшее напряжение ума соединяется в нем с таким же напряжением сознательной воли и нравственного чувства. Сократ — натура не односторонняя и только в себя погруженная. Напротив, в течение всей своей жизни он стремился равномерно обнять все стороны, все интересы человеческой природы. Он ясно определяет цель, к которой идет, и энергично прокладывает к ней дорогу; что́ лежит в стороне от этой цели, того он не касается и еле-еле удостаивает взглядом

Сократ сосредоточил в себе всю совокупность предыдущего развития греческой мысли и пришел здесь к такому результату, который человечество никогда уже не могло утратить. Этого он достиг благодаря своей индивидуальности, благодаря глубокому разуму и могучей воле, благодаря непоколебимому убеждению, что неутомимая деятельность приводит людей на высоту чистого познания. В своем жизненном призвании Сократ усматривал божественную миссию, но никогда не смотрел он на себя как на боговдохновенного пророка, ни-

когда не из'являл притязаний на то, чтобы в него и в его слова слепо верили; напротив, он побуждал людей подвергать постоянному испытанию и исследованию справедливость высказываемых им положений, руководил ими в их собственной работе над собою и убеждал, что каждый человек лишь сам, чрез свою деятельность, может постигнуть истину.

Оригинальная личность Сократа заключает много загадочного в своей цельности и многогранности, совмещает трезвую рассудительность с духовной прозорливостью, скептический рационализм с религиозностью, ясный, холодный, сильный ум с горячим, непрестанно бьющимся сердцем, вся работа которого направлена к тому, чтобы сохранить холодность ума В существе своем страстная натура Сократа целиком направлена на то, чтобы содействовать просветлению разума. В искусстве разума и состоит мудрость Сократа, источник его внутренней свободы и гармонии, его мужества, праведности и счастья. Мудрость Сократа была непосредственным выражением его личности, его духовной жизни. Не рассудочно пришел Сократ к своей мудрости, а в результате пережитого нравственного опыта, нравственного самосознания. Проповедуя господство разума, Сократ чужд отвлеченного морализма. «Я только и делаю», говорил Сократ, «что хожу и убеждаю каждого, молодого и старого, заботиться прежде всего и сильнее всего не о теле вашем, не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше.» Сила мудрости Сократа заключалась в ее непосредственности, в постоянном указывании на красоту человеческой личности, в подчеркиваньи в ней того, чтó есть в ней

самого дорогого, и что́ люди обыкновенно ни во что не ценят И Сократ умел пробуждать в людях такое сознание; он видел в них самое дорогое и ценное с прозорливостью влюбленного, для которого любимое существо является идеально-совершенным. Сократ умел заставлять людей почувствовать то, что́ он видел, но, вместе с тем, с неподражаемой иронией умел он доказать людям и то, насколько идеал не соответствует действительности, насколько жизнь людская не достойна этого идеала.

Сколько бы мы ни старались подвести личность Сократа под тот или иной трафарет, под ту или иную шаблонную кличку, прилагаемую к великим людям со сложною внутреннею организациею, все такие попытки окажутся безуспешными и, в конце концов, бесцельными. К тому же нельзя забывать, что Сократ был дитя своего народа, сын своего времени. И вместо того, чтобы налеплять на личность Сократа наши теперешние ярлыки, правильнее и спокойнее припомнить то, как смотрели на Сократа те люди, среди которых он жил и в среде которых протекала его деятельность.

«Из всех мужей Сократ — наимудрейший.» Такое изречение дала дельфийская пророчица, Пифия, когда один из восторженных поклонников Сократа, еще при жизни его, обратился к оракулу с вопросом, есть ли кто на свете мудрее Сократа. Признание Сократа дельфийским оракулом, высшим духовным авторитетом в глазах греков, за наимудрейшего из людей, не встретило единодушного признания среди его современников: иначе нельзя понять того смертного приговора, который был вынесен Сократу. Но, в данном случае, Со-

крат испытал на себе то, что испытывали после него многие из великих людей, которых современное поколение или не понимало вовсе, или понимало облыжно, но которых потомство причислило к сонму великих.

Судьба Сократа похожа на судьбу «тех редких, всегда одиноких людей, которые, постигая волю провидения, подчиняют ей свою личную волю. Ненависть и презрение толпы наказывает этих людей за прозрение высших законов.» (Л. Толстой). Трагический конец Сократа, пострадавшего за веру в свою идею, в свою деятельность, способствовал тому, что репутация его, как наимудрейшего из людей, укоренилась и окрепла уже в сознании не только ближайшего поколения, за ним следовавшего, но и в представлении всего человечества. Для него Сократ как был, так и останется истинным воплощением мудрости, вечным типом мудреца.

Да, Сократ был, прежде всего, мудрец (софóс), вся деятельность которого была направлена к тому, чтобы постигнуть мудрость (софиа) самому и приобщить к ней других. Какая же это была мудрость? Во время суда над Сократом он заявлял, что своей популярностью он обязан «некоторой мудрости»; предваряя вопрос, с которым могли к нему обратиться его обвинители, что это за мудрость, он говорит: «да уж, должно быть, человеческая мудрость; этой мудростью я, пожалуй, и в самом деле мудр», а другие, считающие себя мудрецами, мудры либо «сверх-человеческою мудростью», либо какою-то другою, о которой он, Сократ, ничего определенного сказать не может, но которой он, во всяком случае, не понимает.

Сократ был мудрец, воплотивший в своем лице именно человеческую мудрость, такую мудрость, которая считается, главным, чтобы не сказать исключительным, образом, с человеком, человеческой жизнью во всех ее разнообразных проявлениях. Один из последних горячо убежденных языческих мыслителей, император Юлиан Отступник, правильно заметил, что основою мудрости Сократа была «теория». Но эта «теория» прилагалась им не ради каких-либо иных целей, а имела в виду только «практику». Исключительно теоретическая мудрость — удел «философов», друзей, любителей мудрости и, в конечном итоге, учителей ее. Сократ же не был «учителем» в обычном смысле слова. Достаточно указать теперь же, что у него не было никакого определенного учения; тем менее можно говорить о какой-либо определенной философской системе, выработанной Сократом. Философом Сократ является лишь постольку, поскольку он стремился к познанию мудрости человеческой; он не учил этой мудрости других, но сам постоянно искал ее, учил других искать ее, пробуждал любовь к ней в других, не подменивал ее никаким личным догматическим учением.

Мудрость Сократа коренится не в теоретических построениях философов, предшествовавших ему, создавших определенные философские системы. Она восходит и примыкает скорее к практической мудрости тех его предшественников, за которыми упрочилось название «семи мудрецов», и число которых, конечно, не ограничивалось этою цифрой «семь». Это были не ученые исследователи в нашем смысле, а люди практической житейской муд-

рости. С необычайной прозорливостью и самостоятельностью суждения шли они, прежде всего, навстречу моральным вопросам и запросам, выдвигаемым жизнью. Они отчеканили свою «мудрость» в хорошо знакомых кратких сентенциях и изречениях, вроде: «Познай самого себя», «Ничего слишком» и т. д. По словам самого Сократа, этими изречениями «семь мудрецов» положили «зачаток мудрости». В лице Сократа этот «зачаток мудрости» не только получил дальнейшее развитие, но и вылился в вполне законченное гармоничное целое, в своего рода «систему мудрости». «Зачаток мудрости» стал самой мудростью, и эта мудрость была не учением, а духовной деятельностью, жизнью. Один из друзей Сократа говорил о нем, что он производит на него «музыкальное впечатление»; и не из лиры, или какого-либо другого инструмента извлек Сократ «прекраснейшую гармонию», а из самой жизни, так как он в себе самом согласовал «слово и дело» Мудрость Сократа так тесно сливается с его личностью, что для того, чтобы понять эту мудрость, нужно близко ознакомиться и с личностью и с жизнью самого мудреца.

II.

Сделать это, однако, не так-то легко по причинам двоякого рода. Мы уже указывали выше, к каким разнообразным, иногда противоположным и взаимно исключающим друг друга точкам зрения на личность и деятельность Сократа приходили люди нового времени. Чем это об'ясняется? А вот, прежде всего, чем: Сократ отделен от нас промежутком в две тысячи лет слишком Правда, за

этот промежуток времени постарело человечество, мудрость же Сократа, став мудростью общечеловеческой, такая же юная, какою она была при жизни мудреца. Но человечество постарев вряд ли способно теперь воспринимать мудрость Сократа так же непосредственно, как воспринималась она его современниками и ближайшими потомками. Две тысячи лет с лишним, отделяющих нас от Сократа, должны были неизбежно наложить свою печать не только на степень интенсивности нашего восприятия мудрости Сократа, но и на характер самого восприятия. И невозможно воспринять мудрость Сократа очами мудрости века сего, ибо на многое из того, что мучило и волновало Сократа в его время, мы смотрим теперь если не другими глазами, то с иной или иных точек зрения. Изменились условия жизни человеческой, изменились взгляды людей и на сущность ее Поэтому, единственная возможность, если и не уразуметь вполне мудрость Сократа, то подойти возможно ближе к уразумению ее, заключается в том, чтобы перенестись мысленно в ту эпоху и в ту среду, в которой жил и действовал Сократ. Лишь уяснив себе обстановку, среди которой развивалась мудрость Сократа, мы в состоянии будем уловить сущность ее. Иными словами: понять Сократа можно только на фоне окружавшей его исторической действительности.

Но даже если мы и достигнем этого, все-таки останется в полной силе другая причина, препятствующая нам составить надлежащее и исчерпывающее представление о жизни и деятельности Сократа. Причина эта вне нас лежит, но с нею

постоянно приходится считаться. Заключается она отчасти в недостатке имеющегося в нашем распоряжении материала о жизни и деятельности Сократа, отчасти, поскольку материал этот существует, в его характерных особенностях.

Такая личность, как Сократ, разумеется, должна была привлекать к себе внимание в самой древности. Но располагала ли она надежными и вполне достоверными данными о Сократе, его жизни, деятельности, мировоззрении? На этот вопрос приходится дать полу-положительный ответ. Сам Сократ, как это достоверно известно, никакого литературного наследия после себя не оставил: он ничего не писал и лишь в последние дни своей жизни, сидя в тюрьме, вероятно, от скуки, переложил в стихи некоторые из басен Эзопа и сочинил гимн в честь Аполлона.

После смерти Сократа, в ближайшее же время, создалась обширная литература, вращавшаяся вокруг его личности и деятельности. Эта «Сократовская литература» носила отчасти апологетический, отчасти полемический характер. Друзья и приверженцы Сократа старались опровергнуть те обвинения, которые были выдвинуты против него и которые повлекли за собой смертный приговор над ним. Апологетам Сократа отвечали его противники, пытавшиеся доказать, что афиняне поступили правильно, присудив мудреца к смерти. Нечего и говорить, сколько ценных данных о Сократе мы извлекли бы из этой «Сократовской литературы», если бы она сохранилась до нас целиком, или, хотя бы, в значительной своей части. На беду, однако, от «Сократовской литературы»

дошли только скудные, правда, очень ценные и важные отрывки. Мы имеем в виду диалоги Платона и некоторые из сочинений Ксенофонта. Оба они были учениками Сократа. Но, как мы увидим ниже, Ксенофонт писал о Сократе по воспоминаниям, не всегда, может быть, точным, а отчасти и с предвзятой точки зрения. Платон же, несомненно, привнес в свои сообщения о Сократе много своего личного, индивидуального. Впрочем, обо всем этом удобнее будет говорить тогда, когда придется коснуться вопроса о том, чему и как учил Сократ. Здесь же достаточно будет упомянуть о том, что Платон и Ксенофонт — а наряду с ними и Аристофан, знаменитый комический поэт, как современники Сократа, являются нашими единственными, в бóльшей или меньшей степени надежными, источниками о нем, хотя, заметим тут же, каждое из сообщаемых ими сведений о Сократе может быть принимаемо в расчет лишь после тщательного его обсуждения.

Ни Платон, ни Ксенофонт не задавались мыслью изложить обстоятельную биографию Сократа, вообще не имели намерения собрать тот материал, который носил бы биографический характер. И тот и другой писали не столько о Сократе, сколько «по поводу Сократа», и касались тех или иных фактов из его жизни и деятельности постольку, поскольку эти факты могли представлять интерес в виду тех целей, которые они себе ставили, отчасти для выяснения самой личности мудреца и характера его мудрости, отчасти для оправдания его памяти в глазах современников и ближайших потомков. Все же те факты из жизни Сократа —

а их, в сущности очень немного, — о которых сочли нужным упомянуть и Платон и Ксенофонт, могут быть принимаемы нами с полным доверием, так как ни тому, ни другому не было никакой надобности измышлять или извращать их; в данном случае и цель, которую имели в виду Платон и Ксенофонт, не оправдывала бы средства, да и несомненная привязанность и горячая любовь их в своему наставнику предостерегали бы их от сознательных измышлений и извращений

Фактические данныя, собранные о Сократе в «Сократовской литературе», послужили, несомненно, основным материалом для тех писателей, которые интересовались личностью и деятельностью Сократа в то время, когда у греков вообще пробудился интерес, отчасти научный, отчасти мнимо-научный, к прошлому Греции и к великим людям этого прошлого, в число которых, конечно, попал и Сократ. Началось это с III века до Р. Хр., с эпохи так называемой Александрийской образованности, и продолжалось вплоть до того момента, как античность стала замирать. Возможно, что и тогда уже делаемы были попытки дать нечто вроде биографии Сократа. И тогда, как и позже, составители биографии Сократа должны были встретить, при исполнении своей задачи, непреодолимые затруднения. Данных, заключавшихся в «Сократовской литературе», оказывалось недостаточно для воссоздания если не полной, то хотя бы отрывочной биографии Сократа; некоторые из данных могли оказываться, да, несомненно, и оказывались во взаимном противоречии, и их нужно было либо

примирять, либо подыскивать к ним те или иные пригодные об'яснения Волей-неволей приходилось биографам Сократа либо фантазировать, либо прибегать ко всякого рода вымыслам. А для того, чтобы сделать биографию Сократа занимательною для читателей, некоторые из его биографов не брезговали «оживлять» свое изложение и сочинением всяческих анекдотов о Сократе, в особенности об его личной и семейной жизни, которой никто из биографов Сократа, конечно, не знал, да и получить сведения о которой было и не у кого и не из чего. И все же, считаясь со всеми специфическими свойствами древней биографической литературы о Сократе, мы сумели бы извлечь из нее более или менее положительные сведения о нем, если бы литература эта сохранилась — в навозной куче могли бы оказаться и жемчужные зерна. Но из всей этой литературы судьбе угодно было спасти для нас лишь ту биографию Сократа, которая значится в сборнике биографий философов, составленном в начале III века нашей эры Лаертием Диогеном. Эта биография Сократа, как и другие биографии философов в том же сборнике, представляет собой жалкую, поверхностную, запутанную, бессистемную компиляцию из сочинений, появившихся до Лаертия Диогена и попавших, может быть, случайно ему под руку. Строго говоря, это даже и не биография, а ряд отдельных биографических заметок о Сократе, где вымысел перемешан с правдой и доминирует большею частью над нею, но где зато нашло себе место множество подозрительных фактов и более, чем сомнительных острот. С напряженной осторожностью при-

ходится выуживать из этой биографии Сократа крупицы исторической истины, и, в значительной своей части, эти крупицы не содержат в себе чего-либо нового, такого, чего мы не знали бы из сведений, сообщаемых Платоном, Ксенофонтом, Аристофаном и другими современниками Сократа.

Никакой цены для воссоздания биографии Сократа не имеют ложно приписываемые ему восемь писем, явно фальсифицированные в пору поздней античности. Не выше стоят многие из тех сентенций и изречений, которые попали в хрестоматию Стобея (VI век по Р. Хр.) в качестве принадлежащих будто бы Сократу; все это — плод жалкого вымысла, отчасти фальсификации, и все это, может быть, в конце концов, сведено опять-таки к Платону, Ксенофонту и другим «сократовцам». Если в новое время некоторые ученые с слишком большой и щепетильной осторожностью, доходящею иногда до недоверия, относились к показаниям о Сократе Платона и Ксенофонта, то что́ сказать о материале, доставляемом Лаертием Диогеном, Стобеем и т. п.?

При таком состоянии наших источников нечего мечтать о том, чтобы можно было когда-либо дать полную и обстоятельную биографию Сократа. Достаточно и того, если удастся наметить хотя бы главные факты, но факты достоверные, из жизни великого мудреца. И лучше и честнее бу́дет по отношению к его памяти и его заветам сознаваться там, где это нужно, в своем незнании, чем истинное знание подменять знанием кажущимся и гоняться за призраками.

III.

Семидесятилетняя жизнь Сократа — он родился в 469, умер в 399 г. до Р Хр. — может быть разделена на два приблизительно равных периода. О втором периоде, когда Сократ играл выдающуюся роль в общественной жизни Афин, мы располагаем сведениями значительно более полными и определенными, чем это можно сказать о первом периоде, сведения о котором носят и случайный, и отрывочный, и отчасти неопределенный характер.

По происхождению своему Сократ был природный афинянин Родился он в деме (нечто вроде нашей волости) Алопеке, лежавшем в получасовом расстоянии от Афин, у южного склона горы Ликабетта Из того же дема вел свое происхождение и известный деятель эпохи Греко-Персидских войн, Аристид, скончавшийся за два года до появления на свет Сократа. Семья последнего была в приятельских отношениях с семьей Аристида. Сын его Лисимах говорит Сократу: «Я и твой отец всегда были добрыми друзьями и, пока он был жив, никакой размолвки между нами не бывало». Отца Сократа звали Софрониск, мать — Фенарета. Фенарета была повивальной бабкой. До своего замужества с Софрониском она состояла в браке с некиим Хередемом, от которого имела сына Патрокла, единоутробного брата Сократа

В диалоге Платона «Феетет» Сократ шутливо замечает, что именно от матери своей он унаследовал ту «майевтику» (по-гречески повивальная бабка — майя), повивальное искусство, которым он пользовался иногда при ведении бесед со сво-

ими слушателями и о характере которого еще придется говорить в своем месте

Отец Сократа был каменотесом, специализировавшимся, вероятно, на обделке мрамора для скульптурных работ. Без достаточных оснований называют Софрониска «скульптором». Если даже он и был таковым, то самым заурядным, не оставившим после себя никакого следа в истории искусства. Но то, что отец Сократа имел какое-то отношение к художественной деятельности, показывает утверждение самого Сократа в диалоге Платона «Алкивиад I» — «Наш род восходит к Дедалу» (мифический скульптор Дедал считался в глазах греков родоначальником всех лиц, имевших то или иное отношение к художествам; поэтому, и Сократ мог считать себя потомком Дедала).

Нет основания не доверять показаниям древних биографов Сократа, что он в молодости «обрабатывал камни», сначала, может быть, помогая в этой работе отцу, а потом и унаследовав от него это занятие: обычное явление в Греции, что сын занимался тем же ремеслом, что и отец Из этого, однако же, было бы неосмотрительно утверждать, будто бы Сократ в молодости занимался скульптурой и исполнил даже группу (или рельеф), изображавшую трех Харит (Граций) и стоявшую перед входом на Афинский акрополь. Это — один из вымыслов древних биографов Сократа, пользовавшийся, однако, в древности более или менее общим признанием.

О материальном положении семьи Сократа древние биографы ничего не знали и забавлялись на этот счет всякого рода небылицами, доходившими

даже до того, будто Сократ, из-за крайней бедности, вынужден был «быть рабом» и из рабского состояния был выкуплен одним из его друзей, или что он жил на деньги, собираемые для него его друзьями. Из указаний Ксенофонта, что у Сократа был в Афинах собственный небольшой дом, полученный им, вероятно, в наследство от отца, что он обладал капиталом в 70 мин (по нормальному курсу около 3000 рублей), можно заключать, что семья Сократа имела некоторый достаток и принадлежала, по имущественному положению, к числу «средних» классов. Это подтверждается и тем соображением, что Сократ служил в афинской армии в качестве гоплита (тяжеловооруженного); следовательно, он принадлежал к третьему имущественному классу афинского гражданского населения, а в этот класс входили именно граждане со средним достатком.

О воспитании и первоначальном общем образовании Сократа можно высказать только общие соображения: как и все афинские граждане, Сократ, несомненно, получил воспитание в «музыке и гимнастике», при чем под «музыкой» нужно понимать не только обычное музыкальное образование (уменье играть на флейте и на кифаре), но и словесное — изучение поэтов, Гомера, Гесиода, Пиндара и др. Из определенных указаний Ксенофонта следует, что Сократ был сведущ в геометрии и астрономии; этими науками, равно как и арифметикой, Сократ, впрочем, советовал заниматься настолько, насколько это нужно для практических надобностей.

Рассказы древних биографов Сократа о том,

будто бы его учителями в музыке были специалисты по этой части, Конн и Дамон, представляют собой плод измышлений, основанных на некоторых показаниях в диалогах Платона. Не стоит труда останавливаться на том, откуда эти измышления могли возникнуть. Знаменитый теоретик-музыкант Дамон принадлежал к кружку Перикла, душою которого, как известно, была подруга последнего, Аспасия. Нужно было и Сократа связать как-нибудь с нею, и вот услужливые биографы Сократа стали утверждать, будто Аспасия обучала Сократа словесному искусству, риторике. И тут ларчик открывается просто. Уже после смерти Сократа один из его последователей, Эсхин, выпустил в свет диалог «Аспасия», в котором, между прочим, приводилась вымышленная, конечно, беседа Сократа с Аспасией на тему о сущности любви. Платон в своем диалоге «Менексен», желая вышутить Эсхина, говорит, что Аспасия учила ораторскому искусству не только Сократа, но даже самого Перикла и других знаменитых ораторов.

Древние биографы приняли эту шутку Платона, в виду ее пикантности, за чистую монету и заставили Аспасию фигурировать в роли учительницы Сократа.

У древних писателей замечается вообще стремление устанавливать взаимную связь на той или иной почве между знаменитыми современниками. Дамон обучал Сократа музыке, Аспасия — риторике. А Еврипиду — знаменитому трагическому поэту — Сократ помогал даже при сочинении его пьес и так любил их, что и в театр-то ходил только тогда, когда там давались пьесы Еврипида.

Конечно, «гармонию душ» Сократа и Еврипида установить было нетрудно: оба они интересовались этическими и психологическими вопросами, оба стремились к раскрытию в действиях человека тех или иных руководящих мотивов и целей, оба, наконец, боролись за подчинение воли силе разума. Отсюда вывод: Сократ и Еврипид были друзьями, Еврипид испытал на себе глубокое влияние со стороны Сократа. При этом упускалось, однако, из виду, что Еврипид, бывший на десять лет старше Сократа, был уже вполне сложившимся человеком, когда Сократ начал играть в Афинах видную роль.

Но всего более древних должен был интересовать вопрос, очень существенный, конечно, и для нас, кому был обязан Сократ своим философским мировоззрением, как протекало его духовное развитие И тут, однако, положительных данных из показаний древних извлечь нельзя, а приходится довольствоваться соображениями более или менее общего характера. Правда, в диалоге Платона «Федон» Сократ, в прощальной беседе с друзьями, подробно излагает ход своего философского развития: как он в юности интересовался физическими и психологическими проблемами, много думал о происхождении живых существ, об источнике мышления, о первичной мировой материи и т. п. Не получив ответа на все эти вопросы в существовавших философских теориях, он стал изучать сочинение философа Анаксагора «О природе», и тут новый мир открылся перед его очами. Он постиг, что первопричиной всего мирового порядка является мыслящий дух, что видимый мир есть создание всемудрого и всемогущего существа,

целесообразно устроившего мир. Но при более глубоком проникновении в теорию Анаксагора и она не удовлетворила Сократа, и тогда, оставив в стороне рассмотрение явлений природы, он обратился к понятиям, рассчитывая найти в них истинную сущность вещей. Эти понятия представлялись ему в виде тех идей или прообразов вещей, в которых заключались и их основание и высшая цель.

Такова картина духовного развития Сократа, набросанная в «Федоне». Может ли она соответствовать действительности? Конечно, нет: не мог же Сократ, излагая ход развития своего философского мышления, опустить самый существенный элемент его — обращение свое к исследованию человека, интерес его к вопросам этики, к установлению этических понятий, посредством чего только и можно достигнуть познания истины; с другой стороны, Сократ не дошел до того пункта, чтобы усматривать в понятиях прообразы вещей. Этот шаг, как известно, сделал Платон, чтобы придать учению о понятиях прочную основу. Однако, набросанная в «Федоне» картина вряд ли изображает и последовательные ступени в развитии мировоззрения Платона, ибо он не в начале, а значительно позже, привлек в орбиту своих наблюдений теории ионийской натурфилософии*). Набросанная в «Федоне» картина представляет, скорее всего, изображение общего процесса греческого мышления от натурфилософии до Сократовского периода и кончая учением Платона об идеях. К са-

*) Натурфилософия — особая отрасль метафизики, ставящая предметом своим исследование природы В Греции первые натурфилософы происходили из мало-азийской области Ионии

мому Сократу эта картина, во всяком случае, никакого отношения не имеет. Но то обстоятельство, что в ней нашло себе место упоминание имени Анаксагора, также одного из членов кружка Перикла, побудило древних биографов Сократа утверждать, будто он «слушал» и был учеником Анаксагора. Конечно, весьма вероятно, что Сократ читал книгу Анаксагора, знаком был с учениями других философов, но считать всех этих предшественников Сократа его непосредственными учителями нет оснований. Все это является плодом ученых комбинаций его древних биографов

И лишь предание о том, что Сократ в молодости был в близком общении с учеником Анаксагора, Архелаем, заслуживает внимания, так как оно восходит к надежному и беспристрастному свидетелю. Писатель и трагический поэт Ион Хиосский, бывший старшим современником Сократа, в своем сочинении «Путевые картины», рассказывает, что Сократ, будучи молодым человеком, «отправился вместе с Архелаем на Самос»; очевидно, здесь надо иметь в виду самосский поход афинян в 447 г. Из этого определенного свидетельства древние биографы Сократа не преминули создать анекдот о том, будто бы Архелай и Сократ состояли между собою в любовных отношениях, и что общение Сократа с Архелаем началось уже в то время, когда Сократу пошел 18-ый год и продолжалось в течение не малого числа лет Что́ могло дать Сократу общение его с Архелаем? Афинский уроженец, Архелай был и поэтом и философом, но в обеих областях ничем особенным не выдавался. В философии он был эклектиком, и учение

Анаксагора соединял с мыслями натурфилософов Анаксимена и Гераклита. Архелай различал два основных начала: теплое, или огонь, и холодное, или влагу, при чем теплое представлял себе одушевленным и считал принципом всего движения и всей жизни. Теплое образует внешний слой мира, или эфир. Холодное, как начало пассивное, под влиянием теплого, посредством процессов разжижения и уплотнения, принимает три основные формы: воздух, землю и воду, из них первый приводится в движение огнем, последние — воздухом Ничего оригинального эта теория не представляет. Более интересна теория Архелая о человеческой природе. По его мнению, человеческие существа обязаны своим возникновением на земле действию одушевленного огня; постепенно развиваясь, они достигли того, что стали людьми Далее, Архелай пытался проследить развитие человеческого рода, дошедшего постепенно из грубого состояния до состояния культурного, когда люди начали основывать города, избирать вождей, устанавливать законы, изобретать искусства и пр.

То, что Сократ был осведомлен в системах натурфилософии, вероятно и a priori, и может быть подтверждено косвенными указаниями Ксенофонта. Архелай, как последователь Анаксагора, мог быть в этом отношении особенно по душе Сократу потому, что из всех систем натурфилософии именно в системе Анаксагора наибольшую роль играет понятие цели, которое, как увидим, имеет большое значение у Сократа Но, кроме того, Архелай был как раз тем последователем Анаксагора, который в круг своих исследований, помимо естествознания,

ввел и вопросы, касающиеся человеческой жизни. Таким образом, и в данном случае Архелай мог быть близок Сократу, поставившему на место вселенной центром своего исследования человека. Но было бы неосмотрительно считать Архелая учителем Сократа в области этической философии. Правда, Архелай мог заронить искру в душу Сократа, но тот богатый горючий материал, на который эта искра попала, вряд ли Сократ заимствовал от своего предполагаемого учителя Сократ слишком самобытен в своей мудрости, чтобы можно было говорить о каком-либо индивидуальном влиянии на него, от кого бы это влияние ни шло. Источник мудрости Сократа нужно искать, с одной стороны, в нем самом, в его природном уме и сознательно-вдумчивой жизни, с другой стороны — в той исторической обстановке, среди которой ему пришлось жить и действовать. И не уяснив себе характерных черт этой обстановки, мы рискуем недостаточно понять и оценить духовный облик великого мудреца.

IV.

Юные годы Сократа совпадают с эпохой самой оживленной политической и общественной деятельности его родины. Афины вели тогда оборонительную войну против персов. Война эта имела важные результаты: греческие государства на островах Эгейского моря и на побережьи Малой Азии освободились от персидского ига Еще важнее война эта была в том отношении, что она зажгла и поддерживала пламя национального самосознания и горячего воодушевления в сердцах афинских

граждан. В течение ряда лет Кимон, руководитель афинской политики того времени и выдающийся полководец, крейсеровал, во главе союзного флота, на Эгейском море, прогонял персидских сатрапов из греческих городов и присоединял их к афинскому морскому союзу. В 466 г. Кимон одержал одновременно блестящую победу над вражеским флотом и армией. И лишь семнадцать лет после того, персы, успев несколько оправиться от нанесенного им поражения и воспользовавшись временным ослаблением афинского государства, осмелились показаться в Кипрских водах. Но быстро появился Кимон со своими 200 кораблями под Кипром и тут нанес врагу решительный удар. В 449 г. заключен был Каллиев мир, по которому персы обязались не трогать греческих городов западного берега Малой Азии и не посылать военных кораблей, начиная от входа из Черного моря в Босфор до восточного берега Ликии Национальное дело греков, за которое они боролись в течение полувека и в котором афинянам пришлось затратить много сил и энергии, было выиграно окончательно. Завершитель этого дела Кимон мог умереть со спокойной совестью, с полным сознанием того, что его деятельность принесла осязательные плоды.

Сократу в 449 г. исполнилось 20 лет. Два года пред тем он, по законам афинской конституции, был признан гражданским и политически совершеннолетним, внесен был в общинную книгу того дема, к которому принадлежал его род, и произнес со своими сверстниками гражданскую присягу, звучавшую так: «Я не посрамлю священного оружия и не оставлю товарища в бою; буду защищать

и один и со многими все священное и заветное; не умалю силы и славы родины, но приумножу их; буду, по силе разума, повиноваться властям предержащим и законам установленным и имеющим быть принятыми; если же кто будет пытаться уничтожить законы или не подчиняться им, не допущу этого и буду бороться против него и один и со всеми; буду также чтить отечественные святыни, боги да будут мне свидетелями в этом.» Афинские граждане уже в 18 лет могли осуществлять свои гражданские права и посещать народное собрание; на практике этого не было, так как молодые люди, в течение двух лет, должны были отбывать воинскую повинность, неся сторожевую службу на границах Аттики. По достижению 20 лет они вносились в особый вечевой список и начинали пользоваться всеми гражданскими правами, за исключением доступа к должностям и в совет, что́ разрешалось им только с момента достижения 30-летнего возраста.

После смерти Кимона, руководящая роль в афинском государстве переходит к Периклу, с именем которого принято связывать представление о самой блестящей эпохе не только в истории Афин, но и в истории Греции. Можно утверждать даже, что «эпоха Перикла» была одною из самых замечательных эпох в истории человечества; в эту эпоху получили свое развитие те основы, которые вошли в плоть и кровь человеческой культуры, питают и поддерживают ее по сие время. Тремя главными факторами обусловливается великое значение эпохи Перикла: усовершенствованием форм государственной и общественной жизни, полным

расцветом художественного творчества в его разнообразных проявлениях, могущественным умственным движением.

Эпоха Перикла — расцвет афинской демократии, когда афинский народ действительно стал полновластным устроителем и распорядителем своей жизни, или непосредственно в народном собрании и народном суде присяжных, или через должностных лиц государства, назначаемых по жребию, или избираемых народом на годичный срок и отдающих отчет народу по истечении этого срока. Основной принцип афинской демократии покоился на равномерном распределении политических прав между всеми гражданами и привлечении их всех к деятельному участию в государственной жизни. В гражданском равноправии или, как говорили древние, в исономии (дословно — равенство пред законом) афиняне справедливо усматривали самый сильный рычаг своей культуры Отсюда, думали афиняне, проистекает развитие духовной свободы народа; каждому дозволяется устраивать частную жизнь сообразно своим природным склонностям и навыкам, но в общественной жизни гражданин должен уважать существующий порядок, сознательно повиноваться законам, давать надлежащую оценку всем благородным наслаждениям; забота о последних не должна, однако, нарушать простоты жизни или приводить к изнеженности. Богатому не возбраняется приумножать свой достаток и употреблять его на то, чтобы украсить свою жизнь; бедный встречает презренье в том случае, если он ленив, и не заботится о том, чтобы достигнуть благосостояния Политическая деятельность признава-

лась делом очень важным, и те граждане, которые уклонялись от нее, считались бесполезными членами общественного организма Государство существует для граждан, граждане существуют для государства. При таком положении понятна и готовность граждан нести самые тяжелые жертвы ради государства. Эти жертвы приносились сознательно и потому они способствовали развитию в сердцах граждан государственного смысла, неразрывными узами связывали их с государством. Ибо благо государства покоится на ясно сознаваемой гражданами, а не насильно прививаемой им необходимости жертвы для него. Лишь тогда может требовать государство подчинения всех жизненных интересов идее государства, когда все граждане чувствуют себя равноправными членами его, когда они сознают, что живут, прежде всего, для своего государства, для своей родины.

На этих основаниях и выросла культура эпохи Перикла. В созидании и устроении ее первостепенное значение имело и то положение, какое занимал в Афинах сам Перикл. Только то обстоятельство, что афинское государство лишь по виду было тогда демократией, на деле же управлялось, или точнее, руководилось умом, волею одного человека, дало возможность афинскому народу, в течение 15 лет свободному от внутренних неурядиц и внешних войн, всецело отдаться заботам о высшей культуре. Заниматься государственным строительством можно ведь только в спокойные времена, когда нет потрясений, вызываемых крушением старого порядка и заменою его новым. Периклу Афины были обязаны тем, что они в те-

чение 15 лет пользовались почти непрерывным миром; он же способствовал тому, что господство народа не выливалось в необузданные формы, что для уврачевания социальных бед приняты были разумные и спасительные меры, что экономическое положение государства было урегулировано.

Последствия мирной и мудрой политики Перикла должны были сказаться, прежде всего, на материальном благосостоянии Афин, ставших тогда первым торговым и промышленным городом Греции. Безопасное пользование морскими путями сообщения повело к тому, что в Афины стекались продукты промышленности со всех островов и берегов Средиземного моря; с другой стороны, продукты афинской художественной и промышленной деятельности распространялись далеко за пределы собственной Греции. Все это повело к поднятию общего благосостояния всех классов населения. А это дало возможность афинскому государству обратить внимание не только на улучшение материальной культуры, но и на развитие культуры духовной. Хорошо известно, какого высшего расцвета достигла эта культура в век Перикла во всех областях и художественного творчества и научного знания.

Обнимая одним взором всю эту изумительную полноту и разнообразие проявлений человеческого духа, можно признать счастливым человеком всякого, молодые годы которого протекли в такой обстановке. Сколько плодотворных семян должно было залечь в его душе! Как сильно билось его сердце! Какой пламенной любовью должно было проникнуться оно к своей родине! Какую благо-

родную гордость должен был воспитать в себе человек, которому довелось жить в «школе Эллады!» И сколько разнообразных впечатлений, сколько жизненного опыта должен был воспринять он в себя, будучи не только безмолвным зрителем расцвета своей родины, но и имея возможность содействовать этому расцвету по мере отпущенных ему природой сил

Новые задачи, стоявшие пред каждым сознательным афинянином эпохи Перикла, повели и к новым целям. Граждане призваны были принимать теперь непосредственное участие в политической и общественной жизни. Но были ли они достаточно к этому подготовлены? Демократический строй покоится на тех предпосылках, что каждый гражданин должен обладать известной суммой знаний, необходимых для того, чтобы иметь возможность сознательно исполнять возлагаемые государством обязанности И вот тут-то оказалось, что прежнего обще-греческого «гимнастического и музического» образования недостаточно: оно способствовало развитию физических и укреплению умственных сил, но мало подготовляло к практической деятельности, особенно во всем том, что касалось государственной жизни. Не забудем: в эпоху Перикла Афины из большого государства превратились в великую державу и стали играть роль в мировой политике того времени. Кто хотел или призван был принимать деятельное участие в ней, должен был обладать солидным политическим образованием, должен был уметь «политически мыслить» и «хорошо говорить». Народным собранием, суверенным органом афинского

государства, управлять было не легко, и не только потому, что оно количественно выросло, но потому, что и качественный состав его изменился Увеличивающееся благосостояние, широкое развитие торговли, усилившееся самосознание афинского демоса, участие его в делах афинских союзников — все это должно было расширить кругозор афинского гражданина и обогатить его духовную жизнь. В народном собрании, в суде присяжных ему постоянно приходилось сталкиваться с вопросами, относящимися к области политики, права, морали. Эти же вопросы затрагивались иногда и на афинской сцене, особенно в пьесах Еврипида А где и в чем искать ответов на эти вопросы, особенно, если они, по существу своему, могли подсказывать не однообразные, не одинаковые ответы? То образование, которое получал афинянин, мало приносило пользы в этом отношении — оно было слишком элементарным. и высшим запросам человеческого духа не отвечало. Приходилось либо прислушиваться к голосу своей собственной совести, либо следовать традиционным воззрениям, поскольку они находили свое выражение в религии, или в установившихся нравах, обычаях, миросозерцании, жить «по заветам отцов». Но греческая религия была слишком свободна от какого-либо догматизма и не имела ничего общего с нашей церковностью, а «заветы отцов» могли в некоторых случаях оказываться отсталыми и не соответствовать духу времени. И вот неизбежно при решении высших вопросов и запросов, выдвигаемых жизнью, на место общепризнанного кодекса морали выступал суб'ективный приговор,

вместо совестливого принуждения появлялось свободное мерило при оценке человеческих действий Возник тот суб'ективизм, который смотрит на все житейские отношения с точки зрения собственной пользы, и личный интерес стоит во главе угла всякого действия. Такой суб'ективизм, если бы он охватил весь народ, грозил бы ниспровергнуть все основы государственного порядка, нивеллировать всю нравственность, ибо этот суб'ективизм неизбежно должен был бы привести к безудержному эгоизму.

Присущий древнему греку вообще, афинянину в частности, здравый смысл предостерегал его от этого шага, главным образом, вследствие укоренившегося сознания, что на почве суб'ективизма, тем более эгоизма, исчезнет сама идея государства, как наивысшей формы людского общения. Государство же, как таковое, было чем-то дорогим для древнего грека, ибо он не мыслил себя вне государства. В особенности идея государства должна была быть дорога для афинского демоса, тесно связанного с ним всеми фибрами своего существования. С другой стороны, выдвинутые самой жизнью упомянутые выше вопросы не давали покоя мысли Если нельзя их разрешить практически, то нужно попытаться успокоить мысль хотя бы путем теоретического рассмотрения их на почве отвлеченного мышления. Работа в этом направлении, естественно, должна была привести к одному результату: нужно попытаться подвести и государственную и частную жизнь под те или иные твердые принципы, нужно создать для ее упорядочения те или иные определенные правила. В качестве

руководящего регулятора проще всего обратиться к разуму; с психологическими мотивами считаться было бы слишком рискованно, потому что они не были еще в сознании твердо установлены.

Но если допустить, что в духовной жизни человека руководящую роль играет разум, то отсюда неизбежный вывод: ка́к этот разум развить, ка́к приспособить природные свойства человека слушаться голоса разума, ка́к сделать человека «добродетельным». Когда было господство аристократических начал, «добродетель» признавалась прирожденною привилегией знати. На противоположную точку зрения должна была встать демократия, когда у всего демоса пробудилось самосознание. Если все люди равны по своей физической организации, то они в существенном, по крайней мере, равны и по своему духовному складу. Все дело заключается лишь в том, чтобы развить природные способности человека посредством упражнения их путем обучения, при чем, прежде всего, нужно методически развить мышление и уменье толково и ясно выражать свои мысли; затем, потребно хотя бы беглое знакомство с результатами, достигнутыми за последнее время в различных отраслях знания.

Спрос, как известно, вызывает предложение. Настоятельно выдвинутые потребности должны были вызвать и средства для их удовлетворения. И в Афинах появились люди, которые взяли на себя задачу путем методического обучения систематически разработать мысли, бродившие в головах афинских граждан и тем самым дать ответы на тревожившие их вопросы. Этих людей принято

называть софистами, а ту профессию, которою они занимались, софистикою. Софистика, все движение, вызванное софистами, имело такое важное значение в культурной жизни Афин эпохи Перикла, настолько тесно стояло в связи с деятельностью Сократа, что с ним нельзя не считаться; более того, всю деятельность Сократа, всю его мудрость нельзя правильно уяснить себе, не познакомившись, хотя бы в общих чертах, с тем, что представляло собою «софистическое искусство», в чем выражалась «мудрость» софистов.

V.

В настоящее время под словом софист понимают обыкновенно обманщика, ловкого человека, прибегающего к различного рода уловкам, чтобы доказать заведомо ложную мысль. У греков первоначально слово это значило то же, что мудрец, и было почетным наименованием людей с выдающимися способностями, познаниями, навыками, служило для обозначения законодателей, поэтов, философов, врачей, музыкантов и т п. Эсхил называл «софистом» Прометея потому, что он принес людям такой важный элемент культуры, как огонь. С течением времени, однако, слово софист получило у греков более узкое значение: им стали обозначать преимущественно тех людей, которые делали своей профессией обучение практическим знаниям и обращали свое мышление не на теоретическое изучение проблем натурфилософии, но на новые, преимущественно практические запросы, выдвигаемые жизнью. В отличие от философов, ставивших своей задачей теоретическое исследо-

вание мудрости, в отличие от мудрецов, которые прилагали теоретическую мудрость к практическим потребностям, софисты «мудрствовали» то искренне, то лукаво; в последнем случае они оказывались, действительно, по выражению Владимира Соловьева, «профессиональными блудодеями мысли».

Софисты подвергались за свое «мудрствование» едким нападкам афинских комиков. Но самым злым врагом софистов был Платон. Для него софистическая мудрость — кажущаяся мудрость, которая вводит людей в обман. Платон с таким злым сарказмом отзывался о софистах, что в литературных кругах IV века до Р. Х самое слово «софист» считалось бранным словом. И только в эпоху римской империи оно утратило одиозный характер, и софистами стали называть учителей красноречия, риторов.

Платон резко противопоставляет софистов философам, софистику — философии. Под последнею он то понимает стремление к мудрости, искание ее, то толкует философию в смысле сократовского исследования истины и тогда об'ясняет философию, как стремление к сознательному уразумению вещей Так как этого можно достигнуть анализом своего собственного или чужого сознания, то, в сократовском смысле, философия имеет значение испытать себя самого и других. Чтобы отличить, однако, стремление к познанию сущности вещей от стремления к знанию вообще, Платон говорит об истинной философии и о настоящих философах.

Постепенно общее значение слова «философия» утратилось, и под нею стали понимать стремление

к познанию сущности вещей, к тому, что́ не кажется только, но существует в действительности. Таким образом, и создалось противоположение философии, имеющей своею целью познание истинного блага, и софистики, направленной к усвоению кажущегося знания. Так как афиняне, по крайней мере значительная часть их, деятельность Сократа смешивали с той деятельностью, которою занимались софисты, а в самом Сократе усматривали опаснейшего софиста, то Платон, как убежденный ученик Сократа, и счел своим долгом подчеркнуть все различие между сократовским стремлением к истине и самовольством софистов, утверждавших, будто они обладают знанием. Как истинный и преданный почитатель Сократа, поставивший себе, между прочим, целью реабилитировать своего учителя от взведенных на него обвинений, Платон слишком жестоко, отчасти и несправедливо, отнесся к софистике и проглядел или не оценил значения поднятого ею движения, которое, как видно будет дальше, оказало сильное влияние и на самого Сократа, упустил из виду несомненные заслуги софистов в деле разработки многочисленных отраслей знания. Односторонний взгляд Платона в древности, повидимому, не вызывал отпора. В новое время некоторые ученые, особенно англичанин Грот, ударились в другую крайность и в защите софистики перешли должную меру.

Платон определенно и метко формулирует сущность софистики: «Наука эта», говорит он, «есть умелость в домашних отношениях, чтобы как можно лучше управлять своим собственным до-

мом, а также и в отношениях общественных, чтобы быть как можно сильнее и в делах и в речах, что касается государства». Софист должен уметь говорить о всех вещах, при этом развивать свою аргументацию так, чтобы она убеждала или, по крайней мере, «уговаривала». Для приобретения доверия публики, для привлечения возможно большего количества учеников софист должен показать, что он является полным обладателем знания. Сообразно своей профессии, он вынужден вести странствующий образ жизни, переезжать из города в город, окружать себя, для поддержания своего престижа, блестящей помпой. В тщательно выработанных пышных речах выявляет он пред публикой свое искусство и рассуждает в них о вопросах, представляющих общий интерес. За свои лекции софист берет плату, иногда довольно значительную, смотря по репутации. В своих речах софист охотно пользуется мифами, об'ясняет поэтов, чтобы доказать, что уже у них в скрытой форме заключается та мудрость, которую он теперь преподносит в ясном и понятном изложении. Но и на всякий предложенный софисту вопрос он должен уметь ответить. Современники софистов шокированы были, в особенности, тем, что они за преподаваемую ими «мудрость» не стеснялись брать деньги. «Софисты», говорит Сократ (у Ксенофонта), «продают себя в рабство другим и вынуждены вести общение с теми, кто им платит», «свою мудрость они продают точно так же, как другие продают свою красоту».

Первым по времени и, вместе с тем, наиболее одаренным представителем софистики был уроже-

нец города Абдер, во Фракии, Протагор. Он начал свою деятельность в 50-х годах V века, побывал во многих городах эллинского мира, много раз приезжал в Афины, где пользовался большим успехом и сблизился с выдающимися людьми того времени, в том числе с Периклом, Еврипидом. Другой знаменитый софист, Горгий из Леонтин, в Сицилии, прибыл в Афины в качестве посла своей родины в 427 г. К ближайшему поколению после эпохи Греко-Персидских войн принадлежит находившийся под влиянием Протагора Продик, также неоднократно приезжавший в Афины по делам своего родного острова Кеоса и там в течение длинного ряда лет занимавшийся преподаванием; Гиппий из Элады, тоже бывавший в Афинах с дипломатическим поручением, Фрасимах из Халкедона, афинский уроженец Антифонт и др. Все перечисленные софисты были современниками Сократа; всех их он имел возможность слушать и вступать с ними в общение.

Первая и самая настоятельная задача каждого софиста заключалась в том, чтобы научить своих учеников и слушателей риторике, то-есть искусству «хорошо говорить». Кто хотел иметь значение в жизни, прежде всего, должен был быть полным мастером «слова», заслуги, оказанные софистами в этом отношении пред аттической художественной прозой, бесспорны и оказали на ее развитие большое и плодотворное влияние. Разнообразна была также и деятельность софистов в разработке различных отраслей знания, в том числе в области этики. Протагор ставил своей главной задачей «вышколить» своих учеников для практической и по-

литической жизни не только путем развития их интеллектуальных способностей, но также способствовать и их моральному усовершенствованию. Протагору следовали в этом отношении и другие софисты. Поэтому, многие из них касались в своих беседах и лекциях этических вопросов, писали трактаты на темы из области этики

Хотя отдельные софисты могли отличаться и отличались, конечно, друг от друга в своих научных воззрениях, в своей преподавательской деятельности, но основной взгляд их на человеческую жизнь и человеческие отношения был, в сущности, один и тот же. Покоясь на суб'ективизме и индивидуализме, он тем самым резко отличался от мировоззрения греческих философов, предшественников софистов Софисты рассуждали не о сущности вещей, не о «вечных истинах», но о том, что́ соединяется в представлении каждого человека о той или иной вещи, о том или ином понятии, не о том, что́ каждая вещь и каждое понятие представляют сами по себе, но о том, какими они являются в сознании человека. Всякий житейский вопрос, — рассуждали софисты, — может быть обсужден и истолкован с двух диаметрально-противоположных точек зрения, в зависимости от той цели, которую ставит себе каждый человек. Нет ничего абсолютного, все — относительно; иначе ни один человек не мог бы оказывать влияния на другого, убеждать его. Риторическое искусство является, по мнению Горгия, наивысшим из всех искусств: оно властвует, как тиран, над всеми людьми, оно куда сильнее, чем все практические искусства врачей, зодчих, полководцев, политических деятелей.

Более глубоко смотрел на дело Протагор. Знаменитое положение его гласило: «Человек есть мерило всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют»; иными словами, всякое умственное восприятие, всякое познание является лишь суб'ективным; всякое, как положительное, так и отрицательное, суждение относительно существования того или иного предмета, заключающего в себе определенное содержание, заключает в себе не абсолютную, но лишь относительную истину, годную для того, кто это суждение высказывает; все вещи таковы, как их воспринимает и оценивает человек. Этот суб'ективизм софистов возник из той противоречивости мнений, с которой постоянно приходится сталкиваться в жизни, с одной стороны, из обостренного самоуглубления — с другой. Высказывая те или иные суждения, человек думает, что он высказывает непреложную истину, а на самом деле эти суждения не только разноречивы среди отдельных людей, но даже один и тот же человек колеблется по поводу их. Даже те общие понятия, посредством которых человек желает установить мерило для вещей, например, понятия блага, красоты, пользы и т. п, даже чувственные восприятия, как, например, теплота, влажность и пр., обозначают для каждого нечто иное и постоянно меняются, в зависимости от обстановки, настроения, внешних впечатлений, остроты восприятия. Не в них истина, а в личности высказывающего то или иное суждение, при чем оно и имеет значение только для того момента, когда высказано. Таково теоретическое обоснование софистического индивидуализма. На

практике это должно было привести к тому выводу, что все зависит от воззрения и оценки каждого отдельного человека, безразлично, высоко ли или низко стоит он в своем духовном развитии, заблуждается он или находится на правильном пути. Все зависит от того, удастся или не удастся выяснить те условия, под влиянием которых сложилось суждение каждого человека, можно ли или нельзя психологически анализировать его образ мышления, на основании которого он составил свое суждение. Сам Протагор, правда, так не ставил вопроса, однако, и он должен был вывести из высказанного им принципа такое следствие: нельзя предоставить каждому человеку считать правильным высказываемое им суждение лишь потому, что оно ему представляется правильным; задача учителя состоит в том, чтобы, когда нужно, исправить это суб'ективно высказанное суждение, привести низшее и худшее суждение на степень высшего и лучшего. При этом Протагор указывал на то, что учитель непременно должен считаться с природными свойствами каждого человека. «Природные свойства», говорил Протагор, «нуждаются в воспитании; с юных лет нужно учиться», то-есть развивать свой разум и свое нравственное чувство; лишь в том случае, когда они будут развиты, человек может достигнуть высокой степени добродетели.

Принцип, выставленный Протагором, является и теоретическою и практическою основою всей софистики. Реальны лишь наши чувственные впечатления; но они ненадежны, подвержены колебаниям и имеют значение только для воспринимаю-

щего их в каждый данный момент. Поэтому, нет и абсолютного познания, а есть только относительное. А отсюда, как неизбежное следствие, такой вывод. «по поводу всякого вопроса могут быть две взаимно-противоположные речи» (аргументации). Этот вывод влечет за собой последующие: все суждения, все нравственные понятия существуют не от природы, но покоятся на человеческой условности, на «установлении». Приписывать такие мысли всецело софистам было бы неосновательно: они зародились не из софистики, но соответствовали духу времени, были тогда в большой моде. Их неоднократно развивает в своих трагедиях Еврипид; они встречаются и у философов, в частности у знакомого нам Архелая Платон влагает в уста софиста Гиппия такую сентенцию: «Мы все родственники и сограждане от природы, но не по закону; ибо от природы равное родственно равному, закон же, как владыка над людьми, заставляет во многом идти против природы. Поэтому, и законы, существующие в отдельных государствах, имеют только относительную ценность; они — дело рук человеческих и постоянно изменяются сообразно с человеческими потребностями». Даже «неписанные законы», признаваемые всеми, или большинством людей за законы непреложные, покоятся на исконной, приобретшей общий характер условности. То же приходится сказать и о религии — и она, не говоря уже о религиозном культе, основывается на условности По мнению Продика, религия возникла из почитания полезных для людей сил и предметов природы. Более глубокую мысль высказывает

Протагор. «О богах я не в состоянии что-либо знать, ни что они существуют, ни что их нет. Многое тут препятствует знанию: и неясность (то-есть непостижимость предмета) и краткость человеческой жизни.»

Нужно отдать справедливость софистам: они бросили немало оригинальных, будящих сознание мыслей, в особенности же они дали толчек мышлению в том отношении, что, согласно своему методу, трактовали каждый вопрос с двух точек зрения, боролись постоянно с установившимися воззрениями, все подвергали сомнению Это — положительная сторона софистики Но в ней была и отрицательная сторона, заключавшаяся в том, что в основе софистики, поскольку это выражалось в дискуссиях софистов, большую роль играло нечто проблематичное и дисгармоничное.

В ярком противоречии с теми реальными интересами, которые имели в виду философы, в софистике повсюду стоит на первом плане личность самого софиста, стремление его постоянно рекламировать себя и делать это ради своих материальных выгод, которые являются для него главной целью. Все дело состоит в том, чтобы во время беседы застигнуть врасплох, ослепить своего противника или вообще слушателя. Это повело к тому, что формальная, чисто показная виртуозность служила тому, чтобы затушевать скудость содержания беседы. Лишь немногие из софистов были способны и склонны серьезно продумать и обосновать тот или иной вопрос. Даже в сочинениях Протагора, — а он был бесспорно выдающийся мыслитель, — сильно сказывается эта тене-

вая сторона софистики; в произведениях других софистов, поскольку они сохранились до нас, это проглядывает еще очевиднее.

И, несмотря на все это, успех, какой имели софисты, был чрезвычайный, ошеломляющий; об'ясняется он тем, что слишком всеобщей стала тогда жажда образования; и практические и идеалистические стремления греков об'единились вместе, чтобы приготовить софистике триумфальное шествие по всей Элладе. Тем не менее, благодаря софистам, изменился самый процесс духовного развития греческого народа: все старое взято под сомнение и, как устаревшее, отброшено; стремятся создать новую культуру, построенную на иных основаниях сравнительно с прежними. Пробудилось всеобщее стремление стать образованными людями, и ради этого забыто было личное честолюбие, насколько оно находило себе до того удовлетворение в гимнастических состязаниях, в колесничных бегах, в искании популярности среди своих сограждан. Все хотели быть или, лучше сказать, казаться образованными, никому в этом отношении не уступать, блистать своим умом и среди своих товарищей и, в особенности, пред народной массой. По замечанию одного современного ученого, софистика опьянила весь эллинский мир, прошла по нему как опустошительная эпидемия.

Первые софисты вряд-ли предвидели, что их деятельность приведет к такому результату. Они желали просвещать, воспитывать, при этом, быть может, зачаровывать своих слушателей, но они вовсе не имели в виду поселить смущение и пу-

таницу в их головах, или поколебать их нравственные устои. Протагор был безупречным человеком; в своей деятельности он руководствовался внутренними побуждениями; он был умерен даже в своих претензиях на гонорар. Продик стоял на почве серьезных, склоняющихся к пессимизму, нравственных воззрений. Горгий был трезвый практик, не позволявший себе никаких крайностей и, благодаря этому, до глубокой старости сохранивший и физическое здоровье и ясность духа.

Теоретические принципы главнейших софистов, Протагора и Горгия, по своему чисто-отрицательному характеру, оставляли широкое поприще для всякой безнравственной практики, хотя ни Протагор, ни Горгий ничему безнравственному не учили. Но коль скоро второй из них настаивал на полной непознаваемости истины, первый — на полной относительности и условности всего существующего, то всякий желающий мог отсюда вывести свое неограниченное право доказывать и делать, что̀ угодно, не считаясь с несуществующей истиной и с какими-либо произвольно принятыми положениями. Скептический принцип первых софистов никого ни к чему не обязывал; но он, будучи логически развит, разрешал дурным поступать дурно, а так как и между софистами дурных и нравственно-слабых было больше, нежели по природе хороших и крепких, то очень скоро в софистике возобладало то направление, которое вело к намеренному и своекорыстному злоупотреблению формами мышления и которое в сознании человечества увековечилось как исторический и вместе с тем родовой тип умственного зла.

Мораль, проповедуемая софистами, соответствовала нравственным воззрениям того времени, была в некоторых случаях даже выше их, и с софистов должен быть снят, во всяком случае, тот упрек, будто они учили своих учеников безнравственности. Протагор, равно как и другие софисты, стремился, прежде всего, к тому, чтобы сделать своих учеников способными усовершенствовать их взгляды на вещи, ставить себе более высокие и благородные цели. Но те выводы, которые должны были проистекать из учения софистов, невольно шли в разрез с их побуждениями. Если всегда и во всем допустимо индивидуальное понимание истины, если абсолютной истины нет, то что же представляет та добродетель, которой желали научить софисты? Где гарантия в том, что ученик, наслушавшийся софистической морали, не станет стремиться к низким, недостойным целям и их оправдывать? Если Протагор характеризовал свое искусство как такое, посредством которого «более слабые вещи (положения) можно сделать более сильными», то из этого нельзя еще было делать того вывода, какой делали его противники, будто Протагор учил, что несправедливое положение должно одолеть справедливое. Более последовательным в своих воззрениях был Горгий, человек, как сказано, практической складки ума, который считал смешным притязание, будто людей можно научить добродетели. Он желал сделать своих учеников лишь мастерами слова, и уже их дело, как они воспользуются этим искусством. Но народная совесть не могла на этом успокоиться: учителя и, прежде всего, преподаваемое ими уче-

ние ответственны за то, какое употребление из них сделают ученики. Стоять на точке зрения софистов было опасно; это значило бы — так думали их противники — привести, в конце концов, к моральному и интеллектуальному уничтожению науки.

Таким образом, назревал сам собой неизбежный конфликт между моралью софистической и моралью, установившейся ранее. Предуказана была и та почва, на которой конфликт должен был разыграться. Афинам предстояло показать, могут ли они претендовать на то, чтобы быть «школою Эллады», могут ли они сохранить за собой политическое и культурное руководительство, опираясь на старые основы? Обстоятельства сложились так, что внутренний, культурный конфликт между старым и новым развивался рука об руку с конфликтом внешним, политическим. Результаты обоих конфликтов оказались, однако, неодинаковыми в конфликте внешнем Афины потерпели поражение, в конфликте внутреннем они победили. И главным виновником этой победы был Сократ.

VI

В год заключения Каллиева мира (449) Сократ, как сказано выше, был зачислен в армию гоплитов. Может быть, в ближайшие же годы ему пришлось принимать участие в военных действиях: в 446 г. пелопоннесское ополчение двинулось на Аттику, и Перикл, стоявший тогда во главе Афин, мобилизовал все население Аттики, способное носить оружие. До крупных столкновений дело, однако, не дошло, пелопоннессцы разошлись по домам, а в следующем 445 г. заключен был между

Афинами и Спартою так называемый тридцатилетний мир. Наступило мирное время, продолжавшееся, правда, всего 14 лет, в течение которого афинское войско лишь один раз, в 440/39 г, вынуждено было принимать участие в военных действиях на Самосе, где произошло восстание против Афин. Возможно, что Сократ принимал участие в морской экспедиции на Самос· об этом мы можем заключать из приведенного выше показания Иона Хиосского Но так как Сократ вместе с Архелаем сопровождал знаменитого трагического поэта Софокла, бывшего тогда стратегом, в его экспедиции на Лесбос и Хиос, то в самых боях, разыгравшихся под Самосом, Сократ, вероятно, не участвовал.

Восемь лет спустя давно назревавший конфликт между Афинами и Спартою разразился Пелопоннесской войной. Но еще за год до этого, в 432 г., Сократу пришлось принять участие в военных действиях В апреле этого года отложилась от Афинского союза Потидея, город на полуострове Паллене на побережьи Халкидики. Немедленно, по получении известия об измене Потидеи, афиняне послали туда флот с двухтысячным отрядом гоплитов, среди которых были Сократ и Алкивиад. В июне произошла решительная битва, во время нее один фланг афинского войска, на котором стояли Сократ и Алкивиад, был опрокинут и оттеснен противниками, тогда как другой фланг одержал победу и дал всей битве благоприятный поворот Алкивиад, во время отступления, был ранен и попал ′бы в руки врагов, если бы на выручку к нему не подоспел Сократ. После битвы Алки-

виад просил присудить почетную награду своему спасителю Но афинские военачальники благоволили, очевидно, Алкивиаду, и так как сам Сократ энергично хлопотал за своего приятеля, то почетная награда была присуждена последнему. Так рассказывает, по крайней мере, Платон в своем диалоге «Пир» устами самого Алкивиада.

Затем началась осада Потидеи, тянувшаяся до зимы 430/29 г. и причинявшая афинскому войску немало невзгод В том же диалоге Платона Алкивиад рассказывает, как вел себя под Потидеей Сократ. Во время похода, говорит Алкивиад, Сократ «в перенесении трудов превосходил не только меня, но и всех прочих. Всякий раз, когда мы, будучи отрезанными, как это зачастую случается на походе, бывали принуждены голодать, никто не мог поспорить с ним в выносливости. С другой стороны, на пирушках он один способен был наслаждаться как всем остальным, так и выпивкой; и когда ему приходилось пить даже против воли, он был впереди всех, и что удивительнее всего, никто ни разу не видел Сократа пьяным. . А в выносливости зимних холодов — зимы же там лютые — Сократ показывал прямо чудеса. Между прочим, когда однажды мороз сильно свирепствовал, и все старались либо совсем не выходить из дому, либо если кто и выходил, то основательно закутывался в овечьи шкуры, а ноги обвертывал войлоком и надевал сапоги, Сократ разгуливал в это время в своем обычном плаще, на босу ногу по льду и ходил при этом гораздо спокойнее, чем другие, обутые. Солдаты искоса посматривали на него, думая, что он хочет пред ними

порисоваться.» Приводит Алкивиад и такой случай, бывший с Сократом во время походной жизни: «Однажды утром, задумавшись над чем-то, он остановился и уставился в одну точку, и так как дело у него вперед не подвигалось, то он не трогался с места и все продолжал стоять, да раздумывать. Наступил уже полдень, на Сократа стали обращать внимание и в удивлении говорить между собою, что-де Сократ стоит с утра, что-то обдумывая. Наконец, под вечер, кое-кто из молодых солдат, после ужина, вынес свои походные кровати туда, где он стоял, чтобы провести ночь на холоде — время тогда было летнее, а вместе с тем, чтобы и понаблюдать, будет ли он также стоять и ночью. Сократ продолжал стоять до зари и до восхода солнца, а затем, совершив молитву перед солнцем, удалился.»

Было бы неосновательно придавать этим рассказам, особенно последнему, вполне реальное значение, верить в полную их историчность. Алкивиад или, устами его Платон, мог и идеализировать выносливость и самоуглубленность Сократа. С другой стороны, считать эти рассказы за литературную выдумку, тоже нет оснований: они, во всяком случае, типичны для Сократа, для общей его характеристики.

Потидея сдалась зимою 430/29 г., и афинское войско вернулось на родину. Вернулся с ним в Афины и Сократ. Что было с ним в первые годы Пелопоннесской войны, мы не знаем. Чума, свирепствовавшая тогда в Афинах и унесшая в числе многих других жертв и Перикла, его пощадила. Вероятно, Сократ должен был, наряду с прочими афинскими гражданами, принимать то или

иное участие в военных операциях. В битве при Делие, самой значительной сухопутной битве во время Архидамовой войны, в ноябре 424 г. он участвовал Дело происходило так Афиняне вели наступательную войну против Беотии и отправили войско, состоящее из 7000 гоплитов и 1000 всадников, под командою Гиппократа, к аттико-беотийской границе. Гиппократ продвинулся вперед, версты на две к Делию, занял и быстро укрепил святыню Аполлона, расположенную на берегу Еврипа, и затем главную часть войска отослал назад. Едва, однако, переступило оно границу, как на него напали значительные силы беотян; несмотря на оказанное сопротивление, афинское войско было совершенно разбито. Сократ в битве у Делия сражался плечо о плечо с храбрым своим сотоварищем Лахетом. В диалоге Платона «Лахет» говорится, что афиняне не понесли бы тяжелого поражения в битве, если бы все сражались так, как сражался Сократ. Подробный рассказ о поведении Сократа под Делием находится в «Пире» Платона. Алкивиад рассказывает: «Стоило бы, друг мой, посмотреть на Сократа в то время, когда войско наше быстро отступало от Делия. Я тогда ехал верхом, Сократ шел пешком. После того, как войско было уже рассеяно, стал отступать и он вместе с Лахетом. Я нагнал их и стал убеждать не робеть, говорил, что не покину их. Здесь я еще лучше, чем при Потидее, мог наблюдать за Сократом: сам я мало тревожился за себя, так как был на коне. И, прежде всего, ясно было мне, насколько Сократ превосходил Лахета присутствием духа. Затем показалось мне, что он там, как и в Афинах, «шество-

вал горделиво, озираясь по сторонам», спокойно посматривая на друзей и на врагов; каждому даже издали видно было, что, если бы кто задел его, хороший отпор встретил бы он Поэтому, и Сократ и Лахет благополучно вернулись в Афины »

Наконец, из Платоновой «Апологии» мы знаем, что Сократ участвовал в битве 422 г. при Амфиполе. И в этом сражении, как и при Потидее и при Делие, Сократ «оставался в строю, как и всякий другой, и подвергался опасности умереть». Этими тремя битвами участие Сократа в Архидамовой войне, повидимому, и ограничилось. Не забудем, что в год окончания ее, когда в 421 г. был заключен Никиев мир, Сократу исполнилось уже 48 лет; он, естественно, вышел из призывного возраста и в дальнейших военных перипетиях Пелопоннесской войны, надо полагать, активного участия не принимал

VII.

Военная служба Сократа в течение Архидамовой войны, разумеется, должна была отвлекать его, по крайней мере временами, от той деятельности, которую он считал главным призванием своей жизни и которая сводилась, в общих чертах, к тому, что можно было бы охарактеризовать как учительство людей уму-разуму, усовершенствование их нравственного самосознания. Когда Сократ начал свою общественную деятельность, мы в точности определить не можем, так как ясными указаниями на этот счет не обладаем Все же, по некоторым косвенным намекам, можно допустить, что учительство Сократа в Афинах нача-

лось еще до Пелопоннесской войны, вероятно, в тридцатых годах V века. Из начальных страниц Платонова диалога «Хармид» следует, что уже до 432 г., года осады Потидеи, в которой, как мы видели, Сократ участвовал, он занимался учительством. «Пришел я», рассказывает Сократ, «накануне вечером из лагеря, что в Потидее, — ну и пошел — с наслаждением после долгой разлуки — по обычным местам. Вошел, значит, и в палестру Таврея, что против храма при царской палате, и тут застал очень многих, иных и неизвестных мне, большей же частью — знакомых. И как увидали меня, неожиданно входящего, сейчас издалека приветствовали, кто откуда. А Херефонт, каков он есть неистовый, выскочив из своего круга, подбежал ко мне и, схватив меня за руку, «Как это, говорит, спасся ты из битвы, Сократ? — Ведь, незадолго до того, как нам оттуда отправиться, было сражение под Потидеей, о чем здешние только что услыхали; — я и говорю ему в ответ: Да вот так, как видишь. А ведь здесь, говорит, извещали, что битва-то вышла очень крепкая, и что много в ней погибло людей известных. Да и довольно справедливо, говорю, извещали. Ты-то, говорит, присутствовал при сражении? — Присутствовал. — Так скорей же, говорит, садись и рассказывай нам: мы-то, ведь, не все в точности слышали. Стал я им рассказывать походные новости, — кто о чем спрашивал, а спрашивали один про одно, а другой — про другое. Когда же мы об этом наговорились вдоволь, начал и я, в свою очередь, спрашивать их о здешних делах, — как теперь насчет философии» и пр.

Как бы ни относиться к влагаемому Платоном в уста Сократа рассказу, будем ли мы усматривать в нем реальный факт, имевший место в жизни Сократа, или смотреть на него как на литературный прием, принадлежащий Платону, вывод можно сделать один: до 432 г. Сократ интересовался умственной жизнью Афин того времени, сам принимая в ней непосредственное участие.

Это соображение получает косвенное подтверждение на основании тех данных, которые представляет аттическая комедия. Из некоторых отрывков аттических комиков, главным же образом из комедии Аристофана «Облака», поставленной на сцену в 423 г. и посвященной в значительной своей части личности Сократа — обо всем этом речь будет впереди — ясно видно, что в двадцатых годах V века и личность Сократа и его учительство привлекали к себе в Афинах всеобщее внимание: иначе трудно об'яснить тот интерес, который обнаруживает к Сократу аттическая комедия

Итак, можно почти с уверенностью сказать, что начало общественной деятельности Сократа восходит к 30-м годам V века. В 20-х годах она продолжается с некоторыми перерывами, вызванными военной службой, и в дальнейшем течении, повидимому, уже без каких бы то ни было длительных перерывов, охватывает два последних десятилетия V века, вплоть до катастрофы, постигшей Сократа в 399 г.

В общем итоге, следовательно, Сократ «учительствовал» в Афинах, приблизительно, в течение сорока лет. О том, чему учил Сократ и как учил он,

речь будет впереди; теперь же мы сопоставим те сведения, какие имеются у нас о семейной жизни Сократа и об участии его в делах государственных.

VIII

Семейной жизнью Сократа его биографы интересовались очень усердно и, не обладая на этот счет никакими положительными и достоверными данными, насочинили много анекдотов, а из жены Сократа, пресловутой Ксантиппы, сделали своего рода трагико-комическую фигуру, наделив ее чертами настоящей мегеры, семейный же очаг Сократа обрисовали в виде какого-то ада.

Изображая так семейную жизнь Сократа, древние биографы исходили из общих соображений Мог ли такой человек, как Сократ, рассуждали они, проводивший целые дни на улице и площадях афинских со своими слушателями и приятелями, забросивший, поэтому, все заботы о семье, быть хорошим семьянином и пользоваться домашним уютом? Конечно, нет Могла ли Ксантиппа питать привязанные чувства к такому супругу, который свалил на нее все заботы о домашнем хозяйстве, о воспитании детей? Конечно, нет. Напротив, у Ксантиппы, изнемогавшей под бременем домашних забот, в которых Сократ не принимал никакого участия, должна была зародиться против него неприязнь и постоянное раздражение. Ко всему этому присоединялось еще то, что разница в годах мужа и жены была, повидимому, значительная. Сократ женился, должно быть, лишь после Никиева мира 421 г. Во время суда над Сократом, в 399 г.,

старшему сыну его, Лампроклу, было лет 18—20; кроме Лампрокла у него было еще двое малолетних сыновей.

В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта Ксантиппа представлена, как строгая, заботливая мать своих детей, готовая на жертвы ради них; ни словом не упоминается о том, будто между супругами были плохие отношения; напротив, из другого произведения Ксенофонта, его «Пира», впечатление о Ксантиппе получается совершенно иное: она называется «самою несносною из женщин, не только в настоящее время, но и в прошедшем и в будущем» Один из собеседников, Антисфен, выражает даже недоумение, как Сократ мог жениться на такой женщине, как Ксантиппа На это Сократ приводит такое об'яснение «Я наблюдаю, говорит он, что лица, желающие стать опытными наездниками, выбирают себе не послушных, но горячих лошадей. Они руководствуются при этом таким расчетом: если они смогут обуздать горячую лошадь, то с другими им нетрудно будет управиться. Так точно поступил и я: желая уметь обходиться с людьми, я женился на Ксантиппе, будучи уверен, что, управившись с нею, мне легко будет общаться и со всеми остальными людьми» Все это, конечно, выдумка, и проследить, откуда она ведет свое начало, нетрудно. Антисфен, давший такой резкий отзыв о Ксантиппе, был последователем одной из сократовских школ, именно кинической, которая старалась представить в лице Сократа образ истинного мудреца и, как противовес, дала ему в жены сварливую и несносную женщину. Со времени Антисфена взаимные отношения Сократа и Ксан-

типы стали излюбленной темой для моральных рассуждений и риторических упражнений в риторских и философских школах: разве не интересно было провести контраст между сварливой женщиной и радостно настроенным философом? Сколько простору находила фантазия, заставляя обладающего большой выдержкой мудреца обороняться против злых нападков на него со стороны его законной супруги? В особенности противопоставлялись сварливость Ксантиппы и невозмутимость Сократа, привыкшего к постоянному ворчанию и брани жены. Задавались и такие вопросы: а что, может быть, и сам Сократ был не безгрешен по отношению к ней, может быть, он давал поводы к ее ревности? Развивая эту мысль, дошли до такого вымысла, будто у Сократа была другая, незаконная, жена, по имени Мирто́, дочь земляка Сократа, «справедливого» Аристида.

Для опровержения всех нелепых выдумок, связанных с Ксантиппой, достаточно сослаться на свидетельство Платона, который, конечно, хорошо знал семейную жизнь Сократа. О Ксантиппе Платон упоминает в «Федоне» при описании последних часов жизни Сократа. К этому рассказу мы еще вернемся и тогда увидим, какова была Ксантиппа в действительности. Пока достаточно будет заметить, что семейная жизнь Сократа, если и не была, быть может, «раем на земле», то она и не являлась тем «адом», о котором принято обыкновенно говорить, как о чем-то неподлежащем сомнению.

Как упомянуто выше, Сократ оставил после себя троих сыновей. По дошедшему до нас пре-

данию, они не выходили из рядов посредственности и даже в малой степени не унаследовали от отца присущих его духовных свойств.

IX.

В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта сообщается такой рассказ: Однажды Антисфен, один из последователей Сократа, обратился к нему с вопросом, почему он, считая себя способным, других людей делать политическими деятелями, сам не занимается политикой? «Разве, отвечал Сократ, я в большей степени занимался бы политикой в том случае, если бы лично ею занимался, а не тогда, если бы заботился о том, чтобы наивозможно большее число людей было способно заниматься ею?» А в защитительной речи на суде Платон влагает в уста Сократа такое замечание: «Кто, в самом деле, ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а выступать на общественное поприще не должен.» «Внутренний голос, говорил Сократ, не допускает меня заниматься государственными делами. И, кажется, прекрасно делает, что не допускает. Будьте уверены, афиняне, что если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже погиб бы давно и не принес бы пользы ни себе, ни вам.»

Таким образом, Сократ сознательно отстранялся от участия в государственной жизни своей родины, так как это участие было несогласно с его внутренним убеждением, расходилось с его принципами. С другой стороны, Сократ, как истинный гражданин своего государства, не считал себя

в праве, да и не мог, по законам Афинского государства, уклоняться совершенно от какой бы то ни было политической деятельности. Заседания народного собрания он, конечно, посещал, членом суда присяжных он, вероятно, бывал не раз. Вышеприведенные указания Сократа надо понимать в том смысле, что он не стремился занимать какую-либо более или менее ответственную государственную должность. И тем не менее, уже под конец жизни, Сократу пришлось выступить в роли активного политического деятеля.

Случилось это в последние годы Пелопоннесской войны. Первый период ее, так называемая Архидамова война, в которой Сократ, как мы видели, сражался в рядах гоплитов, закончился в 421 г. Никиевым миром, восстановлявшим, в сущности, положение, бывшее до войны. Мир этот был «гнилой мир»: он не устранил основную причину конфликта между Афинами и Спартой — их политическое соперничество. Ясно было, что вражда между обоими государствами должна была снова обостриться, лишь только представится к этому подходящий случай и найдется политический деятель, который этим случаем сумеет воспользоваться Такой человек нашелся в лице Алкивиада; его считали любимым учеником Сократа, и в искренней привязанности учителя и ученика нет оснований сомневаться. С другой стороны, вряд ли можно указать среди афинян того времени другого человека, на мировоззрение которого принципы софистики, софистическая мораль, наложили бо́льший отпечаток, чем на Алкивиада. В противоположность Периклу — после смерти послед-

него Алкивиад бесспорно является самою крупной политической фигурой в Афинах. Алкивиад свои личные интересы ставил выше интересов государственных, хотя, возможно, он и любил родину и желал ей блага, но он любил ее «по-своему» и, любя ее, еще более, пожалуй, любил самого себя Личность чрезвычайно одаренная и талантливая, Алкивиад, отчасти вследствие своего непомерного эгоизма, отчасти в силу сложившихся обстоятельств, не только не принес пользы и счастья Афинам, а, напротив, толкнул их на путь, поведший к гибели. Сицилийская экспедиция в 415 г. предпринята была афинянами в значительной степени благодаря настояниям Алкивиада. Известно, какою катастрофой она окончилась в 413 г. По справедливому замечанию историка Пелопоннесской войны Фукидида, сицилийская экспедиция была событием не только величайшим за время войны, но и вообще в истории Греции. Это был главный момент войны, поворотный пункт в ней, и вместе с тем и в исторической судьбе Афин. Афины понесли жесточайший материальный ущерб, но это было с полбеды, и от него афиняне сравнительно скоро сумели оправиться. Гораздо важнее были моральные последствия: пало морское могущество Афин, исчез страх перед ними и со стороны союзников, и врагов афинских, в том числе и старинного врага — Персии; самый государственный строй Афин, афинская демократия, испытал глубочайшее потрясение: утрачена была вера в целесообразность и благодетельность демократического строя, в котором многие усматривали причину всех обрушившихся бед. Едва прошло два года со времени сицилийской ката-

строфы, как в 411 г., в Афинах происходит олигархический переворот, за которым начались длительные внутренние смуты, борьба олигархов и демократов. Все это, конечно, отражалось и на ходе военных действий, которые складываются то неблагоприятно, то, временами, удачно для Афин.

Летом 406 г. военное счастье улыбнулось афинянам. Они напрягли все свои силы, снарядили многочисленный флот и дали битву пелопоннесскому флоту у Аргинусских островов (близ острова Лесбоса). Пелопоннесский флот был уничтожен, но победа дорого стоила афинянам: погибло, по крайней мере, 25 афинских судов. Так как битва происходила в открытом море, то экипаж не мог спастись на сушу. По окончании боя приняты были, правда, меры к спасению упавших в воду моряков, но на беду поднявшаяся буря помешала этому, и в результате выигранного сражения более 4000 человек, в том числе около 2000 афинских граждан, нашли себе смерть в волнах морских. Такая потеря отозвалась очень тяжело на настроении граждан, ряды которых за время войны и без того сильно поредели. В народе стали распространяться слухи, что во всей беде виноваты афинские военачальники, стратеги, которые, будто бы, не приняли всех мер для спасения утопавших. Решено было отозвать всех стратегов, за исключением главного командира Конона, и произвести судебное расследование всего этого печального происшествия. Шестеро из стратегов, в том числе Перикл, сын Перикла, прижитый им от Аспасии, явились в Афины, где, по приказанию совета, были арестованы, а затем представлены пред народное

собрание. Стратеги защищались от пред'явленного им обвинения в нерадивом исполнении своих обязанностей, и защита их произвела благоприятное впечатление. Народное собрание колебалось, какое вынести решение, и поручило совету представить свои соображения о том, как нужно поступить с обвиняемыми. Тем временем, наступил праздник Апатурий, имевший очень важное значение в семейном быту Афин: во время этого праздника новорожденные дети записывались родителями в те фратрии (религиозные братства граждан), к которым они принадлежали; то же делали молодые мужья в отношении своих новобрачных жен. Во время Апатурий недочет среди родных, вызванный в их рядах смертью, ощущался особенно остро. Снова поднялась незаглохшая еще злоба против тех, кто действительно или предположительно были виновниками того, что одни из афинских граждан погибли, а другие, погибшие, оказались лишенными почести погребения, имевшего большое значение в религиозном сознании древних. Как бы с целью омрачить радостный праздник, отцы и братья погибших ходили по городу в траурных одеждах, с обстриженными, в знак печали, волосами и тем самым еще более растравляли народные страсти. Под этим впечатлением начался разбор дела в совете. Один из его членов Калликсен внес предложение, по которому народное собрание должно было отказаться от дальнейшего допроса стратегов и сразу решить вопрос об их вине, хотя бы и тайным голосованием. Приговор должен был повлечь за собой казнь стратегов и конфискацию их имущества.

Предложение Калликсена было принято, хотя оно, по существу, было противозаконным, так как афинское право запрещало выносить огульный приговор в тех случаях, когда налицо имелось несколько подсудимых. Народное собрание началось очень бурно. Некоторые из членов его заявили протест против предложения Калликсена, и протест этот имел своим последствием то, что разбор дела был прерван до того времени, пока суд присяжных не выскажет своего мнения о правильности протеста. Если бы протест был признан законным, то Калликсен и весь совет подлежали бы очень строгому наказанию. Но, даже и в минуту всеобщего возбуждения страстей народное собрание не хотело пренебрегать выработанными правовыми нормами. Если одна часть народного собрания высказывалась в том смысле, что нельзя препятствовать народу выражать свою волю, то другая часть возражала, указывая, что народу надлежит уважать им же самим установленные законы. Решающим моментом было, вероятно, появление человека, бывшего на одном из погибших кораблей и с трудом спасшегося. Он сообщил, что последнею волею и просьбою погибающих было — отмстить стратегам, покинувшим храбрых, одержавших победу граждан; заявивших протест членов народного собрания склонили, под угрозой привлечь их к обвинению, отказаться от своего протеста. Но этим еще не было устранено всякое сопротивление. Порядком и делопроизводством народного собрания заведывала в Афинах особая, выделявшаяся из состава совета комиссия, так называемая пританея, состоявшая из

50 человек, называвшихся пританами. В продолжение десятой части года такие пританы и составляли перманентную комиссию совета. Во время процесса очередь исполнения этой обязанности лежала на филе Антиохиде, к которой принадлежал Сократ. Большинство комиссии отказывалось поставить на голосование предложение Калликсена. Но это снова вызвало бурю негодования, и вновь сопротивление было разбито при помощи прежней угрозы. Один Сократ непоколебимо оставался при своем убеждении в противоположность предложению Калликсена.

Дальнейшее рассмотрение дела пошло спокойно. Угрозы достигли только того, что предварительный вопрос был решен в смысле преобладающего настроения народного собрания, но они не могли нарушить правильный ход его продолжения. Защитники стратегов не предлагали оправдать их; они настаивали лишь на правильном ведении процесса. Калликсен поддерживал свое первоначальное предложение. Речи за и против стратегов были выслушаны спокойно, и последовавшее голосование, посредством поднятия рук, было благоприятно для стратегов. Так заявило, по крайней мере, бюро, на обязанности которого лежал подсчет голосов Но тогда стали оспаривать правильность подсчета голосов. Голосование было повторено, и на этот раз оказалось не в пользу стратегов. Оставалось произвести последнее, тайное голосование, которое должно было решить судьбу обвиняемых. Они были осуждены.

Когда, по прошествии нескольких лет, процесс стратегов был пересмотрен, решено было, что Кал-

ликсен и его единомышленники действовали неправильно; против них возбуждено было обвинение, заставившее Калликсена покончить жизнь самоубийством. Кто знает, быть может, тогда вспомнили о сопротивлении, правда, безуспешном, оказанном Сократом? Для нас все поведение Сократа во время процесса служит непреложным доказательством не только силы его характера и стойкости убеждений, но и верности его государственным законам. Сократ ни на минуту не поколебался и не допустил себя до того, чтобы идти за общественным мнением, коль скоро он сознавал, что его коллеги поступают не только неправильно, но и противозаконно. Образ действий его в процессе стратегов бросает яркий луч света на весь облик мудреца. Если бы Платон и Ксенофонт не сохранили упоминания об этом эпизоде из жизни Сократа, мы никогда не узнали бы, что он был однажды членом совета, что он не считал себя в праве, повинуясь законам государства, уклоняться от участия в выборах по жребию на эту должность, хотя, с принципиальной точки зрения, к самой системе выборов по жребию и относился отрицательно. Платон говорит, что только эту должность Сократ и занимал.

Несмотря на победу, одержанную афинянами в битве при Аргинусских островах, судьба Афин была, в сущности, предрешена, и гибель их была лишь отстрочена. Уже в следующем 405 г. афинский флот потерпел полное поражение, а год спустя Афины, окруженные неприятелем с моря и с суши, лишенные подвоза продовольствия и тем самым обреченные на голодовку, должны

были принять тягостные условия мира, предложенные спартанцами: они должны были срыть укрепления своей гавани Пирея и Длинные стены, соединявшие Пирей с городом, отказаться от владений вне Аттики, возвратить политических изгнанников, то-есть сторонников олигархической партии, выдать оставшийся флот. Самое же ужасное было то, что афиняне должны были вступить в союз со своим исконным врагом, Спартою, подчиниться ее гегемонии, отказаться от демократического строя и, взамен его, ввести у себя «строй отцов», а на самом деле олигархию «тридцати». Такие бедствия родины суждено было пережить Сократу!

Один из главных деятелей эпохи «тридцати» Критий одно время вращался в кружке Сократа и был, подобно Алкивиаду, искренним его почитателем. Ставши одним из «тридцати», Критий явился главным представителем крайнего направления их политики, направленной к тому, чтобы, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, не брезгуя никакими мерами, возможно дольше удержать власть в своих руках. Эпоху «тридцати» очень часто называют эпохою «тридцати тиранов». Это неправильно: ни сами себя, ни их современники не называли их тиранами. Они были, однако, хуже худших из тиранов, так как никакого закона не признавали, а все, что́ встречалось им на пути, бесследно сметалось. В Афинах свирепствовал, в полном смысле сло́ва, террор, при чем главным террористом был Критий, убежденный враг демократии, от'явленный сторонник олигархии. Другого видного деятеля из числа «тридцати» Ферамена, настаивавшего на прекращении террора и

на передаче правления «лучшим» гражданам, Критий предал казни, после чего жестокость и произвол олигархов достигли своего апогея

Сократа «тридцать» могли считать даже «своим», вследствие его личных отношений к Критию. Только этим и можно об'яснить себе, что он вместе с четырьмя другими лицами получил приказание арестовать противника олигархов, Льва Саламинского, который осужден был на казнь.

«Только и на этот раз», говорил Сократ на суде, «я доказал не словами, а делом, что для меня смерть, если негрубо так выразиться, сущие пустяки, а вот воздерживаться от всего беззаконного и безбожного, это для меня самое важное. Таким образом, как ни могущественно было это правительство, а меня оно не испугало настолько, чтобы заставить сделать что-нибудь несправедливое... Четверо отправились на Саламин и привезли Льва, а я отправился домой. И по всей вероятности, мне пришлось бы за это умереть, если бы правительство не распалось в самом скором времени.» По другим известиям, Критий будто бы запретил Сократу заниматься его «учительством», отчасти досадуя на него за те наставления, какие ему Сократ раньше делал, отчасти желая покарать его за тот суровый приговор, какой высказал Сократ о «тридцати», сравнив их с тем пастухом, который заботится не о благосостоянии стада, а о том, чтобы уменьшить его и количественно, и качественно. Это известие, передаваемое Ксенофонтом, маловероятно само по себе и представляет, вероятно, вымысел

Господство «тридцати» продолжалось около года;

в 403 г. в Афинах была восстановлена демократия, с народным собранием и народным судом. Три года ушло еще на окончательную ликвидацию всех внутренних неурядиц, пережитых Афинами за последнее время в результате партийной борьбы и гражданской войны. В 400 г. демократический строй окончательно утвердился в Афинах, а в следующем году... возрожденная афинская демократия привлекла «мудрейшего из всех людей» к суду и вынесла ему смертный приговор, признав правильным выставленные против Сократа обвинения в нарушении государственных религиозных законов и в развращении юношества.

Обвинения тяжкие, вызванные, очевидно, всею деятельностью Сократа, главным образом, характером того учения, которое он исповедывал и проповедывал. Для того, чтобы дать себе отчет, справедливы ли были эти обвинения вообще и, если справедливы, то в какой степени, необходимо уяснить себе основы умственного и нравственного мировоззрения Сократа? Чему учил он афинский народ в продолжении своей многолетней учительской деятельности?

X.

Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос не так-то легко и просто. Обстоятельства внешней жизни Сократа известны лишь эпизодически, и то немногое, что́ мы о ней знаем, сопоставлено на предшествующих страницах. Данныя эти, как они ни отрывочны, рисуют Сократа, как верного слугу своей родины, храброго воина и честного гражданина. Но не в исполнении этих обязанностей

усматривал Сократ свое жизненное призвание. Главная задача его деятельности состояла в том, чтобы учить людей «мудрости», учить не путем своих сочинений — вспомним, чем ограничилась писательская деятельность Сократа — не посредством каких-либо систематических курсов или лекций, а помощью простой беседы, разговора со своими собеседниками. То, что́ мы знаем об учении Сократа и о методе, каким производилось им обучение, запечатлено в сочинениях Платона и Ксенофонта. Все эти сочинения были написаны уже после смерти Сократа, и лишь некоторые из них, да и то это маловероятно, могут быть относимы к последним годам жизни мудреца Обо всем этом речь будет впереди. Теперь же предстоит обратиться к рассмотрению и оценке тех сведений о Сократе, какие дают литературные произведения, восходящие ко времени его жизни; эти источники должны были бы представлять особую ценность именно потому, что они современны Сократу. Однако, не должно переоценивать показаний этих современных источников, не уяснив себе надлежащим образом их характерные свойства.

Современными Сократовой деятельности источниками являются произведения древне-аттической комедии, в особенности комедия Аристофана «Облака».

Справедливо замечено, что аттическая комедия олицетворяет собой «общественную совесть афинского народа». В ней отражается и государственная жизнь и частный быт Афин второй половины V века, во всех их разнообразных проявлениях; в ней зачастую выступают в ярком свете руко-

водящие деятели той эпохи. Одна отличительная черта, в особенности, свойственна аттической комедии: она строго придерживается старых традиций; во всех вопросах как внешней, так и внутренней политики, как в области религиозных воззрений, так и культурных переживаний она настроена консервативно, даже иной раз реакционно. Современность представляется в ней каким-то вырождением, и ей противополагается золотой век прошлого, когда и политика была честнее, и набожность правильнее, и нравственность чище. Отсюда постоянные нападки комедии на всякого рода новшества, в частности, на новомодное образование, все равно, находило ли оно выражение в натурфилософских теориях, или в софистической премудрости, или в художественно выработанном красноречии, или, наконец, в новой поэзии и музыке. Уже Кратин, один из первых по времени представителей древне-аттической комедии, осмеивает в несохранившейся до нас комедии «Всевидящие» попытки об'яснения мироздания, предложенные современными ему натурфилософами. Преемники Кратина принялись за софистику: софистика ответственна за все современные заблуждения, софистика похитила у народа его прежнюю веру; это она ниспровергла основы нравственности, ввела казуистику в суде, развратила юношество.

Среди всех учителей мудрости Сократ в эпоху Архидамовой войны был, несомненно, самой популярной фигурой. Он вел свои беседы открыто; состав его слушателей был самый разнообразный: и знатные и простые люди, и молодежь и старики. Оригинальная физиономия Сократа, вся его фигура

бросалась в глаза всем и каждому; все могли видеть, какой простой образ жизни он вел, как он всегда ходил босиком, в заплатанном плаще, как мало заботился о пище и питье. Такая оригинальная, уже по внешности, фигура, как Сократ, сама собой просилась на сцену. С другой стороны характер и метод его учения заключали много таких черт, которые заставляли усматривать в нем типичного представителя «нового времени», приверженца софистики. Подобно софистам, и Сократ считал своим жизненным призванием обучение и воспитание. Как и софисты, он отстранялся от исследования природы и обращал все свое внимание на вопросы, касающиеся человеческой жизни, в особенности на принципы нравственного поведения людей. Подобно софистам, он исходил из наблюдения отдельных явлений повседневной жизни и оттуда выводил общие понятия и непреложные законы. Как и софисты, Сократ ставил во главу угла разум, будучи убежден, что ясное знание влечет за собою и правильные действия, преследовал в своей деятельности практические цели, стремясь поднять человека на высшую моральную и интеллектуальную ступень. Правда, все эти сходства между Сократом и софистами скользили лишь по поверхности, не затрагивали дела по существу, не оттеняли глубокой противоположности между Сократом и софистами. Но представителям древнеаттической комедии до этого не было дела, и не потому, что они были сами поверхностными наблюдателями, но потому, что они считались с поверхностным настроением народной массы, для которой они писали свои произведения, главным

же образом, потому что Сократ был очень подходящей фигурой для сцены, а в исповедуемом и проповедуемом им учении заключалось много такого, что́ шло вразрез с тем настроением, каким проникнута была вся древне-аттическая комедия Сократ и с внешней, и с внутренней стороны не мог не вызвать насмешки, а посмешить зрителей входило обязательно в намерения комиков.

К сожалению, от их произведений — исключая Аристофана — дошли до нас скудные отрывки. Все же и они дают немало интересных черт и черточек для характеристики Сократа.

Наиболее безобидно и вместе с тем правдиво обрисовал Сократа, повидимому, Амипсий в своей комедии «Конн», поставленной на сцену в 423 г., одновременно с «Облаками» Аристофана. Уже приходилось упоминать о Конне, у которого Сократ в старости, будто бы, учился музыке. В комедии Амипсия Сократ был выведен в изношенном, очень нуждающемся в починке плаще; он характеризуется как «отличнейший среди немногих и глупейший среди многих». Он страдает от голода, но отличается и воздержанностью, и отсутствием каких-либо излишних потребностей и ни за что не согласится попрошайничать у богачей. Другой комик, Евполид, также, повидимому, добродушно относился к Сократу. Он представил его болтливым бедняком, мечтающим о всякой всячине, но нисколько не заботящимся о том, чтобы поесть досыта. Другие комики высмеивали Сократа как сотрудника Еврипида, который своими пьесами влил своего рода умственную отраву в народную душу.

И Аристофан, желая поразить одним ударом обоих несимпатичных ему людей, Еврипида и Сократа, представляет в комедии «Лягушка» дело в таком свете, будто Еврипид все свое философское мудрствование заимствовал от Сократа. В конце комедии устами хора Аристофан высказывает такие мысли:

«Как отрадно, не с Сократом,
Сидя рядом толковать,
Позабывши муз даянье
И высокое искусство
И трагическую страсть!
А в словах высокопарных,
В болтовне пустопорожней
Время праздно убивать —
Признак чистого безумца.»

В комедии «Птицы» Аристофан с горестью отмечает то влияние, какое оказывал «неумытый Сократ» на молодежь, а о тех людях, которые в образе жизни подражали спартанской простоте и прямоте, с упреком отзывается как о «сократствующих». Но все это — стрелы, мимоходом пущенные в Сократа. В широком масштабе задуманное и планомерно произведенное нападение на Сократа представляют «Облака» Аристофана.

Содержание комедии, в кратких словах, сводится к следующему: у Стрепсиада, простого афинского поселянина, трудолюбивого, бережливого есть расточительный сын. Не будучи в состоянии заплатить его долгов, отец хочет научиться ораторскому искусству, которое он представляет себе, как искусство надувать кредиторов, обманы-

вать судей. Представителем этого искусства выведен Сократ. Но Стрепсиад слишком туп, чтобы усвоить уроки Сократа. Он посылает своего сына учиться вместо себя; последний же, усвоив науку Сократа, насмехается над отцом и колотит его. Стрепсиад, взбешенный и отрезвленный этим, поджигает школу Сократа. Облака, от которых пьеса получила свое название и которые образуют в ней хор, осуществляют тот туман, которому поклоняются философы.

«Облака» были поставлены на сцену в 423 г. и удостоены только третьей награды. Аристофан, скорее удивленный этой неудачей, чем ею разочарованный, переделал пьесу, но, кажется, больше не ставил ее на сцену. Эта-то вторая редакция комедии и дошла до нас. Повидимому, в первоначальной редакции в лице Сократа высмеивалась лишь натурфилософия и софистика, во вторичной редакции осмеянию подвергается все новомодное мировоззрение; в первоначальной редакции Сократ от начала до конца пьесы был главным действующим лицом, во вторичной редакции он, во второй части пьесы, отступает на задний план и передает свое слово поборнику модернистического направления.

Каким же выведен Сократ в «Облаках»? Внешний облик его как будто отчасти скопирован с натуры. Это — бледный человек; ходит он босой, не моется, не натирается маслом, не стрижет волос. Он слоняется по улицам и пронизывает своим взором прохожих. Большой диалектик и любитель покалякать, он ищет ученых разговоров. Учеников он учит стремиться к самопознанию и постоянно

указывает им. что они ничего не знают; он вводит их в познание божественного. Внимательно исследует природные свойства учеников, рекомендует воздерживаться от чувственных удовольствий, будучи сам изнурен от постоянного умственного напряжения и строгого образа жизни. Во всем этом немало индивидуальных черт, присущих Сократу, но шаржированных

Но наряду с этими «портретными» чертами Сократа «Облака» наделяют его и другими, явно ему чуждыми Каково было содержание тех научных исследований, которыми занимается Сократ? На это «Облака» дают три ответа. Во-первых, Сократ ломает себе голову над вопросами, касающимися видимой природы. Ученики в его школе исследуют вещи, что́ над землей и под землей. Сам он занимается исследованиями о солнце и луне, астрономией, геометрией, географией, изучает метеорологические явления, облака и молнию. Во-вторых, Сократ исправляет ходячие представления о богах. Вместо старых богов, в особенности Зевса, он молится облакам, хаосу, языку, дыханию, эфиру, воздуху и т. п. В третьих, — и это самое главное — Сократ обучает искусству произносить речи в суде и в народном собрании, при том обучает так, что ученики его выучиваются защищать даже неправые дела Он, Сократ, обучает самой модной риторике, по всем правилам ее искусства, сообщая ученикам сведения из области стихосложения и грамматики. В довершение всего, Сократ, по примеру софистов, берет за свою науку деньги.

Образ Сократа, обрисованный такими штрихами, совершенно отличается от того реального Сократа,

который проводил все время среди публики, а не сидел у себя дома, любил веселое общество, не прочь был «выпить» в кругу приятелей, представлял собою не какого-то отвлеченного героя добродетели, но фанатика истины и справедливости, высмеивал софистов за то, что они берут деньги за обучение, был так набожен, что день свой начинал с молитвы, обращенной к богу солнца Гелиосу, занимался не исследованиями природы, но исключительно вопросами, касающимися этики, ненавидел всякого рода риторику и фразерство и совершенно был неосведомлен в составлении судебных речей. Можно ли после этого сомневаться, что «Облака» Аристофана изображают не исторического Сократа, а представляют только «комическую маску»? То, что выводит пред нами поэт, является, на самом деле, забавною карикатурой, каким-то фантастическим существом, которое сохранило лишь имя Сократа, восприняло некоторые внешние черты его облика, но совершенно извратило его духовную физиономию. Является ли, однако, духовный облик Сократа в «Облаках» просто поэтическою фантазией, или же Аристофан, в лице своего Сократа, хотел осмеять каких-либо определенных лиц? Скорее надо предполагать второе; но в таком случае кто же скрывается под личиной Сократа? Думают, что Аристофан под видом Сократа вывел двух современных ему мыслителей: натурфилософа Диогена из Аполлонии и знакомого уже нам софиста Протагора. Последний обучал составлению судебных речей, интересовался всякого рода грамматическими тонкостями; что касается Диогена, то он создал свою теорию в области натур-

философии, на основании которой воздух является не только первоначальной материей всех вещей, но и божественным принципом мироздания, дающим происхождение всякой жизни, всякому движению.

Но даже если допустить, что в лице Сократа в «Облаках» выведены двое названных мыслителей, остается, все-таки, нерешенным вопрос: как осмелился Аристофан дать своей «комической маске» имя Сократа? Сам ли Аристофан был убежден, что нарисованная им фигура Сократа соответствует действительности, или же хотел просто одурачить афинян? Чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, нужно принять в соображение отличительные свойства творчества Аристофана. Главное из них, это — уменье всегда удачно выставить значение проводимой в пьесе идеи, затем — обладание натуральным комизмом в связи с богатым развитием фантазии.

Все пьесы Аристофана построены на соединении основного тезиса и фабулы, связанных таким образом, что фабула служит пояснением тезиса. Поэтому, и большинство главных действующих лиц в комедиях Аристофана — скорее типичны, нежели индивидуальны; они воспроизводят целый класс людей и воодушевлены преобладающими в них чувствами. Это либо афинские поселяне старого закала, жаждущие мира, чтобы иметь возможность заниматься своим земледельческим трудом, либо демагоги, добивающиеся популярности у народа для удовлетворения своих эгоистических стремлений и поддерживающие в народе праздность и дурные наклонности, либо обманщики и шарлатаны, дурачащие народ разными несбыточ-

ными бреднями, либо софисты, смущающие своими этическими и поэтическими теориями душу народа, расшатывающие добрые нравы его и т. п. Так и в «Облаках» Аристофан вывел на сцену тип модного «просветителя», к какому бы лагерю он ни принадлежал. Поэтому, не к чему предполагать, что в лице Сократа мы имеем дело только с Диогеном из Аполлонии и Протагором. Нет, тут слиты воедино черты, присущие и этим двум модным тогда просветителям и целому ряду других не менее известных в то время лиц, об'единенных, однако, одним общим им стремлением — сказать новое слово в области просвещения. Аристофанову мировоззрению это «просвещение» было чуждо, в какой бы форме ни проявлялось — будь то творчество Еврипида, об'яснение системы мироздания у натурфилософов, популяризация науки софистами, рационализм Сократа.

Во всех этих проявлениях нового духа Аристофан усматривал покушение с негодными целями — поколебать в народе прежнюю веру, уничтожить старинную простоту. И если принять во внимание, что 24 года спустя после постановки «Облаков», во время суда над Сократом, его обвинители не отделяли его от софистов, что Платон в своих диалогах постоянно изображает Сократа в борьбе с софистами, то станем ли мы очень дивиться тому, что Аристофан всю деятельность Сократа ставил на одну линию с софистикой? Конечно, Аристофан хорошо знал и прекрасно сознавал, что Сократ не имеет ничего общего с адвокатскою наукою и грамматическими ухищрениями Протагора, но он не поколебался характеризовать

Сократа, как тип, некоторыми чуждыми ему чертами, чтобы тем самым вывести на свет все пустые, по его мнению, стремления софистики. Конечно, это было недобросовестно в отношении Сократа, но какое дело до этого было Аристофану, раз вопрос был поставлен принципиально — полезно или пагубно новое просвещение для народа и государства. Аристофан вывел в лице Сократа не только приверженца софистики, но и последователя новой теории об'яснения мироздания. Чем это об'ясняется? Прежде всего, должно заметить, что Сократ, действительно, в начале своей деятельности интересовался натурфилософией и от упомянутого выше Архелая мог ознакомиться с такою теорией, которая была близко к теории Диогена из Аполлонии. Затем мы еще увидим, что и в религиозных воззрениях Диогена и Сократа можно подметить некоторое сходство, поскольку каждый из них, исходя из целесообразности мироздания, усматривал во главе его некую мыслящую первоначальную силу. Но, конечно, та пестрая карикатура, в которой представлен Сократ в «Облаках», находит свое об'яснение, главным образом, в указанных выше отличительных свойствах древне-аттической комедии.

Афинская публика отнеслась лишь с холодным одобрением к «Облакам», когда они поставлены были в 423 г. на сцене, несмотря на то, что, по мнению автора, они были лучшею его пьесой. Аристофан об'яснял неуспех пьесы тем, что она оказалась не по плечу зрителям. Так ли это было на самом деле, мы не знаем. Во всяком случае, вряд ли публика встретила пьесу холодно потому,

что ее не удовлетворил выведенный в ней образ Сократа. Не ради него публика пошла в театр. Потом, как мы знаем, Аристофан переделал «Облака», но, повидимому, не для сценического представления, а только для чтения. Пьесу, конечно, читали — сначала из-за ее художественных достоинств, а потом, когда афинская демократия и политически и этически стала вырождаться, могло возникнуть и подозрение: да не прав ли был, хотя бы отчасти, Аристофан, выведя Сократа в том виде, в каком он является пред нами в «Облаках». Как бы то ни было, по мнению Платона, пасквиль Аристофана на Сократа в гораздо более сильной степени содействовал его обвинению, нежели формальная жалоба его обвинителей.

Для нас «Облака» Аристофана представляют интерес в двояком отношении: 1) они сохранили некоторые внешние черты доподлинного Сократа и 2) что́ еще важнее, они непреложно свидетельствуют, что в 423 г. личность Сократа и его деятельность пользовались среди афинской публики большой популярностью. Для характеристики же его интеллектуального и морального облика «Облака» служить непосредственным источником, разумеется, не могут.

XI.

От самого Сократа не дошло письменного наследия, если не считать четырех стихов из сочиненного им в тюрьме гимна к Аполлону, которые ничего не дают нам, если бы даже подлинность их и была твердо установлена. Наше знание об учении Сократа основывается, таким образом. на сви-

детельствах других лиц, главным образом, Платона, Ксенофонта и Аристотеля. Какой из этих трех свидетелей является наиболее надежным? Каждый из них в новое время находил своих ревностных защитников. Известный философ Гегель, например, усматривал в Ксенофонте самый чистый источник сведений о Сократовом учении. Другие отдавали предпочтение Платону, третьи — Аристотелю. Были и такие, которые не считали возможным опираться ни на одного из этих трех свидетелей и утверждали, что единственным достоверным источником для характеристики Сократа являются «Облака» Аристофана; понятно, что представители такого крайнего критицизма в отношении к преданию о Сократе должны были придти к неизбежному, но и абсолютно неверному выводу: Сократ был софист и атеист. На более правильной точке зрения стояли и стоят те ученые, которые признают важными показания о Сократе, заключающиеся и у Платона, и у Ксенофонта, и у Аристотеля, при чем степень важности показаний каждого из них в каждом отдельном случае должна быть устанавливаема особо.

Наиболее обильный источник сведений о Сократе заключается в творениях его ученика Платона. Все они написаны в форме диалога. Во всех диалогах, за исключением последнего из них, в хронологическом отношении — «Законы», Сократ выступает в числе собеседников и, в большинстве случаев, ведет разговор. Уже Аристотель, ученик Платона, смотрел на диалоги его, как на нечто среднее между поэзией и прозой, другими словами, считал их как бы смешением исторической

действительности и поэтической изобретательности. Ни в одном из диалогов Платона нельзя искать более или менее точного воспроизведения тех бесед, которые, действительно, вел Сократ. Платон был первоклассным художником, «портретистом слова», и он дает читателю вполне живой и ясный образ Сократа. Поэтому, в основной верности его изображения нет ни малейшего сомнения, тем более, что оно согласуется как само с собой, так и с другими свидетельствами. Об идеализации образа Сократа у Платона можно говорить в том смысле, в каком она свойственна вообще творениям великих портретистов. Существенные черты обрисованны ярко, все второстепенное и лишнее опущено или затенено. Правда, нужно помнить, что Платон не претендует на полноту изображения, и поэтому его умолчаниям о той или иной подробности из жизни Сократа не следует придавать значения.

Диалоги Платона, будучи творениями оригинального первоклассного мыслителя, естественно, содержат гораздо более, чем простое изображение Сократова учения. В довершении всего мы знаем от Аристотеля, что одно из основных учений Платона, так называемое учение об идеях, было совершенно чуждо Сократу. Между тем, учение это, подвергавшееся в различных сочинениях Платона разным освещениям, испытавшее ряд изменений, вложено им в уста Сократу, и в этом отношении Платон позволяет себе полную свободу. Вообще, нужно сказать, что историческая верность в различных диалогах Платона представлена в разнообразных градациях. Одни из них преследовали исключительно художественно-эстетические цели,

другие предназначены были для проведения тех или иных философских доктрин. Но все почти диалоги Платона проникнуты поэтическими элементами; в противоположность истории, они воспроизводят не реальные факты, но дают идеализированную действительность, сообщают истину под оболочкой поэзии. От настоящей поэзии они отличаются одним существенным признаком: они заключают не свободные вымыслы, не фантастические представления, но рисуют последовательный ход мыслей, представляют логические заключения из них

Каждый диалог, по словам Платона, должен был быть изображением одухотворенной речи; он должен служить не для наставления несведущих, но для того, чтобы освежить воспоминание у знающих. Эту точку зрения Платон проводил, повидимому, систематически. В его творениях отложились те мысли, которые он некогда услышал от Сократа; но эти мысли он сам в себе выносил и претворил. В этом отношении к значительной части диалогов Платона применимо то, что́ говорит знаменитый греческий историк Фукидид о характере находящихся в его повествовании речей, вложенных в уста выводимых им исторических лиц: «Речи составлены у меня так», говорит Фукидид, «как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел, при чем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного.»

Эти слова можно было бы переложить и в отношении Платона, примерно, таким образом. Беседы Сократа, заключающиеся в моих диалогах, соста-

влены у меня так, как, по моему мнению, он скорее всего мог говорить на ту или иную тему, сообразуясь с ее характером и с мыслями других собеседников; я не стремился, да и не мог стремиться, передать дословно беседу Сократа, а ограничивался лишь воспроизведением общего смысла их. И такой критерий, думается, должно прилагать почти ко всем диалогам Платона, во всяком случае к значительному большинству их, и при том независимо от времени их составления

Дело в том, что вопрос о хронологической последовательности диалогов Платона — вопрос спорный и до сих пор нерешенный. По мнению одних ученых, ни один из диалогов не написан был Платоном при жизни Сократа; все они относятся уже ко времени после его смерти По мнению других исследователей, некоторые, незначительная часть, диалогов написаны были Платоном в последние годы жизни Сократа. Но насчет того, какие были эти диалоги, опять-таки согласия среди ученых нет. Владимир С. Соловьев, например, относит к числу так называемых Сократических диалогов следующую группу Платоновых произведений: «Феаг», «Второй Алкивиад», «Ион», «Лахет», «Хармид», «Лисис», — все это мелкие диалоги, касающиеся вопросов преимущественно этических, затем четыре более крупных диалога: «Первый Алкивиад», «Бо́льший Иппий», «Протагор», «Евфидем», характеризующие самый дух Сократова учения, частью положительным образом, частью отрицательным чрез сопоставление их с духом софистики. Другие ученые значительно сокращают количество Сократических диалогов, но все же к числу их находят

возможным относить· «Иппия Бóльшего», «Иппия Меньшего», «Лахета», «Хармида» и «Протагора». Какое же значение имели бы Сократические диалоги Платона, если бы даже все они были написаны при жизни Сократа, для характеристики его учения? Далеко не безусловное И Вл. С. Соловьев по поводу их справедливо замечает: «Во всех Сократических диалогах, дошедших до нас с именем Платона, автор (если это, в самом деле, был Платон) не только не является точным свидетелем того, что́ он передает, но, очевидно, не имел и в намерении выступать таким свидетелем... Сократ этих разговоров — не тот старец, каким знал его Платон, а человек средних лет, или только начинающий стареть. Конечно, содержание давнишних разговоров могло дойти до автора по слухам и пересказам. Главные мысли в них вполне сократичны и показывают в авторе ученика, проникнутого основными этическими настроениями учителя, напитанного его духом. Но в целости своей и в подробностях каждый диалог есть произведение заведомого сочинительства, и с точки зрения строго реалистической про каждый из них в известной мере Сократ мог бы сказать то, что он, по́ преданию, сказал про «Лисиса»: «Господи, чего только не наврал на меня этот юноша.»

К сократическим же диалогам, по мнению Соловьева и других исследователей, примыкает особая триада произведений Платона, выделяющаяся своей ближайшей связью с трагическим концом Сократова поприща: «Евтифрон», «Апология», «Критон» Эти три произведения написаны, по всей вероятности, или во время суда над Сократом и его тю-

ремного заключения или в ближайшее время после его смерти. Но и в этих произведениях Сократ, несомненно, идеализирован Платоном, отбросившим все случайное и второстепенное и, наоборот, подчеркнувшим все типичное и главное. Обстановка, в которой разыгрывается действие в «Евтифроне» и в «Критоне», очевидно, вымышленная; самый метод рассуждения носит доподлинно сократовский отпечаток. Впрочем, к обоим этим диалогам, равно как и к «Апологии», придется вернуться, когда будет речь о процессе Сократа.

В общем, о всех произведениях Платона, независимо от того, к какому времени каждое из них относится, нужно сказать, что в них с изображением исторического Сократа тесно сплетено изложение собственных мыслей Платона, при чем в более ранних диалогах он близко примыкает не только к методу, но и к учению подлинного Сократа, в более поздних действует уже более самостоятельно. Даже в ранних диалогах главная цель Платона состоит не в том, чтобы изобразить исторического Сократа, но в том, чтобы, примыкая к мировоззрению и методу Сократа, исследовать те проблемы, которые интересовали самого Платона и которые он стремился обработать также и с литературной стороны вполне самостоятельно. В таких перлах Платоновского творчества, какими являются диалоги «Пир» и «Федон», характеристика образа Сократа может быть сопоставлена с тем, что представляют собой каждый идеальный портрет по отношению к воспроизведенному в нем лицу. Что же касается поздних диалогов, то в них Платон пользуется Сократом просто как традицион-

ною фигурой учителя Но и эти поздние диалоги заключают в себе иногда немало ценных данных для характеристики Сократа Нужно только в каждом отдельном случае подвергать тщательному разбору, насколько та или иная характерная деталь может быть без труда и насилия отнесена к общему облику Сократа. Конечно, нужно считаться и с тем, что в более поздних и наряду с этим наиболее совершенных диалогах Платона личность Сократа выступает еще полнее и ярче, чем в его ранних произведениях, но сущность сказанного им слова заслоняется собственными мыслями его ученика Напротив, в Сократических диалогах можно лишь предчувствовать будущий платонизм, настоящий же кругозор их автора занят весь лишь тем, что открыл ему Сократ. Одно только нужно иметь в виду, что и Сократические диалоги ни в каком случае не носят характера простых правдивых записей.

Меньше художественной свободы, но, несмотря на это, не больше исторической достоверности в тех сообщениях Ксенофонта о Сократе, которые содержатся в его сочинениях: «Воспоминания о Сократе», «Пир», «Домострой» и «Апология Сократа». Ксенофонт пользовался общением с Сократом, самое большее, в течение 3-х лет (404—401), но свои «сократовские сочинения» он написал, вероятно, в 80-х годах IV века, то-есть пятнадцать-двадцать лет спустя после смерти Сократа. Таким образом, Ксенофонт, в противоположность Платону, писал о Сократе не под первым впечатлением об его жизни, деятельности и трагической кончины, но в то время, когда около личности Сократа соз-

далась уже целая литература. Этою литературой, в том числе и произведениями Платона, Ксенофонт, конечно, пользовался; но было бы неосновательно утверждать, как то делали ученые за последнее время, будто все сократовские сочинения Ксенофонта, в том числе и самое важное из них — «Воспоминания о Сократе», представляют не что иное, как своего рода компиляцию, составленную на основании памятников сократовской литературы, что ничего личного и оригинального, принадлежащего самому Ксенофонту, в них не заключается, что Ксенофонт, как исторический свидетель о Сократе, никакой самостоятельной цены не имеет? Все это — преувеличения. Правда, из указанных сочинений Ксенофонта его «Домострой» — трактат о сельском хозяйстве — должен быть вычеркнут почти совершенно из числа строго исторических свидетельств о Сократе: любовное описание всех подробностей обработки полей, вполне понятное у сельского хозяина, каким был под старость Ксенофонт, звучит странно в устах Сократа, который не выходил без нужды за городские ворота, потому что, по его словам, «луга и деревья ничему не научают». Точно также подробные рассказы Ксенофонта о персидских делах, очень близких его сердцу, совершенно не вяжутся с личностью Сократа, который никогда не посещал чужих стран и, за исключением паломничеств в Дельфы, покидал Афины только тогда, когда его призывал к этому долг военной службы. Точно также и «Пир» Ксенофонта, сочиненный им как своего рода ответ на «Пир» Платона, с претензией представить более верную характеристику личности

Сократа, ничего нового для нее, в сущности, не дает. Остаются «Апология» и «Воспоминания». Первая сочинена, несомненно, в pendant к «Апологии» Платона. Что касается «Воспоминания», то они построены по такому плану: в начале, в виде вступления, Ксенофонт отвечает на нападки обвинителей Сократа; после общего оправдания его памяти, он приступает к своей главной задаче — заменить ту ложную характеристику, которую давали Сократу, сходным с оригиналом портретом. На нескольких страницах он воспоминает о том, чем была вся жизнь Сократа. Затем, в большей части «Воспоминаний» он знакомит, в форме диалогов, с учением Сократа о благочестии, терпимости, главных добродетелях, прикладных искусствах, диалектике и пр.

Нужно сказать сразу же, что «Воспоминания» не могут быть рассматриваемы, как исторические мемуары, что зачастую устами Сократа говорит сам Ксенофонт. Ученая критика последнего времени старалась доказать, что пользование Сократом есть лишь художественный прием Ксенофонта, что все разговоры Сократа в «Воспоминаниях» — простая фикция, что так смотрел на них и сам автор. Но такие утверждения и трудно доказуемы и психологически мало понятны. Одно предположение, что Ксенофонт даже не пытался в «Воспоминаниях» сообщать факты действительности, резко противоречит той задаче, которую он себе поставил: ведь он заявляет, что его намерение — опровергнуть обвинения, выставленные против Сократа. К тому же Ксенофонт передает не исключительно беседы Сократа; он рассказывает и об его

привычках и о некоторых эпизодах из его жизни. Он хочет, по его словам, дополнить и исправить также сообщения других учеников Сократа. Правильнее всего характеризировать содержание бесед Сократа как «истину и вымысел». Невероятно, чтобы Ксенофонт все только выдумывал и ничего не сообщал более или менее достоверного, чтобы он, действительно, не старался припомнить кое-что из того, что́ слышал от Сократа сам или от близких к нему и вполне достоверных лиц. Вполне определенные признаки свидетельствуют о том, что далеко не все мысли, обороты и формулы, встречающиеся в «Воспоминаниях», принадлежат исключительно Ксенофонту. Наряду с фразами чрезвычайно длинными, исключающими всякую возможность считать, что они, действительно, так и произнесены были в беседе, попадаются фразы короткие, характерные именно для беседы; наряду с мыслями тривиальными и шаблонными встречаются мысли очень оригинальные, а иногда и парадоксальные

Провести границу между «истиной и вымыслом» в «Воспоминаниях», хотя бы с приблизительной вероятностью, конечно, нелегко, но все же достигнуть этого возможно: во-первых, имеются другие многочисленные сочинения Ксенофонта, которые дают довольно ясное представление об его характерных свойствах и как человека и как писателя; во-вторых, мы имеем хотя и не очень многочисленные, но вполне достоверные данныя об учении Сократа. Осторожно применяя оба эти критерия, и нужно подходить к проведению грани между «истиною и вымыслом» в «Воспоминаниях». Было бы большою

ошибкою представлять себе внутренний мир Сократа, а равно и оказанное им воздействие, исключительно на основании показаний Ксенофонта; но еще большею ошибкою было бы утверждать, что Ксенофонт не имеет никакого отношения к Сократу и только пользуется им, как маской, для проведения своих личных воззрений и вкусов Нельзя упускать из виду, что Ксенофонт, подобно Платону, знал лично Сократа, был с ним в непосредственном общении, хотя бы короткое время; но нужно помнить, что оба они — и Платон и Ксенофонт — знали Сократа лишь в последние годы его жизни, что они могли воспринять — каждый по-своему — уже вполне сложившееся мировоззрение Сократа и совершенно лишены были возможности, даже если бы и хотели, проследить постепенный ход развития этого мировоззрения Наконец, полезно принять в соображение и то, что трагический конец Сократа совершился на глазах Платона, и весть о нем должна была дойти и до Ксенофонта: оба они, несомненно, живо ощущали все происшедшее, и жуткое впечатление от него, связанное с известным чувством возмущения и негодования на учиненную несправедливость, должно было наложить свой отпечаток на характер их творчества

В этом отношении совершенно беспристрастным судьей мог бы быть Аристотель, родившийся через 15 лет после смерти Сократа, признаваемый некоторыми учеными за самого об'ективного и наиболее всех заслуживающего доверия свидетеля о Сократе и его учении. Аристотель был знаком с литературой, посвященной Сократу, имел, повидимому, достоверные сведения об его жизни (между

прочим, благодаря только Аристотелю, мы знаем, что Сократа, в последние годы его жизни, приглашал в Македонию тамошний царь Архелай, но что Сократ не последовал этому приглашению); он проводил резкую границу между историческим и Платоновским Сократом, отрицая совершенно за первым учение об идеях и разделение души на разумную и неразумную части. Но этим, строго говоря, и исчерпывается все новое, чем мы обязаны Аристотелю о Сократе; в остальном, что́ он сообщает о нем, почти все восходит к Платону. Гораздо важнее то, что Аристо́тель первый дал, так сказать, научную оценку Сократова учения: он резко подчеркнул тот пункт, где расходятся пути Сократа и Платона, представил короткую, но меткую формулировку наиболее важных положений в учении первого из них. С другой стороны, иногда Аристотель своею критикой затрудняет для нас правильно́е понимание некоторых сторон в учении Сократа: в своих изысканиях Аристотель не имел обыкновения различать приводимых им свидетельств и своего суждения о них; даже при изложении чужих теорий он охотно применял положения своей собственной системы и тем самым вводил читателя в заблуждение. Поэтому, и показаниями Аристотеля нужно пользоваться осторожно, помня, что он сообщает о подробностях Сократова учения только тогда, когда это ему необходимо, большей частью с намерением опровергнуть его, и поэтому намеренно выдвигает одни лишь слабые его стороны. О полноте передачи Сократова учения Аристотель, конечно, и не помышлял: то, что́ для него в этом учении было

само собою понятно и критически неопровержимо, менее всего его интересовало.

Подводя итог всему вышеизложенному, приходится констатировать, что так называемых «первоисточников» для ознакомления с учением Сократа в нашем распоряжении не имеется. Поэтому, воспроизвести во всех подробностях и с полной обстоятельностью учение Сократа мы не в состоянии. Не можем мы также проследить и постепенную эволюцию в развитии миросозерцания Сократа. Но на основании Платона, Ксенофонта и отчасти Аристотеля мы, думается, все же имеем право утверждать, что общий характер учения Сократа нам известен, и известен более или менее достоверно, что мы можем говорить не только о Платоновском или Ксенофонтовском Сократе, но и о Сократе историческом, не о вымышленном, но о подлинном учении мудрейшего из эллинов. Впрочем, искать свидетельств из первоисточников для определения того ядра учения, которое является общим для всех оттенок сократовского направления, вовсе и нет надобности. О великой причине великих последствий говорят эти последние, как замечает один вдумчивый исследователь и о «прелести рая свидетельствуют реки, текующие из него и разливающиеся по всей стране».

XII.

Что̀ побудило Сократа посвятить свою жизнь и деятельность исканию мудрости и приобщению к ней других? Ответ на это дает Платонова «Апология». Услышав прорицание Дельфийского оракула, признавшего Сократа мудрейшим из людей,

он стал размышлять сам с собою: что̀ божество хотело этим сказать, что̀ оно подразумевает. «Долго я недоумевал, говорил Сократ, что̀ такое хочет он сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что тут-то я скорее всего опровергну прорицание, об'явив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну, и когда я присмотрелся к этому человеку (это был один из государственных людей), да побеседовал с ним, то мне и показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет.» Потом пошел Сократ к другому и тут также разочаровался, а после этого стал ходить по порядку; ему казалось необходимым пойти ко всем, которые слывут знающими что-либо После государственных людей ходил он к поэтам и убедился, что «не мудростью могут творить они то, что̀ они творят, а какой-то прирожденной способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям». Пошел Сократ к ремесленникам. И эти оказались не лучше поэтов: «оттого, что они хорошо владели своим ремеслом, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была.» После всех мытарств Сократ пришел к выводу, что божество своим изречением «желает сказать, что человеческая мудрость стоит немного или вовсе ничего не стоит». Поэтому, и он в своей деятельности старался все время найти

мудрого человека, а найдя такового, показать ему, что он не мудр.

Как бы ни относиться к этому рассказу, считать ли его историческим фактом, или поэтическим измышлением Платона, смысл его будет один и тот же: Сократ посвятил себя исследованию людей и установлению человеческой мудрости, работе исключительно практической, а не теоретической. Практический характер деятельности Сократа неизбежно должен был заставлять его искать общения с людьми, будут ли то его близкие друзья или вся масса афинского народа. Среди всех этих людей должны были встречаться люди различного возраста, общественного положения и призвания, умственных способностей, знаний. Одни могли рассчитывать получить от Сократа духовное и нравственное усовершенствование, другие — уроки практической мудрости и ловкости, третьи, — наконец, — были просто очарованы личностью мудреца. Случалось иногда, что Сократ отсылал от себя неспособных чему-либо научиться у него к другим учителям, особенно к своему приятелю, софисту Продику. Другие могли испытывать разочарование в Сократе и уходили от него сами, особенно те, которые надеялись быстро приобрести полезные знания и навыки, так как от Сократа они слышали, что первое и необходимое условие всякого плодотворного стремления — нравственная чистота, что человек, одаренный большими духовными силами, но ведущий ненадлежащий образ жизни, принесет скорее вред, чем пользу. Многие, наконец, сблизившись с Сократом в надежде получить от общения с ним удовлетворение от удру-

чавшей их пустоты жизни, должны были скоро заметить, что он к каждому из общающихся с ним пред'являет серьезные моральные требования; их утомляло общение с Сократом, и они шли своей дорогой. А если кто из них снова возвращался к Сократу, он с большой осторожностью допускал такого «раскаявшегося грешника» до себя.

Мало-по-малу из этой постоянно притекающей и подчас отливающей пестрой толпы образовался тесный круг приверженцев, почитателей Сократа. Многие из них, особенно из последних лет его деятельности, известны нам не только по именам, но и по их образу мыслей. Все они являются действующими лицами либо в диалогах Платона, либо в «Воспоминаниях» Ксенофонта. Если Сократ требовал от своих приверженцев искренней к себе преданности, то, взамен ее, и он отдавал каждому из них самого себя, принимая в них самое живое участие, готов был оказать им содействие словом и делом. То он примирял враждующих между собою братьев, то указывал впавшим в нищету новый источник поправить пошатнувшиеся дела. Зажиточные должны были оказывать поддержку малоимущим. Желающие посвятить себя государственной деятельности получали от Сократа необходимые наставления. Такое заботливое отношение его к своим друзьям (кстати Сократ никогда не называет своих приверженцев учениками, а либо приятелями, либо находящимися с ним в общении, дословно «пребывающими с ним»; он не учит их, но с ними «беседует», «находится в общении», «пребывает вместе») располагало их к Сократу. И немудрено, что некоторые отцы «дру-

зей» относились к нему с ревнивым неодобрением и упрекали его в том, что он содействует отчуждению между родителями и детьми.

Сократ не только старался и своим личным примером и своими беседами содействовать умственному и нравственному просветлению своих друзей, но он не упускал случая резко и определенно указывать им на их пороки. Это раздражало некоторых из них и даже обращало их из друзей в злейших врагов. Один из приверженцев Сократа, Критий, игравший крупную политическую роль в Афинах в последнее десятилетие V века, натура талантливая, но безнравственная, не знавшая удержа, получив суровое порицание от Сократа за его эротические наклонности, возненавидел его. В общем, однако, отношения между Сократом и его приятелями были самые сердечные. Это ясно засвидетельствовано и Платоном и Ксенофонтом.

Последний в своих «Воспоминаниях» правильно замечает, что хорошие учителя не только сообщают мудрое учение, но и воздействуют на учеников личным примером. Точно так же и Сократ: он непрестанно поучал добродетели, указывая путь и средства к нравственному усовершенствованию, но он также у всех постоянно стоял пред глазами как образец человеческого совершенства Сократ вовсе не был каким-то отвлеченным идеалом добродетели, каковым его долго считали в новое время; он и в нравственном отношении не представлял собою кого-то «сверхчеловека», нет, это был живой человек, истинный афинянин, охотно раскрывавший свое сердце всем радостям жизни. Он не стоял на недосягаемой высоте, не

был похож на какое-то «божество», которое может возбуждать удивление, но от которого окружающим ни тепло, ни холодно. И Ксенофонт и Платон рисуют Сократа даже, до известной степени, педантом, придирающимся иногда к мелочам. Если Сократ постоянно в своих беседах исходил от самого простого и общепонятного, если он пояснял правильность выставленных им положений примерами, взятыми из жизни погонщиков мулов, кузнецов, сапожников, вообще простых людей, то это многим из его слушателей могло казаться и мелочным и нудным, за то оно было понятно большинству афинских «обывателей» и содействовало расширению популярности Сократа среди народной массы.

Биограф Сократа должен особенно резко подчеркнуть одно удивительное свойство его души: это — не только отсутствие и тени эгоизма, но какое-то полное самоотречение. Сократ, как бы забывая о самом себе, всецело погружался в душу другого человека — именно погружался в нее, а не «копался» в ней, старался смотреть на окружающее глазами этого человека, чувствовать его чувствами, мыслить его мыслями. Вся деятельность Сократа полна примерами такого самоотречения; он отдал себя всецело на служение людям и хотел, чтобы среди них воцарилось царство добра и правды. Его главная задача была руководить людьми, приготовлять их к этому царству; лишь на втором плане ставит он своей целью отыскание новых истин. Спору нет, Сократ оказал неизмеримую услугу прогрессу знания и человеческой культуры своей «мудростью». Однако, по его собственному признанию, он обязан был этой «муд-

ростью» не только проникающему во все существо господству разума, но и особой силе душевной, той таинственной силе, которую он называл своим «демонием».

Что такое Сократов «демоний»? Много попыток об'яснить его было в новое время: одни усматривали в демонии больное воображение Сократа, своего рода какую-то психопатическую черту, другие понимали его как вдохновение, третьи думали, что Сократ просто-на-просто выдумал демоний, что он относится даже сам к нему с некоторой иронией. В настоящее время такого рода попытки об'яснения демония Сократа оставлены, но все же некоторые продолжают считать его чем-то мистическим, признают в нем особое глубоко-религиозное душевное настроение, веру Сократа в живое, постоянно действующее в нем «божество». Но и такое толкование не находит себе подтверждения в тех указаниях о демонии, какие находятся у Платона и с которыми в сущности только и приходится считаться Ксенофонт в этом случае является свидетелем очень недостоверным, так как он приписывает Сократу свое собственное религиозное настроение и считает демоний за какое-то личное существо и пророчествующее божество. В приписываемом Платону диалоге «Феаг» выставляются три различные представления о демонии Сократа. Это, во-первых, какой-то «знак», повидимому, внутренний голос, всегда отрицательного характера, голос, предостерегающий самого Сократа, а чрез него также и других людей, находящихся с ним в общении, от совершения каких-нибудь опасных, или

пагубных действий, но никогда не побуждающий к какому-нибудь положительному поступку. Во-вторых, в «Феаге» говорится о демонии, как о какой-то силе, не только отказывающей некоторым в своем содействии в деле усвоения ими Сократова учения и нравственного влияния, но и дающей другим это содействие в большей или меньшей степени; в чем это содействие состоит, не видно; ясно только, что демоний сообразуется с индивидуальными особенностями тех или других лиц. Наконец, в-третьих, действие демония, сверх индивидуальных особенностей данного лица, определяется также и физическими условиями пространственной близости зрительного и осязательного соотношения его с Сократом. Хотя указанные три представления разнородны, не могут быть выведены из одного начала и никакой связи, никакого перехода между ними не указано, тем не менее, особого противоречия, или несовместимости между ними нет. Очевидно, дело идет о некоторых особых явлениях загадочного характера и происхождения Демоний не был чем-то однообразным, но проявлялся всегда одинаково. Отличительные признаки демония состояли лишь в том, что он, будучи совершенно осмысленным и целесообразным, не зависел, однако, от сознательного разума и намерения самого Сократа, а ощущался им, как чье-то действие, идущее чрез него, но не от него Под такой признак могло подходить весьма разнородное содержание. Люди, близкие к Сократу, видели силу демония в личности и деятельности Сократа, слышали о разных случаях проявления ее от него самого и от других. Естественно, у них

являлись попытки дать отчет обо всем этом, об'единить явления в одной общей формуле. Но ясно, попытки эти были неудачны, и формула не покрывала всех фактов. Немудрено, что вместо настоящего определения явления посредством существенного признака выставлялся признак какой-нибудь случайный, но часто повторявшийся или почему-либо более замеченный, который, однако, в других случаях мог и отсутствовать. Таким образом, оказывалось как будто бы противоречие, а на самом деле лишь несоответствие между неудачною формулой и фактами, под нее подводимыми, что̀ нисколько не говорит против достоверности самих фактов. Попытка общего определения дана, во всяком случае, совершенно ясная. «Начиная с детства, — говорит Сократ, — сопровождает меня по-божьему определению какой-то демоний Это какой-то голос, который, когда является, всегда дает мне знак удержаться от того, что̀ хочу делать, но никогда ни к чему меня не побуждает» Из данных, сообщаемых Платоном, никоим образом нельзя извлечь указания на то, будто Сократ смотрел на демоний как на особую милость богов, или как на пророческий дар. Ибо демоний не возвещал будущего, но относился лишь к задуманным в данный момент поступкам и действиям; он не побуждал Сократа сделать то-то и то-то, а лишь предостерегал и удерживал его. Сократ считал демоний за благодетельную силу и доверялся ему постольку, поскольку он сам считал себя в данный момент стоящим на правильном пути. Никогда Сократ не соединял демония со своей верой в божество или со своим жизненным

призванием. Пробовали усматривать в демонии слепую силу судьбы, руководящую действиями. Это неприложимо к Сократу, который, как ясный и трезвый мыслитель, исследовал лишь то, что̀ доступно исследованию, и отклонялся от того, что̀ исследованию не подлежит по своей природе. Не олицетворяет ли демоний голос совести? Едва ли: голос совести всегда имеет в виду нравственную оценку того или иного действия, демоний же считался исключительно с его целесообразностью. Голос совести большей частью говорит после совершения действия, демоний проявлял себя перед выполнением того или иного плана, тех или иных решений, иногда очень важных, иногда совершенно незначительных. Демоний предостерегал Сократа воздерживаться от участия в политической деятельности; с другой стороны, тот же демоний не позволял ему принимать снова в учение такого ученика, который раньше удалился от него. Если бы и можно было сопоставлять демоний с голосом совести, то разве лишь в одном отношении: он проявлял себя совершенно непроизвольно, из глубины психического состояния внезапно овладевал сознанием и поэтому являлся чем-то таинственным, сверхестественным. Указанием на свой демоний Сократ как бы хотел сказать, что дело внутреннего усовершенствования человека зависит не от людского произвола, не от преходящих добрых желаний, а от чего-то более важного и глубокого, чем мы не можем распоряжаться, но с чем мы должны сообразоваться. «Есть более важный, чем мы сами, *хозяин* в нашем внутреннем дому, есть у всех, хотя явственно он говорит только таким

исключительным людям, как Сократ, — для блага их собственного и чужого.» Чувство или инстинкт того, что могло бы повредить его жизни, достигло у Сократа такой тонкости, что оно сказывалось как своего рода удивительное просветление. Эта способность стоит в теснейшей связи с своеобразным духовным складом Сократа, с его натурой, направленною в глубину, стремившегося весь мир представлений об'яснять из него самого. Казались ли Сократу внушениями божества те исходящие из недр бессознательного запреты, которые достигают иногда силы слуховых галлюцинаций (Сократ нередко называет свой демоний голосом), или даже выражаются в знакомом всем чувстве стесненности? Это можно только предполагать, да и то не особенно уверенно Нужно, во всяком случае, отметить, что на самый характер «мудрости» Сократа и на общее направление его деятельности демоний не оказывал и не оказал никакого влияния.

XIII.

По определенному свидетельству Аристотеля, Сократ совершенно не интересовался предметами, относящимися к области натурфилософии, и все свое внимание сосредоточивал на вопросах, касающихся этики. И Ксенофонт в «Воспоминаниях» говорит, что Сократ никогда не рассуждал о природе всего сущего, не входил в рассмотрение вопросов о том, на чем покоится то, что философами называется «космосом», по каким непреложным законам происходит каждое небесное явление, — напротив, Сократ доказывал, что глупо заниматься

решением подобных вопросов. Он спрашивал: когда обратились эти мудрецы к исследованию их, после ли того, как они сочли достаточным свое знание того, что̀ касается человека, или же они думают, что, пренебрегши человеческим и обратившись к божескому, они поступают, как должно. Сократ удивлялся, как это не понимают, что человеку невозможно найти решение всех этих вопросов. Ведь, говорил он, даже те, кто в данном случае очень гордятся своими рассуждениями, не согласны между собой во мнениях, и если сопоставить эти мнения друг с другом, то получается какой-то дом умалишенных. Одним кажется, что сущее — едино, другим, что оно — бесконечно множественно; одним — что все находится в постоянном движении, другим — что никакого движения нет; одним — что все рождается и погибает, другим — что нет ничего, что̀ родилось и погибнет. Сам Сократ всегда рассуждал о том, что̀ касается людей, рассматривал, в чем заключается благочестие, в чем — нечестие; что такое прекрасное и что такое безобразное; что̀ справедливо и что̀ нет; в чем мудрость и безумие, храбрость и трусость; что такое государство, и каковы должны быть качества у государственного деятеля; что такое власть над людьми, и каковы свойства у властелина. Рассуждал он и о других подобного же рода предметах и полагал, что те, кто знает все это — совершенные люди, а не знающие, по справедливости, могут быть названы рабскими душами. Точно также и Платон в «Апологии» влагает в уста Сократу такие слова: «Пока есть во мне дыхание и способность, не перестану я уго-

варивать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что̀ обыкновенно говорю: о, лучший из мужей, не стыдно ли тебе, что ты заботишься о деньгах, чтобы у тебя было их как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, не заботишься и не помышляешь. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше, говоря вам: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной.»

Из этих свидетельств можно было бы вывести заключение, что Сократ, прежде всего, был моральный реформатор, ставивший своею первою задачей очистить нравственные воззрения и более глубоко обосновать их Но такое заключение было бы неосновательно. Сократ, быть может, под влиянием Архелая, начал с того, что стал заниматься вопросами, относящимися к области натурфилософии; но увидев, что здесь ни к каким положительным выводам придти нельзя, разочаровался в натурфилософии и обратился к этике. Вопросами, к ней относящимися, занимались, как мы видели, и софисты. Однако, была большая разница, как подходили к этим вопросам софисты, и как подошел к ним Сократ. Софисты обратились к решению вопросов практической жизни потому, что они сомневались в возможности познать истину; Сократ — потому, что именно в этике он и

надеялся найти истину. Он вовсе не относится с презрением к исследованиям в области натурфилософии, но считает только неосновательным заниматься исключительно ими, прежде чем не будут найдены ответы на вопросы, ближе нас касающиеся и более важные для жизни. Знание является, в глазах Сократа, не только средством к установлению этических понятий; оно имеет и самодовлеющее значение. Знание как бы совпадает с понятием нравственности потому, что стремление к познанию истины есть нравственная задача человека. Вместе с тем знание есть и высшее нравственное благо потому, что оно руководит человеческой деятельностью в ее стремлении к конечной цели, то-есть к познанию истины. Из двух основоположений Сократовой «мудрости» — что истинное знание основывается на познании общих понятий, и что добродетель есть знание — первое составляет главный ее нерв. Да и учение Сократа о добродетели, в корне, есть ни что иное, как исследование понятий. Он не стремился, подобно софистам, восхваляя добродетельную жизнь, привлекать людей идти по пути нравственности; он исследовал и развивал понятия об отдельных добродетелях, будучи убежден, что самое знание этого повлечет за собою и правильный образ действий. В этом отношении Сократ был всецело отвлеченным мыслителем. И если он в Платоновой «Апологии» выставляет себя как проповедника морали и как воспитателя своих сограждан, то он этим самым, считаясь со своею аудиторией, подчеркивает только содержание своей «мудрости», не упоминая о том методе, каким он старался ее внедрять

Между тем, метод этот имел во всей деятельности Сократа руководящее значение. Сократ указал новое направление философскому мышлению, отказавшись от натурфилософии и обратившись исключительно к рассмотрению человека и всего с ним связанного. Значение «мудрости» Сократа и состоит, главным образом, в новом основоположении исследования истины; это стало возможным лишь в силу того, что Сократ не отделял нравственности от знания, не признавал никакой добродетели без знания, но вместе с тем и никакого знания без добродетели.

«Две вещи следует, по справедливости, приписать Сократу», говорит Аристотель, «индуктивные речи и установление общих понятий.» Аристотель прибавляет далее, что до Сократа уже Демокрит и Пифагорейцы пытались, в отдельных случаях, давать определения понятий, но что впервые Сократ, при исследовании этических вопросов, регулярно стремился к выяснению общих понятий и старался выразить их посредством ясного определения. Таким образом, Аристотель приписывает Сократу двоякую заслугу: во-первых, он признал важное значение общих понятий в процессе мышления, во-вторых, он ясно усмотрел, что установление их происходит путем индукции. Слово индукция употреблено здесь в ином смысле, чем оно применяется в современном языке. Мы называем индукцией такую умственную деятельность, которая из известного числа отдельных случаев выводит общую норму действительных свойств. Сократовская индукция тоже идет путем сравнения отдельных моментов, но имеет целью

установление не естественных норм, а норм понятий. При этом она поступает двояким образом: во-первых, посредством сравнения отдельных моментов она старается выделить общие признаки их и отсюда уже вывести общее определение понятий; во-вторых, она исходит от уже образованного определения понятий и стремится выяснить, насколько эти определения в действительности основываются на общих признаках, свойственных отдельным случаям, или насколько эта общность является только кажущейся, и как нужно изменить, расширить или сузить определение понятия, чтобы, на основании общности признаков, установить его содержание. Аристотель различает два вида сократовской индукции· самое это слово (по-гречески эпагогэ, собств. наведение) он сохраняет для первого вида, а второй называет параболой (собств. сопоставление в целях сравнения). Платоновские диалоги, в особенности так называемые Сократические, полны образцами этого метода. Вот, например, как в диалоге «Лахет» достигается определение понятия мужества Первая попытка определить — что такое мужество, признается неудовлетворительной: оказывается, что «мужествен тот, кто, оставаясь на своем месте в строю, сражается с неприятелем». Сократ указывает, что такое определение мужества слишком узко. Разве не назовем мы мужественным того человека, который, уступая превосходству сил неприятеля, прибегает к военной хитрости и бежит? Разве не заслуживает высшей награды за мужество тот, кто стойко переносит страдания, или кто ведет борьбу с чувственными наслаждениями?

Что общего имеется во всех этих случаях? Мужество представляет известного рода стойкость духа. Но и этого определения недостаточно: оно слишком широко. Стойкость бывает разумная и неразумная Следовательно, нужно ограничить данное определение и сказать, что мужество — разумная стойкость духа. Но и это ограничение принесло мало пользы: с одной стороны, мы не станем называть всякую разумную стойкость мужеством, с другой стороны — иногда и неразумная стойкость может оказаться, в наших глазах, мужеством. Остается избрать другой путь и попытаться установить видовое определение мужества. Мужество есть добродетель, а добродетель покоится на знании. Таким образом, и мужество будет знанием. А что́ должен знать мужественный? Очевидно, то, на что он должен дерзать и на что не должен дерзать, чего должен бояться и чего не должен бояться. Таким образом, мы приходим к выводу: мужество есть знание того, чего должно бояться и чего не должно бояться. Такое определение не слишком широко и не слишком узко, и доказать это можно, если правильно истолковать представление о том, что такое страшное, и резко отграничить мужество от безрассудной смелости и безбоязненности.

Другой пример Сократовской индукции можно заимствовать из «Воспоминаний» Ксенофонта.

Однажды в кругу приятелей Сократа возник вопрос о том, что такое справедливость. Сократ предлагает одному из них, Евфидему: «Давай-ка напишем вот здесь дельту (по-гречески все слова, имеющие отношение к понятию справедливости,

начинаются с *δ*), а там альфу (по-гречески все слова, имеющие отношение к понятию несправедливости, начинаются с *α*), и всякий поступок, который окажется, в наших глазах, справедливым, будем подписывать под дельтой, а который несправедливый — под альфой. — Пиши, если это тебе покажется нужным. Сократ написал название буквы и продолжал: Людям свойственна ложь? — Да, свойственна. — Куда же мы ее отнесем? — Конечно, к несправедливым поступкам. — Люди обманывают? — Еще как. — А это куда отнесем? — Разумеется, к тому, что́ несправедливо — Злоумышляют? — И это бывает. — Продают в рабство? — Да. — Ни одного из этих поступков нельзя, по нашему мнению, отнести к числу справедливых? — Боже сохрани. — Так; а если так, кто, будучи избран стратегом, обратит в рабство жителей неприятельского и коварного города, скажем ли́ мы, что стратег поступил несправедливо? — Никогда. — Разве не скажем, что он поступил справедливо? — Конечно, скажем — Хорошо; а если стратег во время войны прибегнет к обману? — И это справедливо. — Если он будет воровать и грабить имущество неприятелей, разве он поступит несправедливо? — Вполне справедливо: я сначала понял тебя так, будто ты задаешь вопросы, имея в виду только друзей. — Итак, то самое, что́ мы считали несправедливыми поступками, можно было бы отнести и к справедливым? — Повидимому, да. — Ладно, отнесем. — А затем рассмотрим-ка снова, несправедливо ли по отношению к друзьям то, что̀ по отношению к врагу справедливо, и надо ли с другом всегда и

безусловно быть честным? — Конечно, надо. — Хорошо. А если стратег, заметив, что его солдаты упали духом, солжет и скажет, что к ним подходят союзники и этой ложью поднимет настроение войска, скажи, куда отнести этот обман? — Мне кажется, к тому, что̀ справедливо. — А если у кого-нибудь сын откажется принять лекарство, которое ему прописано, и отец обманет ребенка, дав лекарство под видом пищи, и этой ложью поставит сына на ноги, куда надо отнести такой обман? — Мне кажется, туда же, куда и первый. — Ну, а если кто-нибудь, видя своего друга в отчаянии и боясь, как бы он не покончил с собой, унесет тайком, или отберет от него меч или другое какое оружие, куда надо отнести такой поступок? — Ей-богу, это поступок справедливый. — А не ты ли говорил, что с друзьями надо быть всегда честными и прямыми? — Право, этого нельзя; я, если можно, беру свои слова назад. — По крайней мере, следует, чтобы гораздо скорее можно было отказываться от своих мнений, чем отстаивать неправильные положения. Но чтобы нам не оставить без рассмотрения и этого вопроса, скажи из тех, кто обманывает друзей во вред им, кто поступает более несправедливо, тот ли, кто делает это сознательно, или тот, кто бессознательно? — Ах, Сократ, я сам уже не верю своим словам. И все, что было раньше, мне кажется теперь совсем другим, чем я когда-то думал. Но все-таки я скажу, что, по-моему, несправедливее поступает тот, кто лжет сознательно. Не кажется ли тебе, что как существует знание грамоты, так есть и знание и понимание справедливого — Да, ко-

нечно. — А кого ты сочтешь более грамотным, того ли, кто, делая ошибки, прекрасно сознает их, или того, кто пишет неправильно, не замечая этого? — Конечно, того, кто ошибается сознательно. Ведь, если он захочет, он будет писать правильно. Значит, если человек делает ошибки по своему желанию, он — грамотен, а если против желания — неграмотен. — А как же иначе? — А кому же ведома истина, тому ли, кто лжет сознательно, или тому, кто лжет против своего желания? — Ясно, что первому. — Ты сказал, что тот, кто знает как писать, грамотнее того, кто не знает. — Да. — И кто знает истину, справедливее того, кто ее не знает? — Да, выходит так; но мне кажется, я и на этот раз не знаю, что́ сказать. — А что подумаешь ты о человеке, который хочет сказать правду и говорит об одном и том же один раз одно, другой — другое? Показывает одну и ту же дорогу и говорит, что она идет на восток, а потом показывает ее на запад; сдает отчет и показывает то бо́льшую, то меньшую цифру? — Ей-богу, ясно, что такой человек не знает того, в чем считает себя сведущим. — А знаешь ты людей, о которых говорят, что у них рабские души? — Да. — Почему? Потому ли, что они мудры, или потому, что они невежественны? — Конечно, потому, что — невежественны. — Невежественны в кузнечном мастерстве, что ли? — Нисколько. — Не потому, что не умеют плотничать? — Нет. — Точать сапоги? — Нет, совсем не потому, что они ничего этого делать не умеют. Совсем наоборот, как раз большинство людей, сведущие в этих ремеслах, и похожи на рабов. — Это имя, не правда ли, дано тем, кто не

знает, в чем заключается прекрасное, хорошее и справедливое? — Мне кажется, так. Итак, мы должны изо всех сил стараться о том, чтобы не походить на рабов »

Дальнейшее собеседование Сократа с Евфидемом не имеет уже отношения к определению понятия справедливости. Хотя приведенное исследование и не дает, в конце концов, определения понятия справедливости, но в нем указана попытка классификации, подготовляющей почву для определения. В начале оно занимается только установлением об'ема, а не содержанием понятия, о котором идет речь. Но, по мере того, как все точнее и точнее определялись свойства отдельных случаев справедливости, открывался путь и к более точному определению границ содержания понятия.

При установлении определения понятий Сократ исходил обыкновенно из совершенно безусловных и общепризнанных данных и наблюдений, заимствованных, по преимуществу, из повседневной жизни. Над ним даже смеялись, указывая, что в его беседах постоянно фигурируют сапожники, повара, кузнецы, даже быки, мулы и лошади. Этот осторожный и осмотрительный метод исследования, как бы боящийся слишком поспешных обобщений, Сократ применял и в тех случаях, когда он занимался не теоретическими вопросами, а оставался исключительно на практической почве. Вот он беседует с юношей, который верит в свои силы и способности к политической деятельности. Чтобы поколебать эту самоуверенность, Сократ расчленяет общее понятие государственного дела на от-

дельные элементы и незаметно доводит мнящего себя государственным деятелем юношу, при помощи вопросов и ответов, касающихся всех отраслей управления, до сознания того, что у него нет совершенно необходимых знаний В другой раз, тем же приемом, Сократ пользуется для противоположной цели. Вполне созревший, но чрезвычайно застенчивый молодой человек боится выступать в народном собрании. Рядом вопросов Сократ доказывает, что у этого молодого человека нет оснований испытывать страха ни пред одною из групп, из которых народное собрание состоит, а потому ему нечего бояться собрания и в целом. Как бы ни была сложна проблема, которую ставит себе на разрешение Сократ, он неутомимо исследует ее. При этом он иногда приходит к справедливому решению, но иногда открыто признается, что усилия были тщетны, что еще и еще раз придется вернуться к затронутому вопросу. Неистощимое терпение в исследовании соединяется, при этом, с безусловной непредвзятостью. Сократ постоянно исходит из той мысли, что нет ни одного положения, которое было бы настолько понятно само по себе, чтобы его не стоило исследовать, что нет ни одного утверждения, как бы оно странно, или парадоксально ни было, чтобы оставить его без внимания, не разобрать оснований, говорящих в его пользу. Нельзя отказываться ни от какого анализа, сколько бы затруднений он не представлял, нельзя пренебрегать никаким мнением, как бы оно ни было нежелательно. На суде Сократ заявил, что считает величайшим благом для человека, ежедневно беседовать о добро-

детелях, «жизнь же без такого исследования не есть жизнь для человека».

И вот добрую половину своей жизни Сократ посвятил такому исследованию, и вел его не отвлеченно-теоретически, а путем постоянных разговоров, собеседований с лицами, вступавшими с ним в общение Он вел эти разговоры повсюду в Афинах, где к тому представлялся случай — вблизи меняльных лавок, на рынке, в аллеях и портиках, окружавших места, предназначенные для гимнастических упражнений. Собеседниками Сократа являются то юноши, то молодые, то зрелые люди. Начинается разговор обыкновенно о незначительных вещах, а затем, незаметно и постепенно, переходит к самым важным, насущным вопросам человеческой жизни. Эти разговоры (диалоги по-гречески), столь характерные для Сократа, стали впоследствии образцом для особого литературного жанра, усвоены были учениками Сократа, перешли, в качестве художественной формы почти ко всем позднейшим философским школам и сообщили самому методу Сократова учения название диалектики. Метод этот должен был подкупать собеседников Сократа особенно потому, что Сократ никогда не подчеркивал своего превосходства над собеседником. Он не выставлял себя человеком много знающим или постигшим истину; нет, он просто скромный искатель Сократ даже намеренно подчеркивал эту скромность, и это придавало диалектическому методу Сократа особый характер «иронии», той иронии, которою греки обозначали преимущественно полушутливое симулирование скромности, или самоуничижения и кото-

рую они противопоставляли высокомерному хвастовству, спеси, тому, что́ называлось по-гречески «алазонией».

Среди лиц, вступавших в собеседование с Сократом, попадались люди и с сильно развитым самолюбием Результат диалога — доказательство отсутствия у них ясных понятий в тех вопросах, в которых они считали себя полными знатоками — должен был сильно задевать их чувствительность и потому, казалось бы, оставлять в их душе неприятное впечатление и даже тягостное раздражение. Но этого не происходило потому, что собеседник убеждался в единственной цели Сократа — убедить и самого себя и собеседников в том, что самые важные вопросы жизни суть еще неразрешенные загадки, что в словах и понятиях, употребляемых каждым доверчиво с детства, скрывается, в действительности, много противоречий и неясностей.

Как можно было подойти к решению таких глубоких проблем, какие затрагивал Сократ и которые сводились к определению, например, того, что́ такое справедливость? что́ такое благочестие? какое лучшее государственное устройство? и т. п. Или путем самонаблюдения, или посредством взаимного обмена мыслей. Первое могло повести к самообману и своего рода умственному высокомерию, будто все знаешь, все понимаешь. Дорога к мудрости открывается лишь в том случае, если, на основании строгого самоиспытания, придешь к сознанию, что ничего не знаешь, что многого не постигаешь. Поэтому-то, Сократ и выставил лейтмотивом своей «мудрости» изречение, начертанное

на Дельфийском храме Аполлона «Познай самого себя».

Это требование Сократ постоянно имел в виду по отношению к самому себе, его же он пред'являл и к своим собеседникам. «Он заставляет меня придти к сознанию», говорит Алкивиад, «что я, хотя и полон ошибок, не работаю над своим самопознанием, но с большой охотой занимаюсь государственными делами» Строго говоря, каждый «диалог» Сократа есть настойчивое требование такого самопознания. То новое, что́ предлагает Сократ, заключалось не в каком-либо откровении, но в требовании приобщиться к истинному знанию.

Познав путем самоиспытания, что он не является обладателем истинного знания, Сократ должен был, неизбежно, попытаться усвоить последнее посредством сопоставления своих представлений с представлениями других, путем взаимного обмена мыслей, чтобы заставить своего собеседника изложить свои взгляды, выложить свое знание. Сократ в шутку называл свое искусство «майевтикой», повивальным искусством, которое он, будто бы, усвоил от профессии своей матери. Слово это удачно было придумано Сократом, для обозначения его способности так умело ставить вопросы, чтобы извлечь истину от собеседника, помочь ему как бы «разрешиться» от его мыслей. Так как собеседник при этом оказывался вынужден дать отчет о своем образе мыслей, раскрыть свой «внутренний мир», то самое собеседование превращалось в испытание людей, их изобличение, то, что́ по-гречески называлось элeнктикой (от элeнхо-изобличаю).

Такого рода выспрашивание, выведывание мыслей своих собеседников Сократ считал своим жизненным призванием. Даже на том свете самое привлекательное для него — это перспектива «распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, кто из них мудр, и кто из них только думает, что он мудр, а на самом деле не мудр».

XIV.

Формальный принцип этики Сократа выражается в тезисе: добродетель есть знание. Кто знает, что́ правильно и что не правильно, тот так и будет поступать; недостаток разумения является единственным источником всякого морального несовершенства. Второй основной тезис этики Сократа гласит: никто не делает ошибок добровольно; все люди, без исключения, желают блага Если кто-либо поступает неправильно, то он действует в данном случае в силу заблуждения, он — жертва своего неведения. Ибо нет человека, который стре́мился бы совершить зло, хотя он и знает, что зло существует. Сократ обосновывает этот принцип так: целью всех человеческих стремлений является достижение блаженства, счастья; кто совершает зло, затрудняет себе путь к нему; ведь, всякий знает, что зло приносит всем вред, делает людей жалкими, несчастными. Таким образом, если кто-либо совершает зло, он делает это потому, что признает его чем-то добрым, считает его счастьем Всякое злое деяние является результатом заблуждения Сделайте для людей ясными истинные условия счастья, укажите на правиль-

ную дорогу, ведущую к основным целям жизни, то-есть к блаженству, и они отвергнутся от зла и будут творить благое Человеческая природа, в основе своей, благодарна и добра; если она стоит в противоречии с нравственным законом, то это происходит не из прирожденных злых склонностей, но из-за недоразумения и нерассудительности. Зло, в представлении Сократа, не является чем-то абсолютно-реальным, оно — следствие несовершенства человеческой природы. Такое разрешение проблемы о происхождении и сущности зла вполне соответствует оптимистическому миросозерцанию Сократа. Стремление осуществить добро в мире было для него чем-то самопонятным; поэтому, и в каждом другом человеке он предполагал существование стремления к благу. Сократ верил, что достаточно просветить людей относительно истинных благ жизни, и люди встанут на правильный путь.

Этика Сократа построена на любви к людям и стоит под знаменем ярко выраженного оптимизма. Понятно, почему Сократ придавал такое большое значение прояснению понятий, почему он так безгранично высоко ценил интеллект и его значение в жизни человеческой. В этом отношении Сократ шел, впрочем, в уровень с лучшими людьми его эпохи, когда все стремления были направлены к тому, чтобы развить интеллект, применить его при решении вопросов общественной и частной жизни, когда желали заменить слепую веру зрячим мышлением, укоренившиеся предания — приобретенным знанием. Сократ завершил тот процесс, который можно назвать интеллектуализмом

всей этой эпохи. До него думали, что в дисциплине нуждается не только интеллект, но и воля, что необходимыми элементами воспитания общества являются награда и наказание, упражнение и привычка. Сократ рассуждал так, как если бы все поведение человека определялось интеллектом. Признать что-нибудь правильным и не последовать этому, считать что-нибудь неправильным и все-таки подчиниться ему, это, по мнению Сократа, не только достойно сожаления, или гибельно, это просто невозможно. «Большинство», говорит Сократ, «думает, что познание есть нечто не сильное и не предводительствующее и не начальственное»; большинство полагает, что не «познание, хотя бы оно и присуще было человеку, им управляет, а что-нибудь другое, иногда сердце, иногда удовольствие, иногда скорбь, иной раз любовь, а часто страх», а о познании думают, что его, прямо как невольника, другие все тащут в разные стороны. В противоположность к мнению большинства Сократ считает познание за нечто прекрасное, чему свойственно управлять человеком; «если кто узнает добро и зло, ничто уже не заставит его делать что-нибудь другое, а не то, что велит познание», «достаточно ума, чтобы помогать человеку» (в исполнении им добра). Ничто не вызывало в Сократе большего изумления, как то наблюдение, что во второстепенных вопросах жизни люди или имеют ясное представление об отношении цели, к которой они стремятся, и средств, которыми они пользуются при этом, или стараются выяснить это отношение; что, напротив, ничего подобного не наблюдается, коль скоро дело идет

о высших интересах, с которыми глубоко связано благополучие, или несчастье людей И подобно тому, как в ремесле, во всякой специальности расширение умственного кругозора ведет к повышению качества работы, так — надеялся Сократ — такой же прогресс настанет в том случае, когда будет яснее понята личная и общественная жизнь, когда она будет подчинена точным правилам поведения, ведущим к достижению высших целей.

Сократу приписывается изречение: «Счастлив справедливый человек» Этот афоризм Сократа был обстоятельно развит Платоном в его самом значительном сочинении «Государство», где доказывается следующий тезис справедливый, в качестве справедливого и вследствие своей справедливости, есть вместе с тем и счастливый. Что привело Сократа к отожествлению добродетельности или к так называемому евдемонизму Он выработал свой идеал поведения, состоявший в рассудительности, справедливости, независимости. Он чувствовал себя счастливым, поскольку следовал этим правилам. Сократ видел и у других людей их идеалы жизни и при этом наблюдал, как они, из-за отсутствия строгой последовательности в достижении этих идеалов, сбивались с намеченного пути, потому что им недоставало направляющего начала; в результате, люди, и идеально настроенные, не достигали внутренней гармонии и прочного мира. Это отсутствие внутренней гармонии и определенно выраженной единой воли Сократ особенно болезненно ощущал в своих современниках. И он прекрасно понял, откуда это происходит; старая вера была подточена; с внешней

стороны правила поведения оставались прежние, но внутренней силы в них не было. Отсюда душевное беспокойство, разлад, заставлявший человека искать нового мировоззрения. Сократ и был основателем этого мировоззрения, главным образом, в том смысле, что он старался устранить упомянутый душевный разлад. По преданию, Сократ называл «нечестивцем» того, кто впервые провел грань между справедливым и полезным, кто дал таким образом душе как бы двойное мерило. И если непосредственная, главная задача Сократа состояла в том, чтобы придать ценность существующему строю жизни, то, с другой стороны, он указал путь, могущий повести к преобразованию ее. И основной тезис Сократа: «Добродетель есть счастье», легко превратилось в обратное: «Счастье есть добродетель» Евдемонизм, стремившийся раньше, главным образом, обосновать традиционные правила поведения, должен был, в конце концов, привести к критической переоценке всех этих правил Тем самым был подготовлен путь к полному переустройству моральной, социальной и политической жизни.

По словам Ксенофонта, Сократ не отделял мудрости от добродетели и считал, что человек, который знает, что̀ хорошо и что̀ дурно, и, делая одно, остерегается другого, мудр и добродетелен. Когда его однажды спросили, считает ли он людей, знающих, что̀ нужно делать, но поступающих, наоборот, мудрыми, но неумеющими владеть собой, он ответил: «Ничего подобного, просто считаю их глупцами, не умеющими владеть собой. Я полагаю, что каждый человек выбирает из

всего, что для него возможно, самое, по его мнению, полезное и поступает согласно со своим выбором. Людей же, поступающих неправильно, я не считаю ни мудрыми, ни добродетельными» Иными словами, Сократ не признавал противоречия между познанием и поведением, и выводил отсюда, что моральные качества заключаются всецело и единственно в мудрости. Так как добродетель применяется к различным областям жизни, то и кажется, будто существует несколько видов ее, на самом же деле добродетель едина, ибо она тожественна с мудростью. Как мудрости, ей можно научиться и, так как такое важное знание никогда не может улетучиться, то его нельзя и утратить. Учиться же мудрости нужно для того, чтобы не отдаваться всецело никакому наслаждению, чтобы приучиться сохранять свободу и быть, в самом деле, царем, господствуя, прежде всего, над собственными страстями, а не рабствуя пред ними.

Сократ — типичный индивидуалист. Его интересы вращаются вокруг индивида, от которого, по его мнению, должна исходить и реформа этического сознания. Лишь в том случае, когда индивид достигнет полного познания того, что такое благо, можно рассчитывать на улучшение и общества. Поэтому-то все силы свои Сократ и отдал на служение этическому воспитанию граждан и принимал участие в практической государственной деятельности лишь постольку, поскольку это вызывалось безусловной необходимостью. Но всякий воспитатель должен считаться с тем фактом, что человек, стоящий изолированно от других, ни-

когда не в состоянии развить все свои духовные свойства, но должен для этого вступать в общение с такими же людьми, как он, поскольку эти люди выступают в различных сферах семейной, общественной, государственной жизни. Поэтому, и Сократу надлежало считаться с моралью не только индивидуальной, но и социальной. Сократовское обоснование последней исходило из первой. Всякий стремится к своему собственному благу. Если его поведение противоречит этой цели, то в этом виновато неверное знание, или, точнее, недостаточное уменье применять знания. Легко доказать ошибочность и вред многочисленных извращений, встречающихся в жизни, отдельным индивидам; легко показать им, почему они не достигают поставленной себе цели, то-есть счастья. Отсюда нетрудно указать и на ошибки социальной морали. Сократ пытался доказать, что антисоциальные поступки вредят, прежде всего, интересам тех, кто совершает их. В «Воспоминаниях» Ксенофонта имеется много примеров, которыми можно иллюстрировать эту мысль. Нужно дорожить дружбой, потому что друг — полезное приобретение. Нужно ладить с родственниками, потому что нелепо обращать во вред то, что̀ природа дала на пользу. Нужно повиноваться законам, потому что это приносит нам наибольшую выгоду и пр. и пр. Такими положениями Сократ старается как бы оправдать семейные, дружеские и другие альтруистические чувства пред голосом разума и поддержать единство воли указанием на то соображение, что противоречие между требованиями социальной и индивидуальной морали лишь кажущееся.

«Прекрасно говорят и будут говорить», вещает устами Сократа Платон, «что полезное — хорошо, а вредное — постыдно.» Сократ не знает блага, которое не было бы благом для кого-нибудь, то-есть не было бы полезным. На вопрос Аристиппа прекрасное ли — мусорная корзина, Сократ отвечал: «Да, а золотой щит постыдное, если корзина прекрасно выполняет свое назначение, а щит — плохо» Содействовать благополучию людей было для Сократа высшим руководящим правилом в делах государственных, или общественных, и мерилом при оценке того или иного поступка было то, посколько поступок служит этой высшей цели. Критерий его мышления в вопросах моральных, социальных, политических заключается в понятии полезности, или целесообразности. Как орудие против господства авторитета выставляется разум; как орудие против установившейся традиции или господствующих темных инстинктов выдвигается целесообразность. При этом нужно помнить, что, на практике, Сократ в значительной степени находился под властью установившейся в Афинах традиции. Поэтому, он готов был на то, чтобы хотя принципиально признано было верховенство разума, так как и это должно было ослабить силу традиции Сократа, быть может, не без основания упрекали в том, что он убеждал детей, не следовать «неразумной» воле родителей, советовал уважать только разум, а не возраст.

Уважение к существующей государственной организации также должно было значительно быть поколеблено критикой Сократа. Добродетель состоит в знании, учил Сократ. Следовательно, и управле-

ние государством, самое великое дело в области человеческой деятельности, является «самой прекрасной добродетелью и самым великим искусством». Только знание представляет собой силу, которая способна заставить повиноваться. Царями и владыками, говорил Сократ, бывают не те, которые носят скипетр, не те, которые сделались таковыми или по избранию, или по жребию, или при помощи силы, или, наконец, посредством подкупа, но те, кто умеет властвовать. Истинными и правильными формами государственного строя могут быть лишь монархия и аристократия — последняя в смысле правления наилучших. Тирания и олигархия — неправильные формы; первая — потому, что она основывается на силе, вторая — потому, что ее основою служит богатство, а богатство без разума — благо, цены не имеющее

Демократический строй, предполагающий равноправие народной массы, ошибочен; нелепо и распределение должностей посредством жребия, так как такое распределение случайно, а это — опасно в делах государственных; да и народное собрание, состоящее, в значительной своей части, из всякого сброда, не выдерживает критики. Но какую бы форму правления ни имело государство, оно должно покоиться на норме закона, то-есть на справедливости, которая и заключается в законности Властитель должен сообразовать свое правление с законами; в свою очередь, и гражданин должен подчиняться закону и властям. Только «истинный закон» должен быть противополагаем установлениям существующего государственного порядка, и

основою для этого должен служить рациональный принцип. «Истинный закон» должен проникать во всю государственную жизнь, дать ей твердые и надежные устои. Справедливость, эта основа счастья, должна стать и для государства высшею жизненною нормою.

Если в вопросах морали — личной, общественной, государственной — Сократ остается всецело на рациональной основе, подчиняет мораль разуму, то чем мог он защитить свою рационалистическую точку зрения в той области, где разум обыкновенно безмолвствует или, во всяком случае, ему зачастую приходится безмолвствовать — в области, соприкасающейся с вопросами веры. Дать определенный ответ на это трудно — в источниках нет надежных указаний. Можно предполагать, что Сократ не был ни атеистом, ни старовером, в смысле верующего на старый, традиционный образец. Правда, на суде Сократ твердо заявил, что он служит божеству и находится под его защитой, но это не решает еще вопроса о характере его богословской веры. Маловероятно, чтобы Сократ верил в богов греческой мифологии, маловероятно уже потому, что, в эпоху Сократа, в философских и вообще просвещенных кругах эта вера изжила себя. Отдельные боги, к которым обращается Сократ, суть, согласно Платону, с одной стороны, Аполлон, владыка Дельфийского святилища — олицетворение высшей мудрости и высшей этики, с другой — Солнце и Луна, как факторы природы, которые и для Платона и для Аристотеля всегда оставались божественными сущностями.

Сократ молит богов о «благе» вообще. А в чем оно заключается, об этом боги знают лучше, чем люди. Просить у них определенных благ, или помощи, в тех или иных делах, казалось Сократу недостойным. Оно и понятно. Сократ, ведь, желал, чтобы человек, прежде всего, опирался на самого себя, на свою мощь, обусловленную знанием, чтобы он был независим, насколько возможно, от всего внешнего. Подробностям культа Сократ придавал мало значения, советуя почитать божество «по закону государства». «Имея скудный достаток», говорит Ксенофонт, «Сократ приносил богам скромные жертвы, но от этого ничуть не считал себя хуже богачей, совершавших пышные жертвоприношения. Ибо, рассуждал Сократ, и для богов было бы плохо, если бы они радовались больше богатым, чем скромным жертвам, потому что, в таком случае, жертвы дурных людей зачастую должны были бы быть им приятнее, нежели жертвы людей хороших; и для людей жизнь утратила бы цену, если бы дар дурного человека был богам приятнее, чем дар доброго По мнению Сократа, боги наиболее радуются тем почестям, которые воздаются им людьми наиболее благочестивыми. Одобрял он и стих·

«Жертвы бессмертным творить, — сколько силы хватает. Это «творить, сколько силы хватает», может служить, говорил Сократ, предписанием для человека в его отношениях к друзьям, чужим, вообще ко всему его поведению »

В диалоге Платона «Евтифрон» Сократ жестоко обрушивается на тех людей, для которых все

благочестие сводится лишь к мифам и обрядам, а религия представляется как бы искусством ухаживать за богами посредством отправления внешнего культа, состоящего в жертвах и молитвах, дарах и приношениях. Обличая всю нелепость и непристойность таких верований, Сократ поднимает вопрос о нравственном характере религиозного долга и религии вообще: зависит ли нравственно-должное в религиозной сфере от случайной прихоти, от расположения богов, или, наоборот, нравственно-должное определяет собою расположение неизменно благой, разумной воли богов? Потому ли благочестивое имеет цену, что его любят боги, или, наоборот, они его любят потому, что оно благо? Сократ не сомневается, что боги благие, что «нет ни одного блага, которого они не давали бы» Боги благи потому, что они разумны, потому, что они «знают благо». Поэтому, и благочестие не может быть особой частью праведности: обнимая собою всю сферу служения человека богам, оно охватывает и всю возможную сферу его деятельности, в которой он может творить добро; делая добро, человек, естественно, служит богам, как подателям благ. Божеству просветленное настроение гораздо приятнее, чем обилие жертвоприношений.

Приблизительно так же относится Сократ и к мантике, то-есть искусству прорицания. Он порицает обращение за советом к богам и к толкователям знамений, коль скоро вопрос может быть решен на основании познания Исключением из этого является Дельфийский оракул, пользующийся особой симпатией у Сократа уже благо-

даря тому изречению, которое было вырезано на стене храма и которое гласило «Познай самого себя». Это изречение стало исповеданием веры Сократа.

Для решения вопроса о том, какими свойствами наделял Сократ признаваемое им высшее божество, мы не располагаем положительными и надежными сведениями. Аристотель об этом ничего не говорит. Платон тут идет своим путем и руководится учением об идеях. Ксенофонт посвящает две главы в своих «Воспоминаниях» богословию Сократа. Если верить ему, Сократ смотрел на божественную деятельность исключительно под углом зрения человеческой пользы; как тело живых существ построено целесообразно, так и вся вселенная устроена на благо человеку, и одно это должно убедить всех, кто сомневается, в божеском промысле, или не верит в него. Это — мысли Ксенофонта или Сократа? Скорее первого — слишком большой практичностью отзываются они. Сократу могла принадлежать основная мысль о целесообразном господстве божества, сводимого к всеразуму, но вряд ли он развивал эту идею в том духе, в каком это выходит по изложению Ксенофонта.

Таковы основные черты Сократовой «мудрости», поскольку удается уловить и восстановить их при помощи тех данных, которые содержатся в наших источниках. Мы должны постоянно помнить и считаться с тем, что речь может идти только об «основных чертах», но не о деталях. Впрочем, для биографии Сократа и установления этих основных черт вполне достаточно.

XV.

В течение длинного ряда лет Сократ излагал и развивал согражданам и иноземцам свою «мудрость» в родном городе. Одних она привлекала, других отталкивала, третьих — таковых было, вероятно, большинство — оставляла равнодушными. Были у Сократа и друзья и почитатели, были и недруги и порицатели, были и такие — они опять-таки составляли, вероятно, большинство — люди, которые безразлично к нему относились. Значительная часть деятельности Сократа совпала с тем временем в истории Афин, когда им, в сущности, было не до него: продолжительная и изнурительная война внешняя, менее продолжительная, но еще более изнурительная война внутренняя отвлекали, несомненно, внимание массы афинского населения от странного чудака, поставившего задачею своей жизни преобразовать людские нравы, подчинить страсти человеческие господству разума. И у правительственных сфер было слишком много своего дела, чтобы оказалось и достаточно времени и охоты заниматься личностью Сократа и разбираться в характере его деятельности Современный Сократу историк, Фукидид, в своем описании Пелопоннесской войны, доведенном до 41 г., не упоминает ни единым словом о Сократе.

Продолжатель Фукидида, Ксенофонт, в своей «Греческой истории» говорит о Сократе только в связи с процессом стратегов, участников битвы при Аргинусских островах. Ясно, с государственной точки зрения вся деятельность Сократа не могла представлять и не представляла никакого интереса, тем менее опасности, да и сам Сократ,

как мы знаем, старался держаться в стороне от политики.

Но с общественно-социальной точки зрения деятельность Сократа уже рано приковывает к себе внимание. Об этом свидетельствуют, как мы видели, нападки комиков на Сократа, нападки, по-видимому, регулярно повторявшиеся. Однако, несмотря на эти нападки — а они были иной раз и злостные — Сократ спокойно действовал в Афинах, хотя в них в ту пору ни свобода учения, ни свобода мнения не были принципиально признаны.

Но вот окончилась война внешняя, окончилась война внутренняя, гражданская. Первая окончилась поражением афинской демократии, вторая — окончилась ее победой. Партийная вражда прекратилась, демократы с олигархами примирились, в Афинах снова воцарился демократический строй, и одним из первых дел, по которому суверенному афинскому демосу пришлось вынести свой приговор, было дело Сократа.

В марте 399 г. сочинитель трагедий Мелет обратился к архонту — царю, ведавшему преступления касательно религии и религиозного культа, с жалобой, которая в окончательном виде была формулирована так: «Нижеследующую жалобу, подтвердив ее под присягой, представил Мелет, сын Мелета, Питфеец (имя демы, откуда происходил Мелет) на Сократа, сына Софрониска, из Алопеки. Повинен Сократ в том, что он не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие новые демонические существа; повинен также и в том, что он развращает юношество Предполагаемое наказание — смертная казнь.»

Сократу пред'явлено было, таким образом, два обвинения. Первое из них формулировано было в том смысле, что Сократ не признает санкционированных государством божеств и вводит новые божества, причем, для обозначения их, обвинитель сознательно употребил выражение «демонические существа» (демóния), чтобы, несомненно, указать на Сократов демоний. Под формулой «не признает богов, признаваемых государством», очевидно, имелось в виду обряды культа, а не самая вера в богов. Дело в том, что греческая религия не носила вообще догматического, конфессионального характера; но зато она очень ревниво относилась к обрядам культа Допуская полную религиозную свободу, греческое государство смотрело на пренебрежительное отношение к религиозным обрядам, как на оскорбление, наносимое богам, признаваемым государством; и там, где это пренебрежение наблюдалось, требовалось вмешательство государства. Второй пункт обвинения — развращение юношества — был формулирован очень кратко и как бы вытекал из первого.

Трагический поэт Мелет, подавший жалобу на Сократа, высмеивается Аристофаном и другими комиками, как жалкий стихоплет В начале диалога Платона «Евтифрон» Сократ говорит, что Мелет — «личность совершенно неизвестная, повидимому, кто-то из молодых», «с торчащими волосами и с жидковатой бородой», «курносый». На вопрос Евтифрона, как Мелет решился выступить обвинителем Сократа, последний ядовито замечает: «Да так, что это делает ему честь по-моему. В молодые годы распознать такое важное дело это, ведь,

не шутка. Ему, видишь ли, известно, говорит он, каким образом гибнут молодые люди и кто их губит. И выходит он вроде как мудрец какой-то. И вот усмотрев, как я, по своему невежеству, развращал его сверстников, идет он и жалуется на меня государству, как матери. И мне кажется, что из государственных мужей он один правильно начинает дело, потому что правильно сначала позаботиться о молодых людях, чтобы они были как можно лучше, точно так же, как доброму земледельцу подобает сначала позаботиться о молодых растениях, а уже после того и об остальных. Ну, вот, должно быть, также и Мелет сначала хочет выполоть нас, заглушающих, как он говорит, побеги юности, а уж там, по порядку, очевидно, позаботится он и о стариках и сделается для государства виновником множества величайших благ — так, по крайней мере, должно случиться с тем, кто начал с такого начала.» На вопрос Евтифрона, что́ собственно, по мнению Мелета, Сократ делает такого, что развращает юношей, Сократ отвечает: «Послушать его, так нелепости, мой дорогой. А именно он говорит, что я — сочинитель богов, и вот за то, что я сочиняю новых богов, а старых не признаю, за это самое он меня и обвинил.»

Из этих слов видно, что Мелет был незначительной личностью и вряд ли он рискнул бы, на собственный риск и страх, выступить против Сократа Есть известие, будто Мелета побудил подать жалобу на Сократа богач Анит, подкупив его Правильно ли это известие, или нет, мы не знаем; во всяком случае Анит, вместе с Ликоном, на суде выступают обвинителями Сократа, причем, по сло-

вам последнего, Мелет обрушился на него «негодуя за поэтов, Анит — за ремесленников, Ликон за риторов». Последний едва ли имел бо́льшее значение, чем Мелет. Правда, судя, по нападкам на него комиков, Ликон принимал некоторое участие в политической жизни, но, повидимому, ничтожное. Таким образом, несомненно, главным обвинителем Сократа нужно считать Анита, который, как ловкий политик, спрятался за спиной поэта Мелета, а на судебном процессе привлек к себе на помощь, в качестве опытного ритора, и Ликона.

Анит в тогдашних Афинах пользовался большим влиянием Это был состоятельный человек, имевший возможность отдать себя всецело на служение государству. Начало его политической карьеры было, правда, неудачным, и за небрежное отношение к своим военным обязанностям, в звании стратега, он был в 409/8 г. даже привлечен к суду, который, впрочем, оправдал его. В народе распространился слух, будто Анит подкупил судей, но, должно быть, это была клевета. Как бы то ни было, Анит на некоторое время исчез с политического горизонта Афин и появился на нем вновь лишь тогда, когда Тридцать, по требованию Крития, несмотря на противодействие Ферамена, подвергли его, вместе с Фрасибулом, изгнанию. Оба они, Анит и Фрасибул, собрали зимою 404/3 г., в аттической пограничной крепостце Филе значительный отряд изгнанников, двинулись на Пирей и одержали победу, в жаркой уличной схватке, над приверженцами Тридцати Когда гражданская война закончилась примирением враждующих пар-

тий, Анит оказался человеком умеренным Есть известие, что однажды, когда солдаты его отряда хотели, из чувства мести разделаться с их противниками, Анит удержал их от этого, заметив, что местью во время опасности заниматься не следует, что ее нужно отложить до того момента, когда цель будет достигнута.

Цель, наконец, была достигнута, и обе партии — олигархическая и демократическая — об'единились в одно государство, провозгласив амнистию, в силу которой все происшедшее должно быть передано забвению на веки вечные Тотчас приступлено было к восстановлению расшатанного и войной и междоусобною борьбой государства, и тут опять-таки сказывается в деятельности руководителей афинской политики мудрая умеренность и безусловная закономерность. Предпринят был систематический пересмотр всех правовых учреждений, введен был демократический строй на умеренных началах, в духе реформ Эфиальта и Перикла. При этом соблюдена была вполне провозглашенная амнистия, и за попытку нарушить ее грозила смертная казнь.

Во всех этих, опиравшихся на строгую законность, мероприятиях, Анит принимал деятельное участие. В 403—397 г. он, вместе с Фрасибулом, занимал должность стратега, причем принадлежал всегда к крылу умеренных демократов, которые, уже в 404 г., после падения Афин, пытались ввести так называемый «строй отцов», то-есть конституцию, основанную на принципах Клисфенова законодательства.

Таким образом, Анит представляется нам горя-

чим патриотом, достойным, в сущности, уважения человеком, стремившимся обеспечить народу внутренний мир и порядок. Это был умеренный политический деятель, старавшийся пресечь в корне все увлечения и взрывы, на какие способна радикальная демократия. Поэтому, трудно допустить, чтобы Анит, выступая обвинителем Сократа, руководствовался партийными соображениями. В политических симпатиях Анит скорее разделял воззрения Сократа, нежели был их противником.

Скорее тут могли играть роль личные мотивы. Если верить Ксенофонту, Анит питал раздражение против Сократа за то, что последний содействовал отчуждению от него его сына Но еще более вероятное об'яснение того, почему Анит выступил обвинителем против Сократа, нужно искать в причинах более глубоких — в том расхождении во взглядах на жизнь, как понимал ее Анит и его сторонники, и как понимал ее Сократ.

Платон в диалоге «Менон» набросал характеристику Анита, причем, может быть, руководимый чувством злобы против обвинителя своего учителя, придал образу Анита слишком непривлекательные черты. По Платону, Анит — ограниченный человек, берущийся судить о том, чего не понимает, заклятый враг софистов и всех сторонников просвещения; гордящийся полученным в наследство богатством, кичащийся своею важной политической ролью. На самом деле, Анит скорее принадлежал к типу людей, соединяющих, может быть, хорошие моральные качества (вспомним его патриотизм, строгость нравов, энергию и пр.) с узким духовным горизонтом. Он понимал только «практику»

жизни; идейная сторона ее была для него закрыта, знания, как такового, он не признавал Оно казалось ему излишним, потому что отвлекало силы человека от продуктивной практической деятельности, от приобретения материальных благ. Знание могло Аниту представляться даже опасным, так как оно способно было расшатать установившийся строй жизни, веру в богов, силу авторитета. Кто прикасается к душе народа, тот действует на погибель родины, особенно если он прививает яд просвещения в сердца молодежи, которая, вкусив плодов просвещения, начинает зазнаваться, не слушаться родителей, относиться критически к религии и государственному порядку. Кто хочет направить молодежь на правильный путь, должен, по заветам отцов, внедрять в нее страх божий, чистоту нравов, любовь к отечеству, должен приспособлять ее к практической деятельности При таких взглядах Анит, естественно, должен был относиться со смертельной ненавистью к деятельности софистов. Так как он не имел ни способности, ни охоты постигнуть суть Сократовой «мудрости», то он легко, по примеру многих, мог смешать Сократа с софистами и чувствовать раздражение против него еще в большей степени, чем против софистов, так как Сократ, как афинский гражданин, должен был, по мнению Анита, считать себя более ответственным пред своим народом, нежели большею частью «бездомные», а потому и интернациональные софисты.

Таким образом, в сущности, Анит принадлежал к числу тех реакционно, в лучшем случае консервативно, настроенных людей, типичным образцом

которых может служить и Аристофан. «Реакционеры просвещения» всегда, конечно, были в Афинах. Число их, в последние годы жизни Сократа, под влиянием всех несчастий, обрушившихся на государство, должно было еще увеличиться, а озлобленность их против действительных и мнимых виновников этих несчастий должна была особенно обостриться. Да и как могло быть иначе, когда в Афинах циркулировало учение софиста Калликла, усматривавшего истинную справедливость в праве сильного и истинную нравственность в удовлетворении страстей, когда передавалось мнение Крития, что боги — выдумка умного человека, желавшего, будто бы, бесправие оправдать страхом пред всеведением богов. К этому присоединялись еще те ужасные потрясения, которые довелось испытать Афинам и за время продолжительной войны и мрачного господства Тридцати, ставивших свои личные властолюбивые и корыстолюбивые интересы выше и чувства чести и человеческого достоинства, и хотя бы в минимальных размерах, любви к родине и уважения к согражданам.

Патриоты, работавшие над восстановлением государства и возрождением народных сил, были убеждены, что лишь основательное лечение может исцелить политические, экономические и нравственные недуги Афин. Они обращали свои взоры к их великому прошлому и думали, что государство может достигнуть прежней мощи и величия лишь в том случае, если в народе возродится внутренняя доблесть. А этого можно было достигнуть 1) путем внедрения в народе истинного религиоз-

ного смысла, и 2) путем укрепления расшатанного авторитета в государственной и семейной жизни, 3) путем приучения народа к беспрекословному исполнению его гражданских обязанностей.

Ясное дело, софистическое просвещение шло вразрез со всеми этими стремлениями. Но, вместе с тем, понятно, что и сократовская «мудрость» реакционеров удовлетворять не могла и должна была казаться опасной. Могли раздаваться и раздавались голоса, что сомнение Сократа в истинности божеских мифов препятствует возрождению прежней безотчетной веры в богов, что его ссылки на свой демоний подрывают веру в мантику, рассуждения Сократа о справедливости и несправедливости, о добре и зле смущают только нравственное чувство народа; требование относиться с полным сознанием, основанным на доводах разума к своим действиям, подрывает силу авторитета, особенно родительского авторитета, а потому колеблет основы государственной и семейной жизни, наконец, исключительная преданность науке и знанию отвлекает молодежь от продуктивной практической деятельности и приучает ее к ничегонеделанью, к небреженью обязанностями гражданина.

Так, или примерно так, смотрели реакционеры на деятельность Сократа. А деятельность эта должна была особенно оживиться с момента успокоения, наступившего в Афинах после прекращения пагубной тирании Тридцати, когда туда стали стекаться иноземцы, когда и сами афиняне получили возможность обратиться к внутренним запросам, возникшим еще в прежнее время, но все еще не получившими удовлетворения. Возможно, что не-

которые из учеников Сократа стали распространять его учение в письменной форме и тем самым широко пропагандировать его. Подозрительным могло казаться и лаконофильство Сократа, отдаваемое им предпочтение государственным учреждениям Спарты, той Спарты, которая ниспровергла могущество Афин. Таким образом, поводов для выступления против Сократа было достаточно. К нему не придирались прежде, потому что афинянам было не до него. Теперь, когда наступило успокоение, а в связи с ним начались и реформы в государственном строе, нужно было привлечь к суду восстановленной афинской демократии того человека, который далеко не ко всем порядкам ее относился с полным одобрением. То, что формальным обвинителем Сократа выступил именно Мелет, дело случая Если бы не Мелет, то кто-либо другой должен был непременно выступить против Сократа, выступить потому, что «мудрость» его для настроения большинства афинского народа оказывалась и не ко двору и была ему не по плечу.

XVI.

Когда возбуждено было уголовное преследование против Сократа, обстоятельства, казалось, слагались в его пользу: и незапятнанное прошлое, и личная честность, и всем известное бескорыстие и, наконец, значительное число верных последователей Сократа — все это сулило благоприятный исход. Сам он, однако, повидимому, смотрел на дело более глубоко и предчувствовал грозившую ему опасность. На суде Сократ говорил, что его

погубит не Мелет, и не Анит, а «клевета и недоброжелательство многих, — то, что́ погубило уже не мало честных людей»

Как бы то ни было, Сократ отклонил увещания своих друзей позаботиться о составлении защитительной речи, заметив, что он всю жизнь прожил, заботясь о своей защите, так как не делал никакой неправды. «Я уже два раза пытался поразмыслить о моей защите, да мне противится демоний.»

Ходило предание, будто защитительную речь для Сократа составил известный оратор Лисий, но что Сократ отклонил ее; предание это недостоверно.

По завершении предварительного следствия и после окончательной формулировки обвинения архонт-царь должен был внести дело на рассмотрение гелиен, суда присяжных Суд этот состоял из 6000 ежегодно избираемых граждан, имевших не менее 30 лет от роду; 6000 гелиастов делились на 10 отделений, по 500 судей в каждом; 1000 было запасных судей. Каждое из отделений образовало судебную палату, которой утром того дня, когда происходило заседание, указывалось, по жребию, то место, где суд должен был происходить. Так как для каждой палаты назначалось разбирательство определенных дел, то присяжные только в день заседания узнавали о тех делах, по которым им придется выносить приговоры: этим из'ята была всякая возможность подкупа судей. Заседания происходили публично, и на них присутствовали не только свидетели, но могли присутствовать и другие граждане, так или иначе заинтересованные разбирательством.

В тот день, когда назначено было дело Сократа, в залу заседания собралось много афинских граждан и иноземцев. Сократ явился на суд один, без защитника; не сопровождали его ни жена, ни дети. Зато присутствовали, в рядах для публики, приверженцы и последователи Сократа в значительном количестве; в числе их был и Платон.

Заседание, в котором председательствовал архонт-царь, открылось, по обычаю, воскурением фимиама и молитвою Затем секретарь доложил дело, и председатель предоставил слово сторонам.

Сначала выступил Мелет и стал обосновывать обвинение, подкрепляя его свидетельскими показаниями. Далее говорил Ликон и Анит, останавливаясь, главным образом, на той опасности, какую представляет деятельность Сократа в качестве развратителя молодого поколения.

Речи обвинителей не сохранились, да вряд ли они и были опубликованы. Все же мы можем, в общих чертах, уловить их содержание на основании тех источников, которые имеются в нашем распоряжении о всем процессе Сократа. — Об этих источниках и надлежит, прежде всего, сказать несколько слов.

На первом месте должна быть здесь поставлена «Апология Сократа» Платона, может быть, первое по времени литературное произведение его. «Апология» состоит из трех частей: 1) защитительная речь Сократа пред судьями, 2) речь о мере наказания, и 3) обращение к судьям после вынесения смертного приговора. Все произведение производит такое впечатление, как будто мы имеем пред собою защитительную речь, действительно произ-

несенную Сократом Но это далеко не так. По справедливому замечанию одного ученого, «Апология» не есть протокольное сообщение, и описание суда в ней является «стилизованной правдой». Тем не менее, общий тон речей, вложенных Платоном в уста Сократу, и дух их должны быть признаны достоверными, так как они согласуются со всем, что́ мы знаем об историческом Сократе. Цель «Апологии» раскрыть значение Сократа тому кругу людей, который был неспособен оценить его деятельность непосредственно. Истина и вымысел в ней тесно переплетаются, и вряд ли когда-либо удастся отделить одно от другого. Но это касается деталей, в общем же, повторяем, вся «Апология» проникнута подлинно сократовским духом. Соединение, или внутреннее взаимное проникновение трезвости и энтузиазма, пренебрежение ко всему внешнему, вера в победоносную мощь разумного мышления, уверенность, что «хороший человек» защищен от всякого удара судьбы, просветленное доверие, с которым такой человек, не сбиваемый с пути ни страхом, ни надеждой, идет своей дорогой и выполняет свою задачу — все это сделало «Апологию» светским молитвенником сильных и свободных умов и теперь, как за двадцать три столетия, она захватывает души и воспламеняет сердца; она — одно из самых мужественных книг мировой литературы и более, чем какая-нибудь другая, способна вселить в сердца добродетель мужественного самообладания »

Когда Сократ умер, многие из его друзей и последователей по образцу Платона стали писать «апологии», то-есть произведения, имевшие целью

реабилитировать и выяснить личность и деятельность мудреца. Из таких «апологий» до нас дошла «Апология Сократа», составленная Ксенофонтом. Быть может, он имел в виду «Апологию» Платона, быть может — речь Лисия, написанную в ответ на обвинительную речь против Сократа, составленную, около 393 г., софистом Поликратом, о которой придется говорить дальше. Как литературное произведение, «Апология» Ксенофонта не может, конечно, выдержать никакого сравнения с «Апологией» Платона. Некоторые очень видные ученые считали и считают «Апологию» Ксенофонта даже неподлинной и потому не имеющей никакой цены в ряду источников о процессе Сократа. Это — крайность: «Апология» Ксенофонта подлинное произведение и имеет свое значение, так как в ней сохранились некоторые детали, опущенные Платоном. Цель «Апологии» Ксенофонта ясно указана самим автором: поговорить о благочестии, праведности и мудрости Сократа. В противоположность Платону, Ксенофонт на процессе Сократа не присутствовал, а потому и о защите Сократа на суде он говорит не на основании личных впечатлений, а пользуется отчасти литературными произведениями других писателей, отчасти воспоминаниями, которые он мог слышать от лиц, присутствовавших на процессе.

Что касается упомянутой речи Поликрата, то она до нас не дошла, но в общих чертах может быть реконструирована на основании двух начальных глав в «Воспоминаниях» Ксенофонта. Эти главы составлены были именно с целью опровергнуть обвинения, выставленные Поликратом против

Сократа. Сверх того, для восстановления речи Поликрата может пригодиться и сохранившаяся «Апология Сократа», написанная в IV веке после Р. Хр., знаменитым в то время софистом и ритором Либанием; эта «Апология» в сущности декламаторское произведение и имеет цену лишь постольку, поскольку, сочиняя ее, Либаний имел в виду обвинительную речь Поликрата, доводы которого он поставил себе задачей опровергнуть. На основании всех этих косвенных указаний можно заключить, что Поликрат в своей обвинительной речи останавливался, как и формальные обвинители Сократа, на двух пунктах — на религиозных новшествах Сократа и на развращении им юношества. Первого пункта обвинения Поликрат касался кратко, ограничившись указанием на демоний Сократа и на отрицание им божеских мифов. Зато второй пункт обвинения Поликрат разбирал обстоятельно и опирался на четырех обстоятельствах: 1) Сократ своею критикой замещения государственных должностей посредством жребия способствовал презрительному отношению к государственным законам, что́ подтверждается, между прочим, и распущенным поведением его двух учеников, Алкивиада и Крития; 2) Сократ среди молодежи поколебал родительский авторитет, внушал ей, что он своим учением сделает ее умнее родителей, что только люди знающие имеют цену; 3) Сократ приучает молодежь к бездеятельности, удерживая ее от участия в государственной жизни и от забот о своем благополучии; 4) Сократ своим ложным об'яснением поэтов побуждал своих приверженцев к преступным деяниям и к

пренебрежительному отношению к обыкновенным людям.

Легко усмотреть, что речь Поликрата заключает в себе некоторые пункты обвинения, которые Анит мог фактически представить; зато иные пункты, несомненно, просто-на-просто сочинены. Выделив их и основываясь на «Апологии» Платона и Ксенофонта, можно формулировать содержание обвинительных речей приблизительно так: для доказательства религиозных новшеств Сократа обвинители ссылались, главным образом, на его демоний, причем понимали под ним не внутреннее откровение, или божественный голос, но реально почитаемое Сократом божественное существо. Это и значило «вводить новые божественные существа». Ставили в упрек Сократу и его критику божеских мифов, упирая на то, что он обыкновенно говорит не об отдельных божествах, но о божестве вообще. В доказательство преступного развращения молодежи обвинители ссылались на следующее: Сократ 1) распространяет противоречащие религии воззрения; 2) колеблет родительский авторитет и способствует ослаблению семейных уз; 3) указывая на необходимость единственно заниматься усвоением теоретических знаний, отучает от практической деятельности, в частности, отвращает от интересов, соприкасающихся с государственной жизнью; 4) свободным толкованием поэтов распространяет безнравственное и антинациональное учение.

В таких общих чертах могут быть восстановлены речи обвинителей Сократа. Как возражал он на пред'явленные ему обвинения? Чтобы ответить

на этот вопрос должным образом, лучше всего прочитать «Апологию Сократа» Платона и вдуматься в нее. Ибо как бы не относиться к историческому характеру «Апологии», даже если считать ее речью Сократа, преобразованною поэтическим гением его ученика, можно смело утверждать одно: «Апология», несомненно, передает точно общий характер и общее содержание речи, действительно, произнесенной Сократом Последний обрисован в «Апологии», как человек непоколебимый и стойкий, добродушный, с оттенком тонкого юмора по отношению к судьям, с сарказмом по адресу обвинителей. Уже Цицерон отметил, что Сократ говорил не как обвиняемый, но как наставник и владыка его судей, воспользовавшийся представившейся ему возможностью, в последние дни своей жизни, посвященной нравственному возрождению сограждан, громко возвестить им свое духовное завещание. Он быстро отвел все пункты обвинения с тем, чтобы иметь досуг обстоятельно развить сущность того дела, которому он служил. Все обвинения Сократ рассматривает как следствие той клеветы, которая распространилась вокруг его имени уже со времени Аристофана, будто он занимается исследованием небесных и земных явлений и совращает к занятиям этим других. Всякий, кто имел возможность его слушать, может засвидетельствовать, что он никогда ничем подобным не занимался. Никогда он не выступал в роли учителя. Эта басня возникла потому, что его друг Херофонт на вопрос, обращенный к Дельфийскому оракулу, получил прорицание, что нет никого более мудрого, чем Сократ; чтобы уразуметь смысл про-

рицания, Сократ и стал испытывать мышление сограждан. При этом оказалось, что никто не обладает истинным знанием, но только кажущимся, что сам он тоже ничего не знает, но и не думает, что что-либо знает. Это испытывание знания у людей создало для Сократа много неприятностей, в особенности, когда примкнувшие к нему молодые люди стали следовать его примеру и также испытывать людей. Вот эта-то неприязнь людей, подвергшихся испытанию, и стала источником беспочвенной клеветы, а в результате, и судебного обвинения.

После этого, Сократ обращается к рассмотрению самого обвинения, переставляет, однако, пункты его и сперва говорит о развращении юношества Он изобличает обвинителей в полном невежестве их касательно вопросов воспитания и доказывает, что ни один здравомыслящий человек не может сознательно развратить своих учеников, потому что каждый знает, что добро могут проявлять только добрые, зло — злые. Кто желает наставить своих учеников в добре, должен стараться улучшать их, а не ухудшать. Упрек в религиозных новшествах Сократ опровергает тем, что он заставляет придти своего обвинителя к утверждению, будто он, Сократ, не верит вообще в богов и считает также солнце и луну за безжизненные мировые организмы. На это должно возразить, что, во-первых, обвинитель, очевидно, смешивает Сократа с Анаксагором, во-вторых, всякий, верующий в демоническое, неизбежное, должен верить и в демонов. А так как демоны либо боги, либо дети богов, то он должен верить также и в богов

После этих кратких возражений на пред'явленные Сократу пункты обвинения он обращается к изложению того дела, которому посвятил свою жизнь, именно: воспитанию сограждан, и излагает свое внутреннее отношение к порученной им божеством задаче, при выполнении которой он был так же послушен, как в тех битвах, где ему пришлось участвовать — при Потидее, Делии, Амфиполе. Затем, Сократ характеризует свою деятельность: он побуждал людей поступать в деле нравственности с полным сознанием, увещевая относиться с презрением к материальным ценностям, заботиться о приобретении духовных благ. При этом Сократ касается своего метода в деле испытания людей, то-есть исследования их внутреннего мира. Работа эта была настоятельно необходима для того, чтобы вывести людей из их духовного равнодушия и вялости. Своему призванию Сократ отдался всецело, а потому и пренебрегал своими семейными обязанностями, а равно отказался и от политики. В этом отказе он руководился своим внутренним голосом, демонием, который предостерегал его от участия в делах государственных. Что он поступал правильно, доказывают те два случая, когда он вовлечен был невольно в политику, в деле суда над победителями в битве при Аргинусских островах и в деле ареста саламинца Льва. Наконец, Сократ говорит о своем общении с молодежью. Чистая клевета, когда толкуют об его учениках. Никогда он не выступал в звании учителя, никогда не брал денег со своих слушателей, но к своим беседам допускал всех без разбора — и богатого и бедного, и старого и моло-

дого. Так как он не обещал никому чему-либо научить, то не может он нести ответственности и за нравственные поступки тех, кто вступал с ним в общение. Лица, искавшие последнего, делали это потому, что им был по душе метод его испытания людей, и потому что он открывал им их незнание. Это испытание людей — его истинное жизненное призвание. Никто не мог быть им развращен; в противном случае, пусть выступят здесь, на суде, его бывшие слушатели, сами, или их отцы и родственники, и докажут, что он в чем-либо подобном виновен. В заключение Сократ об'ясняет, почему он, вопреки обычаю, не обращается к своим судьям, с просьбой о милости, или снисхождении. Делает он это не из гордости, но из убеждения, что прибегать к этому было бы недостойно ни его самого, ни афинского народа.

Вот основные мысли значительной речи Сократа Какое впечатление произвела она на его судей? При последовавшем голосовании он был признан виновным большинством 60 голосов. Так как дело Сократа принадлежало к категории такого рода уголовных дел, для которых закон не устанавливал определенной степени наказания, то должен был быть поставлен на обсуждение и решение и этот вопрос. Обвинитель высказался за смертную казнь. Сократ сначала отклонил совершенно вопрос о каком либо наказании, так как, по его мнению, он его не заслужил. Затем, он высказался за наложение на него небольшого штрафа, в размере, примерно, мины серебра (около 40 рублей). Наконец, по совету некоторых друзей, согласился повысить эту цифру до 30 мин. В ре-

зультате, при происшедшем голосовании он был приговорен к смертной казни большинством 140 голосов.

В новое время процесс Сократа встретил различную оценку С одной стороны, приговор присяжных заклеймен был как юридическое убийство или, в лучшем случае, поставлен был на одну доску с преступлением против права человека свободно высказывать свое мнение; с другой стороны, в приговоре усматривали совершенно законное вмешательство органов государственной власти против революционера Дело Сократа, однако, настолько сложное, что его трудно было бы подвести под какую-нибудь определенную формулу. Во всяком случае, ясно, что о каком-либо вмешательстве государственных органов в область науки и знания не может быть и речи. Судьи, судившие Сократа, вправе были опровергнуть какой-либо упрек в нетерпимости: они, ведь, судили не мудреца Сократа, но нечестивца и развратителя молодежи, желали ограничить не свободу научного исследования, но распространение среди народа, в особенности среди молодежи, новомодных учений. Они могли сказать, что религиозные убеждения — личное дело каждого гражданина; но если этот гражданин занимается пропагандою своих убеждений, если он уклоняется от официально призванного богопочитания, то государство в праве вмешаться в это дело в интересах и оскорбленных государственных божеств и вводимого в заблуждение народа. Если бы Сократ не выступал публично, но оставался в тиши и в тени, никому и в голову не пришло бы привлекать его к ответу.

И упрек в юридическом убийстве, вообще в какомлибо правонарушении, судьи также могли отвергнуть указанием на то, что процесс протекал в вполне законных нормах, доведен был до конца, что обвинители Сократа действовали вполне честно. Правда, Ксенофонт упрекает их в том, будто они выставили лжесвидетелей. Но это вряд ли так, тем более, что Платон ни единым словом не упоминает об этом

Не об'ясняется ли суровый приговор поведением обвиняемого на суде? Платон в «Апологии» влагает в уста Сократу такие слова: «Быть может, вы думаете, господа, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы избежать наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда, что не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что̀ вам всего приятнее было бы слышать, вопия — и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное, все то, что̀ вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным сделать из-за этого что-нибудь рабское; и теперь не раскаиваюсь в этом, что защищался таким образом, и скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора... От смерти уйти нетрудно, судьи, а вот что гораздо труднее — уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем

смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что̀ идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные — тем, что идут проворно, — нравственной порчей. И вот, осужденный вами, ухожу я на смерть, а они, осужденные истиной, уходят на зло и неправду, и я остаюсь при своем наказании и они при своем.» И Ксенофонт замечает, что «Сократ, возбудив зависть своим самовозвеличением на суде, тем сильнее побудил судей вынести ему обвинительный приговор». Отсюда заключают, что первоначально настроение суда было благоприятно для Сократа, и что оно изменилось в связи с поведением его во время процесса. Но это соображение вряд ли сыграло решающую роль в вынесении подсудимому столь жестокого приговора. Конечно, среди 500 судей, судивших Сократа, были его убежденные противники, вынесшие смертный приговор ему вполне сознательно. Но таковых было, во всяком случае, незначительное количество из состава присяжных. Главный контингент их принадлежал, несомненно, к разряду средних обывателей, которые вряд ли с толком разбирались и вдумчиво относились к научно-просветительному характеру деятельности Сократа. Замечательно, что об этой деятельности ни словом не говорилось на суде, ни обвинителями Сократа, ни им самим в его защитительной речи. Не удивительно ли, что о Сократовых исследованиях общих понятий — а это центр, вокруг которого вращается вся его деятельность — совершенно ничего не говорилось? Диалектика Сократа представляла две стороны его «мудрости» — положительную и отрицательную, и для большой публики

последняя была и более знакома и более доступна, чем первая. Для массы народной Сократ являлся насмешником, сбивающим с толку собеседника, искусником речи, мастером в критике и полемике. Это все должно было создать для Сократа не мало врагов, и тем не менее трудно, даже невозможно, допустить, чтобы эта неприязнь к Сократу из-за отличительных свойств его диалектикического метода повела к вынесению ему обвинительного приговора. Тут должны были действовать другие причины, более сложные и глубокие. Их можно уяснить себе лишь в том случае, если рассматривать процесс Сократа с обще-исторической точки зрения, на фоне той исторической обстановки, среди которой он протекал.

В роковом исходе процесса Сократа одержала несомненную победу психология массы над человеческой индивидуальностью. Деятельность Сократа в Афинах протекала на глазах публики в течение, по меньшей мере, тридцати лет, при чем, как мы видели, Сократ постоянно преследовал одну и ту же цель и шел неуклонно к ней одними и теми же путями. Почему же его осудили лишь в 399 году? Об'яснение этого нужно искать, конечно, не в поведении Сократа на суде — это обстоятельство могло сыграть роль при голосовании о мере наказания, но не при голосовании о виновности Сократа вообще; не в том или ином случайно сложившемся подборе состава судей, судивших Сократа, а в общем настроении этих судей; более того, в общем настроении всего афинского гражданского населения, из состава которого 280 человек высказались за обвинение и 220 голосов —

за оправдание Сократа — большинство не очень значительное, но тем не менее, все-таки большинство. Общественное мнение однажды уже судило Сократа и оправдало его. Это было в 423 г., когда были поставлены на сцену «Облака» Аристофана, получившие третий приз лишь потому будто бы, что народ, смотревший пьесу, остался недоволен тем карикатурным обликом, в каком в ней выведен был Сократ, и покарал за это автора пьесы, несмотря на ее выдающиеся литературные достоинства Как щепетильно-чутка была афинская демократия по отношению к Сократу в 423 г., и какой несправедливой она, в большинстве своем, оказалась к нему двадцатью пятью годами позже.

Афинская демократия за эту четверть века пережила многое, а потому и настроение ее должно было измениться во многом. Афинская демократия эпохи «Облаков» Аристофана — наследница еще Перикловых Афин; афинская демократия эпохи Анита, Мелета и Ликона — ближайшая наследница Афин последнего десятилетия V века. Перикловы Афины жили под свежим впечатлением чувств торжества и гордости, явившихся результатом удачных Греко-Персидских войн, веденных ради высокой цели — освобождения соплеменников от ига варваров; Афины начала IV века жили под свежим впечатлением иных чувств — чувств унижения и озлобления, явившихся результатом проигранной Пелопоннесской войны, веденной с соплеменниками ради сохранения за собою верховенства. Об афинской демократии эпохи Перикла можно сказать словами Фукидида, влагаемыми им в уста Перикла; она «сделала государство вполне и во всех отно-

шениях самодовлеющим и в военное и в мирное время»; она жила «свободною политической жизнью в государстве» и не страдала «подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни»; она не раздражалась, «если кто-либо делает что-либо в свое удовольствие», и не показывала «при этом досады, хотя и безвредной, но все же удручающей другого»; она «в особенности прислушивалась ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи не писанными, влекут за собою общепризнанный позор за их нарушение; она любила «красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности»; поддерживая взаимное доверие, покоющееся на свободе, она давала возможность каждому человеку «приспособиться к многочисленным родам деятельности и добиться для себя самодовлеющего состояния». Благодаря просвещенной и патриотической деятельности Перикла и его предшественников сгладилась в Афинах, в эпоху Перикла, партийная вражда, и государство представляло собой, действительно, единое целое. Преемники Перикла повели государство по иному пути: своею эгоистическою политикою они снова обострили таившиеся в демосе партийные страсти, приведшие, в последнее десятилетие V века, к кризису и крушению демократического строя и к замене его сначала строем олигархическим, а затем, в эпоху господства Тридцати, строем тиранническим, в его самых худших проявлениях Фукидид, давший блестящую и глубоко-правдивую характеристику афинской демократии эпохи Перикла, столь же глубоко и столь же правдиво оттенил те последствия, ко-

торые вызывает в государстве война и партийная распря. «Во время мира и благополучия», замечает Фукидид, «как государства, так и отдельные люди питают более честные намерения, так как они не попадают в положения, лишающие людей свободы действия. Напротив, война, лишив людей житейских удобств в повседневной жизни, оказывается насильственной наставницей и настраивает страсти большинства людей сообразно с обстоятельствами.» Еще более пагубное влияние оказывают междоусобные распри на партийной почве. «Лица той или другой партии, становившиеся во главе государства, выставляли на вид благопристойные соображения: одни отдавали предпочтение политическому равноправию народной массы, другие — умеренному правлению аристократии, в льстивых речах они выставляли общее благо как свою награду, на деле же всячески боролись между собою за преобладание, отваживались на ужаснейшие злодеяния и еще дальше шли в своей мстительности, руководствуясь не мерой справедливости и требованиями государственной пользы, а соображаясь только с тем, что̀ могло быть всегда угодно той или другой партии... Совесть та и другая партия ставила ни во что... Беспартийные граждане истреблялись обеими сторонами или потому, что они не оказывали требуемой от них поддержки, или потому, что возбуждали зависть своим существованием. Таким образом, вследствие междоусобиц нравственная порча водворилась во всевозможных видах, и то простодушие, которое всего более присуще благородству, было осмеяно и исчезло; наоборот, широко возобладало

неприязненное, полное недоверия отношение друг к другу.»

Вот в какой атмосфере воспитались и жили те 500 судей, которых афинская демократия послала судить и осудить Сократа. Она, хотя и была восстановлена незадолго до процесса Сократа, все еще находилась под гнетущим впечатлением испытанного унижения от врага внешнего и была нравственно ослаблена и развращена ожесточенной гражданской войной. Все государство афинское испытало сильнейшее потрясение; сравнение настоящего с прошлым ясно представлялось сознанию каждого и наполняло все сердца горечью. Каждому хотелось открыть причины этой гибельной перемены и отыскать виновников ее. Что было причиной крушения внешнего могущества Афин? Злополучная Сицилийская экспедиция. Кто был ее главным инициатором? Алкивиад. Что расшатало внутреннее благополучие Афин? Партийная вражда, раздутая олигархами. Кто был одним из самых видных деятелей среди олигархов? Критий. В каких отношениях оба они — и Алкивиад и Критий —, уже покойные в 399 г., стояли к Сократу? Оба они, эти губители государства, были его учениками? Это была, конечно, несчастная случайность, но она должна была иметь для Сократа роковое последствие. Не даром еще в 345 г. оратор Эсхин заметил в одной из своих речей: «Вы, афиняне, приговорили к смерти софиста Сократа, потому что он воспитал Крития, одного из тех людей, которые ниспровергли демократию.» Ясно, широкие круги афинского общества считали влияние Сократа гибельным, особенно в только-что

восстановленной демократии. Ни для кого не было секретом, что он не симпатизировал тому демократическому строю, который существовал тогда в Афинах, так как строй этот не соответствовал его учению о господстве в жизни и человека и государства разума. Среди обвинений, выставленных против Сократа, было и такое: Сократ внушал своим ученикам презрение к существующим законам. Ксенофонт косвенно подтверждает это обвинение, замечая, что Сократ не побуждал своих учеников к «насильственной» перемене конституции, то-есть к замене олигархического строя демократическим. Да и вообще Сократ с его ярко и определенно выраженным индивидуализмом не подходил к демократическому строю. В демократиях, особенно тех, которые стремятся довести провозглашаемый ими принцип «свободы, равенства и братства» до крайних пределов, уничтожающих в корне всякую свободу, всякое равенство и всякое братство, личное начало заменяется началом коллективным, индивидуальность приносится в жертву яко-бы общему благу всего народа. А как же относился Сократ к демократическому принципу участия всех в государственной жизни? Совершенно отрицательно.

«Кто в самом деле ратует за справедливость», говорил Сократ на суде, «тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а выступать на общественное поприще не должен». Этот взгляд обосновывается указанием на бесполезность всех таких попыток, на непоправимость государственного строя, на неисправимость народной массы. Так нужно пони-

мать слова Сократа, когда он утверждает, что вряд ли он прожил бы долго, если бы принимал деятельное участие в государственной жизни: он постоянно должен был бы рисковать своей жизнью, борясь с народом без всякой пользы для последнего. Вряд ли бы отозвался так Сократ о демократии Перикловых Афин; но он смело мог сказать это о начинавшейся вырождаться демократии своего времени, которую Сократу — он должен был чувствовать это — трудно, даже невозможно было перевоспитать. Ни на чем не основано утверждение, будто у Сократа не было настоящей глубокой любви к своей родине. Нет, эта любовь у него была, и не в меньшей степени, чем у его обвинителей, но симпатии к воцарившемуся в Афинах строю у Сократа не было. Он прекрасно сознавал ту пропасть, которая разделяла его и большинство его соотечественников. После того, как Сократу был вынесен обвинительный приговор, он обратился со следующими словами к своим судьям: «Многое не позволяет мне возмущаться тем, что́ сейчас случилось, тем, что вы меня осудили; между прочим, и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той или другой стороне. Что меня касается, то.... я думал, что буду осужден бо́льшим числом голосов.»

И далее Сократ как бы об'ясняет, что́ именно отделяло его от большинства афинских граждан «Я не старался ни о чем таком, о чем старается большинство, ни о наживе денег, ни о домашнем устроении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о то́м, чтобы руководить народом, вообще,

не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе... Я не шел туда, где не мог принести никакой пользы, ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас, не заботиться ни о чем своем раньше, чем о себе самом, как бы ему быть, что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что̀ принадлежит государству, раньше, чем о самом государстве.»

Разумеется, обвинители Сократа, лица, враждебно настроенные к нему, не понимали, как должно, отношение Сократа к афинской конституции, точнее, не могли уяснить себе мотивов такого отношения, коль скоро в исследованиях разума, в установлении общих понятий они усмотрели опасность для всего государства В тот же важный момент, когда афинское государство снова восстановлялось в своем бытии и укреплялось на исконных демократических основах, они считали своим долгом заставить замолчать провозвестников нового направления. И в этом отношении афиняне оказались такими же, но только политическими, реакционерами, какие были Аристофан и другие, преследовавшие, в свое время, Сократа, наряду с софистами, за его новшества в области духа. Целью обвинения Сократа было заставить его во что бы то ни стало замолчать. В настоящее время этого можно было бы достигнуть легче, проще и без применения слишком крутых мер; не нужно было бы возбуждать даже судебного процесса. В Афинах другого пути, кроме судебного

процесса, не было для этого предусмотрено. Если бы Сократ был видным политическим деятелем, к нему можно было бы применить почетное изгнание, остракизм. Но Сократ от политики стоял совершенно в стороне. И вот Сократу пред'явлено обвинение в безбожии, точнее в нечестии, асе́бейа. Термин этот имел в Афинах очень эластичное значение: нечестивый, асебе́с, был и тот, кто вырывал священную маслину, и тот, кто не признавал государственных божеств, и тот, кто вводил новые божества. Широкая возможность представлялась каждому гражданину возбудить дело по обвинению в нечестии. Правда, обвинитель, если бы обвинение не было доказано на суде, подвергался штрафу в тысячу драхм и даже атимии, то-есть полному, или частичному лишению гражданских прав. Так же широко установлена была скала наказания, если обвинение было доказано. И Сократу была полная возможность избежать смертного приговора. Он мог не явиться на суд, но он явился. Он мог предложить на суде применить к нему меньшую степень наказания, хотя бы вечное заточение, изгнание; он мог, наконец, избежать смертной казни, если бы сделал то, что̀ обыкновенно делали все осужденные: смиренно обратиться к милосердию судей. Ничего подобного Сократ не предпринимал, по причинам, о которых он красноречиво говорит в «Апологии» Платона. «Будучи убежден в том», замечает Сократ, «что я никого не обижаю, я ни в каком случае не стану обижать и самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из

страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет, и о чем я не знаю, хорошо ли это, или дурно? Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это — зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом постоянно меняющейся власти?*) Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что всякое заточение, потому что мне не из чего уплатить. В таком случае, не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие, и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? Никоим образом, афиняне. Хороша же была бы в таком случае моя жизнь — уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я, ведь, отлично знаю, что куда бы я ни пришел, молодежь везде будет слушать меня так же, как и здесь, и если я буду ее отгонять, то сама меня выгонит, подговорив старших, а если я не буду ее отгонять, то отцы и домашние выгонят меня из-за нее же.»

Сократ остался верен себе до конца. Его миссия была — направить чувства и мышления лю-

*) Наблюдение за тюрьмами и исполнение судебных приговоров лежало на обязанности «Одиннадцати», ежегодно избиравшихся чиновников.

дей на новые пути. Всякого рода компромиссы для таких цельных и честных натур, как Сократ, неприемлемы и невыносимы. Пред ними стояла альтернатива: или продолжать то дело, которое он считал задачею своей жизни, или прекратить это дело, но вместе с тем перестать жить. И он не как фанатик-мученик, в порыве экстаза, но как убежденный мудрец, с полным сознанием, пошел на смерть.

XVII.

То, что сказано о Христе, может быть применено и к Сократу: оба они должны были умереть, чтобы победить. Но между тем как у Христа, пред тем как отдаться на смерть, была «прискорбна душа» и он даже взывал в молитве к отцу своему: «Отче, когда бы воля твоя была пронести чашу сию мимо меня», Сократ пошел навстречу смерти со спокойным сердцем...

Платон посвятил умирающему Сократу два диалога: «Критон» и «Федон». В первом действие происходит за два дня до смерти, во втором — в день самой смерти. В «Критоне» друг Сократа, его ровесник и земляк, пытается уговорить его бежать из тюрьмы: Сократ отклоняет ее, исходя из того принципа, что всякий гражданин должен повиноваться государственным законам, хотя бы он испытывал от них величайшую несправедливость Испробовав законные пути убеждения, каждый должен подчиниться отечественному суду, хотя бы он считал решение его и несправедливым: неповиновение закону в корне подрывает закон, которым держится отечество. Отечественные законы,

говорит Сократ, сказали бы ему: «У нас, Сократ, имеются великие доказательства тому, что тебе нравились и мы и наш город, потому что не сидел бы ты в нем так, как не сидит ни один афинянин, если бы он не нравился тебе так, как ни одному афинянину; никогда ты не выходил из города ни на праздник, ни еще куда бы то ни было, разве что на войну, и никогда не путешествовал как прочие люди, и не нападала на тебя охота повидать другой город и другие законы, но с тебя довольно было нас и нашего города; вот до чего предпочитал ты нас и соглашался жить под нашим управлением; да и детьми обзавелся ты в нашем городе потому, что он тебе нравится. Наконец, если бы хотел, ты еще на суде мог бы потребовать для себя изгнания и сделал бы тогда с согласия государства то самое, что́ задумал сделать теперь без его согласия Но в то время ты напускал на себя благородство и как будто бы не смущался мыслью о смерти и говорил, что предпочитаешь смерть изгнанию; а теперь и слов этих не стыдишься и на нас, на законы, не смотришь, намереваясь нас уничтожить; и поступаешь ты так, как мог бы поступить самый негодный раб, намереваясь бежать вопреки обязательствам и договорам, которым ты обязался жить под нашим управлением... Не нарушились бы те обязательства и договоры, которые ты с нами заключил, не бывши принужденным их заключать, и не бывши обманутым и не имевши надобности решить дело в короткое время, а в течение 70 лет, пока тебе можно было уйти, если бы мы тебе не нравились и если бы договоры эти казались тебе несправед-

ливыми. Ты же не предпочитал ни Лакедемона, ни Крита . ни еще какого-нибудь из эллинских, или варварских государств, но выходил отсюда реже, чем выходят хромые, слепые и прочие калеки, — так особливо, по сравнению с прочими афинянами, нравился тебе и наш город, и мы, законы... Нарушив эти условия и оказываясь виновным в чем-нибудь подобном, что́ сделаешь ты хорошего для себя самого и для своих близких. Что твоим близким будет угрожать изгнание, что они могут лишиться родного города, или потерять имущество, это, по меньшей мере, очевидно. Что же касается тебя самого, то если ты пойдешь в один из ближайших городов..., то ты придешь туда врагом государственного порядка этих городов, и всякий, кому дорог его город, будет на тебя коситься, считая тебя разрушителем законов, и ты утвердишь за твоими судьями славу, будто они правильно решили дело, потому что разрушитель законов весьма может оказаться развратителем молодежи и людей неразумных. Но, быть может, ты намерен избегать и городов, которые управляются хорошими законами, и людей наиболее достойных? Но в таком случае сто́ит ли тебе продолжать жить?.. Но, положим, ты ушел бы далеко от этих мест... Но что тебе там делать, кроме как не наслаждаться едой? А беседы о справедливости и прочих добродетелях, они куда денутся? Но, разумеется, ты желаешь жить для детей, для того, чтобы вскормить, воспитать их? Как же это, однако? Вскормишь и воспитаешь их и вдобавок ко всему прочему сделаешь их иностранцами? . .Нет, Сократ, послушай же ты нас,

своих воспитателей, и не ставь ничего впереди справедливости — ни детей, ни жизни, ни еще чего-нибудь .. Если ты сделаешь это, что́ намерен сделать, то и здесь не будет хорошо ни для тебя, ни для кого из твоих, не будет ни справедливо, ни согласно с волею богов и если ты умрешь теперь, то умрешь обиженный не нашими законами, а людьми. Если ты выйдешь из тюрьмы, столь постыдно воздавши за несправедливость и зло, нарушишь заключенные с нами договоры и обязательства, и причинив зло как раз тем, кому всего менее следовало причинять его, — самому себе, — друзьям, отечеству, нам, то и мы будем на тебя сердиться при твоей жизни, да и там наши братья, законы Аида, не примут тебя с радостью, зная, что ты и нас готов был уничтожить, насколько это от тебя зависело.»

Конечно, «Критон» не представляет запись действительного разговора Сократа; тем не менее образ Сократа, который в нем дан, совершенно верен, и в основе диалога могут лежать действительные воспоминания. Мы привели длинные выдержки из «Критона» намеренно. В нем ясно подчеркивается афинская окраска политического идеализма Сократа, идеализма, коренившегося в афинской почве. Этический идеал государства, как нравственно-разумного целого, благо которого совпадает с благом отдельных граждан и осуществляется в их разумном взаимодействии, в наиболее целесообразном разделении труда, соответствующем способностям, уменью, знаниям каждого, — такой идеал мог вырасти только на свободной афинской почве Перикловой эпохи.

План бегства Сократа из тюрьмы, придуманный его друзьями (инициатором плана, по другим известиям, был не Критон, но Эсхин), мог осуществиться тем легче, что выполнение смертного приговора, в силу случайных обстоятельств, было отсрочено. Накануне того дня, когда происходил суд над Сократом, начались приготовления к празднику Делиев. Праздник приходился в афинском месяце Фаргелионе (вторая половина нашего мая, первая половина нашего июня) и справлялся ежегодно в воспоминание о происшедшем, благодаря Фесею, спасении семи афинских мальчиков и семи девочек, которые, по преданию, должны были быть посылаемы на Крит, в качестве дани, каждые девять лет Началом предпраздненства считалось увенчание корабля, на котором отправлялось торжественное посольство на остров Делос (отсюда название праздника «Делии»), концом праздника — возвращение этого корабля в Афины. Этот промежуток заключал обыкновенно тридцать дней. Так как в течение этого времени ни один смертный приговор не мог быть приведен в исполнение, то Сократ провел в тюрьме четыре недели в живом общении с ежедневно посещавшими его друзьями. Во время этих бесед представлялось, конечно, много случаев поговорить и обо всем происшедшем, а также коснуться вопросов и о будущем, о предстоящей смерти Сократа. А это вело к обсуждению вопроса о бессмертии души.

Платон посвятил обсуждению этой темы диалог «Федон». В противоположность «Апологии» и «Критону», написанным вскоре после смерти Сократа, «Федон» составлен им значительно позже, когда

Сократово учение о понятиях было преобразовано Платоном в его учение об идеях. Поэтому, философское обоснование бессмертия души, развиваемое в «Федоне», принадлежит всецело Платону и для характеристики мировоззрения Сократа значения иметь не может. Впрочем, как смотрел Сократ на смерть и на то, что̀ последует за смертью, определенно высказано и в «Апологии», и развиваемые там мысли могут быть приписаны Сократу. Смерть, по его мнению, есть благо — так можно, по крайней мере, надеяться. «Умереть, говоря, по правде», замечает Сократ, «значит одно из двух; ведь это значит: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было; или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место, если верить тому, что̀ об этом говорят. И если бы это было отсутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением... С другой стороны, если смерть есть как бы переселением отсюда в другое место, и если правду говорят, будто бы там находятся все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого? В самом деле, если прибудешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, — Миноса, Радаманфа, Эака, Триптолема и всех тех полубогов, которые в своей жизни отличались справедливостью, — разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гоме-

ром? Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда... И наконец, самое главное, это — проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно: кто из них мудр, и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр; чего не дал бы всякий судья, чтобы узнать доподлинно человека, который привел великую рать под Трою (то-есть Агамемнона), или узнать Одиссея, Сизифа и множество других мужей и жен, которых распознавать, с которыми беседовать и жить вместе было бы несказанным блаженством. Не может быть никакого сомнения, что уж там-то за это не убивают, потому что, помимо всего прочего, тамошние люди блаженнее здешних еще и тем, что остаются все время бессмертными, если верно то, что̀ об этом говорят.»

Хотя, по замечанию Федона, Платон, по болезни, не присутствовал при предсмертных часах и кончине Сократа, но, вероятно, это — просто литературный прием со стороны Платона. Скорее можно думать, что описание смерти Сократа, данное Платоном в «Федоне», изложено им как очевидцем. Но если бы даже было не так, если бы и это описание, как и защитительная речь Сократа в «Апологии», было «стилизованной правдой», она, эта «правда» ближе к действительности, чем что бы то ни было. К тому же «правда» эта столь величественна, производит такое потрясающее впечатление на читателя даже в настоящее время, что остается одно: воспроизвести эту «правду» дословно, словами Платона.

Действие в «Федоне» открывается утром на другой день, как вернулся праздничный корабль с Делоса. День смерти Сократа наступил. Почти все близкие друзья его собрались на площади пред зданием тюрьмы и ожидают, когда откроются двери. Наконец, их впускают. Сократ, с которого только-что сняли оковы, лежит на постели. Около него сидит Ксантиппа с малолетним ребенком на руках. Увидав входящих друзей, она разражается рыданием; но Сократ, желая посвятить последний день своей жизни духовному общению с друзьями, просит Критона распорядиться отправить Ксантиппу, в сопровождении слуги его, домой. Около Сократа остаются только его верные приверженцы, охваченные все совершенно исключительным настроением. С одной стороны, они подавлены мыслью о предстоящей разлуке с Сократом, с другой — они поражены величием его духа и покорной преданностью его участи. Сократ говорит им, что всякий истинный философ должен желать смерти, ибо вся жизнь философа ни что иное как приготовление к смерти, постепенное освобождение души от оков тела Лишь после смерти можно достигнуть полной нравственной чистоты и совершенного познания истины. Как же после этого не желать смерти? После замечания одного из собеседников, что все эти соображения имеют свое значение лишь в том случае, если допустить бессмертие души, Сократ и переходит к обсуждению и обоснованию этой проблемы В этой части диалога, несомненно, устами Сократа говорит Платон, развивающий свою теорию. Мы не будем излагать ее, но приведем, в переводе, заключительную часть

«Федона», имеющую непосредственное отношение к последним минутам жизни Сократа.

«Не должен испытывать страха за свою душу», говорил Сократ, «тот человек, который, в течение своей жизни, отметал все наслаждения, все радости, касающиеся тела, как нечто чуждое ему и приводящее к нежелательным последствиям, и который, наоборот, ревностно стремился к наслаждениям, связанным со знанием, и украшал свою душу не нужным, а подходящим для нее убранством — скромностью, справедливостью, мужеством, свободой, истиной, который, пребывая в таком состоянии, ждал переселения в подземный мир и был готов отправиться туда, когда призовет его судьба. И вы все отправитесь туда в свое время каждый. А меня зовет судьба уже теперь. Наступает время, когда я должен совершить омовение: ибо лучше сначала омыться и затем выпить яд — не то будут хлопоты женщинам омывать мой труп — На это заметил Критон Правильно, Сократ. А не дашь ли ты мне, либо кому из присутствующих каких-либо поручений насчет твоих детей, или чего иного? Исполнением этих поручений нам хотелось бы услужить тебе. — Исполняйте то, отвечал Сократ, о чем я всегда говорил, и ничего больше: заботьтесь о самих себе; этим вы окажете услугу и мне и моей семье и самим себе, если бы вы даже теперь и не дали такого обещания Если же вы будете относиться к самим себе небрежно и не захотите жить, согласно моим прежним и теперешним наставлениям, то ничего не достигнете, хотя бы надавали мне теперь и кучу обещаний. — Будем стараться так

поступать, заметил Критон. — Но скажи, как похоронить тебя? — Как хотите, отвечал Сократ; смотрите только — схватите меня, как бы я от вас не убежал. — Тихо засмеявшись и посмотрев на присутствующих, Сократ продолжал: Критон, друзья, не верит, что я — тот именно Сократ, который теперь говорит с вами и руководит всею беседой; Критон думает, что я — тот, кого он, немного погодя, увидит трупом, и потому спрашивает, как меня похоронить. — То же, что я раньше подробно развивал вам, что я больше не останусь с вами, но, после того, как выпью яд, уйду от вас в счастливый мир блаженных — все это, по мнению Критона, сказано напрасно, исключительно с целью, доставить и вам и самому себе утешение. Ну, так дайте за меня Критону поруку, иную, нежели та, которую он дал за меня судьям. Он поручился в том, что я не скроюсь отсюда, вы же поручитесь, что я не останусь здесь, когда умру, но уйду отсюда; тогда и Критону станет легче: видя, как мое тело будет предано сожжению, или зарыто в землю, он перестанет негодовать на судьбу, жестоко обошедшуюся со мной, а при моем погребении не будет говорить, что он «выставляет» Сократа, или выносит его, или зарывает его в землю. Поверь мне, дорогой Критон, неправильно выражаться в данном случае — плохое дело не только для самого выражения, но оно плохо и в отношении души человеческой. Таким образом, нечего тебе бояться, говорить, что ты хоронишь мое тело, а хоронить его нужно так, как это тебе любо и как, по твоему мнению, это согласуется, всего более, с обрядом погребения.»

«Сказав это, Сократ встал и направился в соседнюю комнату для совершения омовения. Критон за ним последовал; мы же стали ждать его возвращения, беседуя между собою о том, что̀ слышали, тщательно разбирали тему беседы, говорили о предстоящем несчастии; все мы сознавали, что теряем отца и дальнейшую жизнь будем проводить сиротами.»

«Когда Сократ совершил омовение, к нему были приведены дети — у него было двое малолетних сыновей и один взрослый. Пришли к нему также и женщины из его дома. Сократ, в присутствии Критона, поговорил с ними, дал им кое-какие указания, а затем велел женщинам и детям уйти, сам же вышел к нам. Был уже близок закат солнца (Сократ долгое время оставался в комнате для омовения). Придя к нам после омовения, Сократ сел, но ему пришлось уже недолго беседовать с нами. Явился прислужник «Одиннадцати» и сказал Сократу: Ты, Сократ, не то, что другие, и на тебя мне жаловаться не приходится: другие приговоренные к смерти сердятся, проклинают меня, когда я, по приказанию властей, велю им выпить яд. Тебя за все это время я хорошо разузнал и вижу, что ты из всех тех, кто попадал сюда, человек самый мужественный, кроткий, добрый И теперь, я уверен, ты будешь сердиться не на меня, а на тех, кто — ты, ведь, знаешь их — виновен во всем этом. Тебе известно, с какой вестью пришел я. Прощай! Постарайся как можно легче перенести то, чего изменить нельзя. И со слезами на глазах прислужник повернулся и вышел. А Сократ, посмотрев вслед ему, промолвил. Прощай!

Я исполню, как ты говоришь. Затем он обратился к нам: Какой деликатный человек! Все время наведывался ко мне, иногда разговаривал со мной и был вообще очень добр. И теперь как трогательно относится к моей кончине. Ну-ка, Критон, послушаемся его. — Пусть кто-нибудь сходит за ядом, если уже успели растереть его в порошок. Если же яд не готов еще, пусть его натрут. Критон сказал на это: Ах, Сократ, да на горах еще видно солнце, не закатилось оно еще. А потом, я знаю, другие выпивали яд много времени спустя после того, как им это было приказано, после того, как они плотно поели, изрядно выпили, а некоторые так даже вкусили еще любовных утех с предметами своей страсти. Спешить-то нечего — время еще есть. На это заметил Сократ: Понятно, Критон, эти люди поступают так, как ты говоришь: они думают, что в этом есть для них какой-то выигрыш. Но, понятно также, я так не поступлю Я, ведь, не рассчитываю остаться в барышах, выпив яд несколько позднее. Напротив, я буду смешон самому себе, если стану «липнуть» к жизни, беречь ее, тогда, как она — ничто. Однако, не сопротивляйся, иди и исполни то, что я сказал.»

«После этого Критон дал знак стоявшему неподалеку служителю Тот вышел и, спустя довольно продолжительное время, вернулся с тем человеком, который должен был дать яд. Он нес его растертым в порошок в кубке. Сократ, увидев этого человека, сказал: Прекрасно, любезнейший! Ты знаешь, что нужно делать в таких случаях? Да ничего особенного делать не надо, отвечал тот, а как выпьешь яд, ходи, пока ноги не

отяжелеют, а потом ложись! Тогда яд и подействует. И с этими словами он поднес кубок Сократу. Тот совершенно спокойно, без какой-либо дрожи, не изменившись в лице, взял кубок. По привычке он исподлобья взглянул на служителя и спросил его: Что́ скажешь ты об этом напитке? Можно совершить им возлияние какому-нибудь божеству? Или нельзя? Мы натерли, отвечал служитель, яду ровно столько, сколько, по-нашему, достаточно его выпить (чтобы он подействовал). Понимаю, сказал Сократ. Тем не менее можно и должно молиться богам, чтобы переселение отсюда туда совершилось благополучно. Так вот и я молюсь, чтобы это так было. С этими словами он поднес кубок к устам и выпил яд быстро и легко. Большинство из нас до сих пор крепилось, и мы не плакали. Когда же мы увидели, что Сократ начал пить и выпил яд, мы не могли уже больше сдерживаться. У меня (Федона) против воли ручьем полились слезы, я закрылся плащом и стал плакать, оплакивая, конечно, не его, а себя и свою судьбу при мысли о том, что такого друга я лишаюсь Критон — тот еще раньше вышел, будучи не в силах сдерживать слезы. Аполлодор и раньше все время плакал, а теперь громко зарыдал, так что у всех присутствующих сердце разрывалось на части. Ну, а Сократ — не то. Что̀ с вами, чудаками? сказал он. Я и женщинам-то велел выйти потому, что не хотел, чтобы они дурили. Я слышал, что умирать нужно с благоговением. Да успокойтесь же, сдержите себя!»

«Услышав это, мы успокоились и стали сдерживать слезы. Сократ стал ходить по комнате.

Когда у него, как он сказал, стали тяжелеть ноги, он лег на спину, как ему посоветовал служитель, принесший яд. Спустя некоторое время служитель ощупал ноги и колени Сократа, затем сильно надавил ему ногу и спросил, чувствует ли он это. Сократ отвечал: нет. Потом служитель стал ощупывать икры Сократа и постепенно щупал все выше и выше, знаками показывая нам, что он холодеет и костенеет. Снова ощупав Сократа, служитель сказал, что когда сердце его охолодеет, тогда он и скончается. Уже вся брюшная полость охолодела. Вдруг Сократ раскрылся — он лежал покрытый плащом — и произнес последние слова свои: Критон, Асклепию-то мы должны петуха. Не забудьте ему принести его в жертву! Хорошо, принесем, сказал Критон. Не скажешь ли еще чего?

На этот вопрос Сократ уже не дал ответа. По прошествии короткого времени он протянулся. Служитель приоткрыл его, и мы увидели, что глаза его остановились. Критон при виде этого зарыдал и закрыл Сократу рот и глаза.»

XVIII.

Сократ умер. Но самый факт его смерти произвел действие, противоположное тому, на какое рассчитывали его противники. Они думали насильственным путем задушить новые идеи, проповедуемые Сократом, а вышло наоборот: эти идеи постепенно стали торжествовать. В первое время после смерти Сократа казалось, будто противникам его удалось истребить в Афинах всякую духовную жизнь. Панический ужас охватил последователей

Сократа и побудил их бежать из Афин в соседние Мегары. На Анита смотрели, как на спасителя отечества, и он пользовался полным доверием народа в течение всей своей жизни, то-есть, примерно, до 80-х годов IV века. Позже стали ходить рассказы, будто афиняне, уже вскоре после смерти Сократа, раскаялись, приговорили даже к смерти его главного официального обвинителя, Мелета, а Анита и Ликона подвергли изгнанию, в память самого же Сократа воздвигли бронзовую статую. Все это недостоверные сведения; им противоречит, во всяком случае, тот факт, что Анит еще в 387 г. занимал ответственную должность ситофилака, то-есть наблюдателя за хлебною торговлей. Таким образом, не может быть и речи о какой-то перемене по отношению к Сократу в настроении народной массы.

Да она о нем, несомненно, скоро и забыла, тем более, что в первые два десятилетия после смерти Сократа афиняне заняты были кипучей деятельностью, направленной всецело на возможное восстановление потрясенного могущества их государства. Им не было надо Сократа и всего того, что с ним было связано. Казнь Сократа вызвала, однако, литературную полемику. Мы упоминали уже о брошюре Поликрата, где были разобраны пункты обвинения, выставленные против Сократа. На эту брошюру отвечал оратор Лисий. Умерший Сократ воскрес в сочинениях его учеников. Исполнилось то предсказание, с которым обратился Сократ на суде к своим обвинителям: «Я утверждаю», говорил он, «что тотчас за моей смертью придет на вас, мужи меня убившие, мщение, которое бу-

дет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, совершая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обвинителей, тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания за все то, что вы живете неправильно, то вы неправильно это думаете. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен и не хорош, а вот вам способ и самый хороший и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.»

Рассеявшиеся после смерти Сократа ученики и последователи его возвратились в Афины лет десять спустя после его смерти Они развили оживленную литературную деятельность, концентрировавшуюся вокруг личности и деятельности Сократа, так называемую Сократовскую литературу. Каждый год почти появлялись сочинения, воспроизводившие, главным образом, те беседы, которые Сократ вел, воспроизводившие эти беседы в той характерной форме диалога, которая не является созданием какого-нибудь отдельного лица, но которая появилась совершенно естественно, как своего рода противоположность между устным собеседованием Сократа и лекциями и пышными речами софистов и риторов. Многие из учеников Сократа ставили себе только одну цель — защитить его

дело, показать всем и каждому, какое преступление совершило государство, хвалившееся тем, что оно — «школа Эллады», нарисовать образ Сократа, и теперь, когда уста его были немы, сообщить, по крайней мере, его слова тем людям, которые стремятся к познанию. Разумеется, при такой передаче слов Сократа должен был играть большую роль суб'ективный момент. Каждый передавал учение Сократа так, как он его понимал; он мог даже бессознательно отклоняться от способа рассуждения Сократа, с тем, чтобы довести это рассуждение до правильного, по его мнению, заключения, он мог, наконец, поставить на обсуждение такую проблему, которая и не интересовала учителя, но близка была сердцу ученика. Но какую бы задачу не ставил себе автор, он стремился к одному — свою личность оставить совершенно в тени и двинуть на первый план личность Сократа В таком роде были диалоги учеников Сократа· Эсхина Афинского, о котором говорили, что он точнее всего умел воспроизвести метод собеседования Сократа, Федона из Элиды, Евклида из Мегар, позже «Воспоминания» Ксенофонта и наряду с ними многих других. От всей этой обильной и разнообразной Сократовской литературы дошли жалкие крохи. Исключение представляют лишь Сократовские сочинения Ксенофонта, диалоги Платона, о которых речь была выше.

Сократ — это давно признано всеми — явление совершенно исключительное в истории человеческой культуры. Провозглашенные им основные принципы, что добродетель есть знание, не кажущееся, но истинное знание, ведущее, в результате,

к правильности действий; что установлению положительных понятий должно предшествовать преодоление ложных представлений и признание собственного незнания; что добродетель и счастье тожественны, и что «справедливый» муж и счастливый муж — одно и то же; наконец, что нравственное усовершенствование должно исходить от индивида, а не являться в результате стремлений государства или общества — все эти принципы, может быть, кем-нибудь и были смутно сознаваемы до Сократа, но впервые у него они получили вполне определенную формулировку.

Замечательно, что Сократ был первый прирожденный афинянин, поставивший «философствование» своим жизненным призванием. От своих отдаленных предшественников, ионийских натурфилософов, Сократ почерпнул не столько положительных знаний, сколько отрицательного сознания, приведшего его к тому, что вопросы, связанные с натурфилософией, путем истинного знания разрешены быть не могут От своих ближайших предшественников, Анаксагора и софистов, Сократ, несомненно, усвоил нечто и положительное: первый с его учением о «Разуме», как верховном начале мира, подчеркнул все значение интеллекта в жизни человека, столь определенно проводимое Сократом; вторые натолкнули его на разбор этических проблем. Оттененное софистами оружие диалектики Сократ обратил против них самих, и соединение выдающегося ума с непреклонной волей и ясными, твердо поставленными нравственными инстинктами, обеспечили Сократу победу в его борьбе с софистикой за рационально обоснованное и мо-

рально позитивное мировоззрение. О Сократе, так же как и о софистах, можно сказать словами Цицерона философию он свел с неба на землю и поселил ее в городах и даже ввел ее в дома. Характерно, что Ксенофонт не противополагает вообще Сократа софистам, а Платон противопоставляет его им только в своих поздних диалогах.

Значение Сократа для истории античного мышления настолько велико, что все последующее развитие греческой философии стоит на фундаменте, им заложенном. И это свое значение Сократ не утратил с появлением христианства.

Для первых христиан невольно напрашивалась мысль — противопоставить Христу языческого философа, пострадавшего, подобно ему, мученической смертью за исповедуемое им дело И в христианской литературе, уже с самых ранних зачатков ее, встречается параллельное сопоставление: Сократ и Христос, причем, естественно, христиане высоко ставили Христа над язычником. Суждения о Сократе у христианских писателей колебались; с одной стороны, его почитали и пред ним преклонялись, как пред исповедником истины, с другой стороны — над ним насмехались и фанатически его поносили. Но всегда и везде в христианской литературе Сократ является представителем языческой философии. Самая деятельность Сократа, однако, с течением времени, с постепенною победою христианской культуры над языческой, стала забываться, и он становился просто историческою фигурой. Место Сократа занял Христос.

Однако, искры того пламени, который возжег Сократ, не потухали в течение средних веков. К новой

мощной жизни пробудился Сократовский дух, когда западно-европейская культура стала стремиться отдалиться от церковно-феодальных оков, наложенных на нее средневековою организацией жизни, и от мистического настроения средневекового религиозного мышления Правда, самое имя Сократа, или хотя бы воспоминание об исторически-действовавшем Сократе, не является теперь магическим словом. Но то дело, которому служил Сократ, провозглашенные им принципы стали теперь культурною силою, которая в разнообразных, иногда едва заметных формах, глубоко проникла в духовное развитие европейских народов и проявляет свое определенное влияние и по сие время. Как будто снова противостали теперь Сократ и Христос и борятся за господство, но не с тем, чтобы одному одолеть другого· на протяжении веков, благодаря прогрессу, оба они успели уже вступить в разнообразное и плодотворное взаимодействие. Тем не менее противопоставление Сократа и Христа, конечно, должно сохранять свою силу. И кто знает, быть может, в недалекое время опять умы человеческие будет занимать старый, много и на разные лады обсуждавшийся вопрос: Сократ или Христос? Как бы этот вопрос ни был решен, можно утверждать одно: Сократовское евангелие и для теперешнего и для будущих поколений будет всегда служить источником жизни, нравственной силы и свободы. А о Сократе, как личности, уместнее всего будет привести, в заключение, те слова, которыми закончил Ксенофонт свои «Воспоминания о Сократе» Те, кто знавал Сократа, каков он был, и кто стремится к добродетели, и те-

перь тоскуют о нем, как о человеке, который мог принести наибольшую пользу всем, пекущимся о добродетели. Я изобразил Сократа таким, каким он является в моем представлении· настолько благочестивым, что ничего он не предпринимал, не спросясь у богов: таким справедливым, что никому, даже в мелочах, не принес он вреда, и был полезен всем, имевшим с ним дело; человеком с такой твердой волей, что никогда не давал он предпочтения приятному пред хорошим; настолько разумным, что суждения его о хорошем и дурном были безошибочны, при чем, высказывая их, он был вполне самостоятелен и не нуждался в постороньей помощи; способным изложить и определить, что̀ хорошо и что̀ дурно, вообще, исследовать изобличать ошибки и направлять на путь добродетели и совершенства. Будучи таковым, Сократ казался мне образцом человека самого прекрасного и самого справедливого. И если ·кому это суждение не нравится, пусть он сравнит других людей с тем, что я сказал о Сократе, и тогда судит.

Содержание

I. Силен и мудрец 7
II Источники биографических сведений о Сократе 15
III. Детство и юность 22
IV. Афины во вторую половину V века . . 30
V. Софистика 40
VI. Сократ на поле брани 53
VII. Выступление на общественную деятельность 58
VIII. Семейная обстановка 61
IX. Участие в государственной жизни . . . 64
X. Сократ и аттическая комедия 74
XI Платон, Ксенофонт и Аристотель о Сократе 86
XII. Круг деятельности 99
XIII. Метод 109
XIV. Принципы «мудрости» Сократа . . 124
XV. Уголовное преследование Сократа . 137
XVI Судебный процесс 147
XVII Казнь 171
XVIII. Духовное наследие Сократа 184